

ПОСЕВ

IV
1987

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Ежеквартальное издание избранных материалов

40 тысяч погибших,
200 тысяч раненых
наших солдат в Афганистане...

Читайте в номере:

- Когда же будет конец афганской трагедии?
- Идет становление независимой общественности
- Освальд фон Нелль-Брейнинг о построении общества
- Возможна ли перестройка отношения к религии?
- Как делалась «Великая Октябрьская»...
- Генерал Деникин. Очерки русской смуты

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОСЕВ»

Со дня основания (1945 г.) и до сегодняшнего дня издательство „Посев“ видит свою задачу в печатании и распространении вольного русского слова, правдиво отображающего жизнь, мысли, надежды и стремления народов России: вольного слова, не имеющего возможности пробиться через барьеры советской цензуры, но являющегося неотъемлемой частью культурной, общественной и политической жизни нашей страны. Не меньшее внимание издательство уделяет и другой части нашей культуры, находящейся и развивающейся в эмиграции.

В соответствии со своей задачей издательство выпускает книги, брошюры, а также периодические издания: общественно-политический ежемесячник „Посев“, литературный ежеквартальный журнал „Грани“; с благословения Антония, архиепископа Женевского и Западно-Европейского, в изд. „Посев“ типографским способом переиздается самиздатский православный сборник „Надежда“. Издательство оказывает предпочтение тем произведениям художественной литературы и работам, которые имеют значение для развития освободительных процессов в России.

Другие, наиболее известные, русские периодические издания на Западе:

«ЕДИНЕНИЕ», еженедельная газета, выходящая в Мельбурне (Австралия).

«НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО», ежедневная газета, выходящая в Нью-Йорке (США).

«РУССКАЯ ЖИЗНЬ», ежедневная газета, выходящая в Сан-Франциско (США).

«РУССКАЯ МЫСЛЬ», еженедельная газета, выходящая в Париже (Франция).

Все указанные газеты информируют читателей о международном положении, о жизни русской эмиграции, о положении в СССР.

«ВЕСТНИК РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ», ежеквартальный журнал, выходящий в Париже. Богословие, Церковь, философия, культура, судьбы России.

«ВЕЧЕ», ежеквартальный альманах. Издатель — Российское национальное объединение в ФРГ. Национально-религиозная публицистика, история и судьбы России, документы.

«КОНТИНЕНТ», ежеквартальный литературный, общественно-политический и религиозный журнал, выходящий в Париже. Современная проза, поэзия и публицистика авторов Восточной Европы.

«НОВЫЙ ЖУРНАЛ», ежеквартальный литературный и публицистический журнал, выходящий в Нью-Йорке. Проза, поэзия, литературная критика, литературоведение, публицистика и пр.

«РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ», независимый русский православный национальный журнал. Издается ежеквартально Комиссией по подготовке празднования 1000-летия Крещения Руси (Нью-Йорк). История и судьбы России, проблемы русского национально-религиозного движения.

„СТРАНА И МИР“, ежемесячный общественно-политический журнал выходящий в Мюнхене. Либерально-демократическое направление.

Фонд Свободной России создан в 1966 г. для поддержки российского освободительного движения.

Фонд обращается с призывом ко всей мировой общественности. Но освобождение России — дело не Запада, а нашего народа. Главный источник сил и средств — в нашей стране. Ищите возможность переправлять нам из СССР пожертвования для издания литературы, для ее провоза в страну, для обеспечения борющихся групп типографской техникой, для поддержания с ними связи. Оказывайте сами материальную помощь борцам внутри страны.

Адрес для переписки: T. Slavinsky, Flurscheideweg 15, D-6230 Frankfurt a. M. 80.

Банковский счет: A/C 461 971, Rubr. Free Russia, Swiss Bank Corporation, CH-4002, Basel.

НЕ В СИЛЕ БОГ, А В ПРАВДЕ! — АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

ПОСЕВ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит ежемесячно

Журнал издается за рубежом с 1945 г.

Настоящий выпуск содержит
избранные материалы за три месяца:
октябрь, ноябрь и декабрь 1987 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Заявление Совета НТС (2)

ПО СТРАНЕ. „Максимально использовать их отступление...” (3). — Л. Чукаева. Заявление о вступлении в НТС (3). — Валерий Сендеров. Мы помним (4). — К. Подрабинек, В. Новодворская, И. Царьков. Об организации демонстрации за освобождение политзаключенных (6). — А. Окулов. Демонстрации, демонстрации... (7). — Демонстрации в Армении (12). — Обзор „Меркурия” №№ 3 и 4 (13). — Выступает независимая общественность (16). — Свящ. Геннадий Фаст. Об отделении атеизма от государства (19). — Стефан Красовицкий. Обращение (20). — Приговор Русту (21). — Возвращение с монузом (22). — А. Ряднов. Баллада о бессмертном Кузьмиче (25). — А. Ряднов. Необычный пленум (27)

ВОЙНА В АФГАНИСТАНЕ. В. Рыбаков. Тоталитаризм не уйдет из Афганистана (30). — Не „двусторонняя” правда, а — единственная... Открытое письмо литконсультанту журнала „Юность” (35). — Т. Ивницкая. Рассказы (36).

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА. В. Рыбаков. Вьетнам: груз и заноза (40). — Г. Брудерер. Не проценты с капитала, так капитал с процентов (42). — Показание о голоде в Эфиопии (43). — В. Рыбаков. Вооруженным силам КНР — 60 лет (44)

ВЛАСТЬ, ОБЩЕСТВО, ОПОЗИЦИЯ. И. Сухо-тин. Верхи не могут... низы не хотят... (48). — Александр Югов. Наше СОИ (58). — Роман Ред-лих. Гласность — Ускорение — Перестройка (66)

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ. А. Корягин. Каратели не сдаются (72). — Ф. Незнанский. О Декларации прав умственно отсталых людей (76). —

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА „ПОСЕВ”

Главный редактор Е. Р. Миркович
Ответственный секретарь В. М. Рыбаков

Редакционная коллегия: А. Н. Артемов, Ф. Е. Незнанский, А. В. Окулов, Р. Н. Редлих, Я. А. Трушнович, А. М. Югов (Франкфурт-на-Майне); Г. Г. Бонафеде (Австралия); В. Г. Ламздорф (Испания); Б. С. Пушкарев (США); Н. Н. Рутыч, А. П. Столыпин (Франция); М. В. Назаров, прот. Кирилл Фотиев (ФРГ).

Адрес редакции: Possev-Redaktion
Flurscheidweg 15, D—6230 Frankfurt a. M.—80
Телефон: (0611) 34 18 19

Статьи, подписанные фамилией или инициалами автора, обязательно выражают мнение редакции. При перепечатке материалов „П о с е в а” в свободных странах, в оригинале или в переводе, необходимы разрешение издательства и ссылка на источник. Перепечатка в российском Самиздате и в независимых изданиях всех социалистических стран — приветствуется.

„П о с е в”

поддерживает российское освободительное движение во всех его проявлениях;

стоит на позициях национально-государственных интересов России;

участвует в обсуждении современных и будущих проблем российского государства (политических, экономических, социальных, идеологических, духовных);

стремится к выявлению в России конструктивных сил, осознающих необходимость оздоровительных перемен во всех областях жизни страны и готовых к активному участию в их проведении.

И. Березин. Не бойтесь обогащаться! Ответ на письмо из России (77). — Роман Редлих. Принцип оптимальной поддержки. О книге Освальда фон Нелль-Брейнинга „Построение общества” (79)

РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ. М. Назаров. Возможна ли перестройка отношения к религии? (83)

КУЛЬТУРА, ЛИТЕРАТУРА, НАУКА. Ю. Кублановский. Русские писатели — в споре со временем (88). — Е. Самсонова. Памяти В. П. Некрасова (91). — Мария Шнеерсон. О „Марте семнадцатого” А. Солженицына (93)

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ. И. Березин. „Великая Октябрьская...” (99). — Н. Рутыч. Ноябрь 1917 года в Москве (107). — Аркадий Столыпин. „Юманите” в дни переворота (111). — Генерал А. Деникин. Очерки русской смуты (114)

XXXIX Конференция „Посева” (125). — Совещание „Посева” в Париже (127). — Валерий Сендеров. Приветствие парижскому совещанию (128)

Заявление Совета НТС

ПРЕКРАТИТЬ ВОЙНУ В АФГАНИСТАНЕ!

Военные действия „ограниченного контингента“ наших войск в Афганистане власть называет „выполнением интернационального долга“. В действительности это — война, которую наша страна ведет уже восемь лет против афганских партизан. И по продолжительности, и по числу жертв, и по военным расходам эту войну нельзя изображать как „поддержку законного правительства“ или как операции по ликвидации „душманов“.

Афганская война — самая продолжительная война, которую вела наша страна в этом столетии. Мы уже потеряли около сорока тысяч убитыми и двухсот тысяч ранеными, из которых десятки тысяч навсегда остались инвалидами. Многие солдаты вернулись из Афганистана с последствиями от перенесенных заболеваний, с надорванной психикой, наркоманами. На афганскую войну уже истрачено 36 миллиардов рублей.

Не будем забывать и жертвы, понесенные афганским народом — 950 тысяч убитых и искалеченных главным образом среди гражданского населения.

Четыре миллиона афганцев — четвертая часть населения, были вынуждены покинуть свою родину.

Чем дольше продолжается эта война, чем больше приходит похоронок, чем чаще люди встречают юношей — военных инвалидов, тем реальней вторгается страшная правда о ней в жизнь нашей страны. Возмущение, растущее в народе, усиливается бездушным, бюрократическим отношением властей к бывшим „афганцам“ — инвалидам, демобилизованным, их проблемам с трудоустройством, жилищем.

И сегодня все резче звучат голоса, что эта война — преступна, что жертвы ее — ненужные жертвы, что лозунги, под которыми власть гонит на убой нашу молодежь — лживые, циничные лозунги, придуманные для маскировки агрессии.

Война в Афганистане не только преступна в социальном, моральном, человеческом пла-

не. Она бессмысленна с точки зрения интересов нашего государства. До спровоцированного в апреле 1978 г. брежневским руководством коммунистического переворота Афганистан нам ничем не угрожал, это была страна с нейтралистским, просоветским режимом. Советское правительство превратило ее во врага, привело нашу страну к „потере лица“ во всем мире. Ежегодно в своих резолюциях Организация Объединенных Наций подавляющим большинством голосов осуждает Советский Союз как агрессора.

Позорна эта война не только политически. Армия великой державы не может одержать победу над партизанами, слабо организованными, не имеющими общего командования, в течение ряда лет располагавшими устаревшим оружием, — но пользующимися всемерной поддержкой своего народа.

В создавшейся обстановке единственно правильное решение — прекратить эту ненужную нашей стране войну.

Необходимо признать реально существующее положение и начать мирные переговоры с руководителями афганского сопротивления. С тем, чтобы в результате этих переговоров наши войска ушли из Афганистана, а миллионы афганских беженцев могли вернуться домой.

Для гарантии невмешательства в процесс нейтрализации Афганистана не нужны международные комиссии, неоднократно показывавшие свою несостоятельность. Следует вступить в переговоры с США и создать советско-американскую комиссию, которая обеспечила бы выполнение выработанных условий.

Прекращение войны в Афганистане будет способствовать улучшению международной обстановки, уменьшению напряженности в мире.

Чтобы скорее закончилась война, чтобы власть сделала нужные для этого шаги, необходимо расширять движение протеста, используя все существующие для этого сегодня возможности. Это — задача всего общества, задача каждого.

Декабрь 1987 г.

«Максимально использовать их отступление...»

Одна из групп НТС в России этим летом ездила по стране с распространением идей Союза. В своем послании в Центр они излагают основные тезисы своей пропагандной работы и задачи, которые, как они считают, сейчас стоят перед Союзом.

Подходя по возможности трезво и объективно к обстановке и общему положению дел в стране в настоящее время, считаем необходимыми и обязательными следующие меры и действия, направленные на спасение и возрождение нашей Родины, позволяющие максимально, по нашему мнению, использовать узкую полосу, оставленную большевиками в ходе нынешнего отступления.

Прежде всего необходимо полосу эту обратить в мощный наступательный плацдарм.

Гласность в печати — упоминания и информация о бесчинствах в правовой, социальной и экономической областях.

Газеты должны получать лавинную почту читателей с настояниями принятия мер к виновным.

Объявленный плебисцит по законопроектам следует превратить в агитационную кампанию за принятие *человеческих*, а не большевистских законов (при трезвом социальном-правовом подходе это реально даже на заводских профсобраниях — нужны пропагандисты).

Закон об индивидуальной трудовой деятельности следует всемерно пропагандировать как возможность обрести, хотя бы частичную, независимость от государства.

При неизменяемости большевизма как биологического вида, он обладает, как всякое животное, инстинктом сохранения вида, и потому, в сегодняшней ситуации, головная его часть — центральные власти — пожертвует конечностями, властью провинциальной, ради сохранения политического лица. Главное — пробивать жалобы с периферии до самого центра.

Из практических действий можно перечислить следующие:

— Максимальное распространение информации об уязвимых точках власти, нажимая на которые группы населения и отдельные граждане смогут добиться цели. Привлекать к этому народные и молодежные формирования, ощущающие себя свободными от государственного-идеологических пут.

— Расширять и усиливать общение, не чураясь (в разумных пределах) морального давления, с представителями творческой интеллигенции плана Белова, Распутина, Астафьева, Ахмадулиной, Шмидта, Лихачева, Гумилева, Абуладзе и так далее для формирования идеологической базы легальной политической оппозиции, поддерживаемой достаточной массой населения.

— И, наконец, сделать все возможное для создания нравственной силы, необходимой в деле возрождения страны, разработав предельно тщательнейшую тактику, в том числе и обращения по принятым законодательным нормам для образования новых православных приходов, а также иных религиозных объединений.

— Технические необходимости: первая и главная — множительная техника. Второе — максимально оперативное реагирование на события в стране и издание, с немедленной переправкой, резюме руководства. Третье — расширение эмиссарской деятельности для связи с молекулами Союза.

Для действий, перечисленных во второй части, необходимы практические рекомендации, идущие далее простого „благословения на исполнение“.

Да хранит вас и поможет вам Бог!

*Группа НТС
российских солидаристов
в России*

Лето 1987 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА НАРОДНО-ТРУДОВОГО СОЮЗА РОССИЙСКИХ СОЛИДАРИСТОВ

Я, Чукаева Лариса Евгеньевна, 1962 года рождения, адрес: г. Москва, 1-я Новокузнецкая улица, д. 16 корп. 1, кв. 134, тел: 378 82 81, перед звериным оскалом коммунистического режима заявляю, что давно разделяю идеи и действия НТС. По мере

своих сил я всегда старалась внести свой посильный вклад в дело завоевания демократии в России (состояла в группе „Доверие” — прим. ред.). Коммунистические садисты отняли у меня сына (за мои убеждения), каждый день я подвергаюсь новому шантажу, но, как бы то ни было, я чистосердечно заявляю, что считаю себя членом НТС. Свои силы и устремления я отдаю на завоевание демократии в СССР. Меня могут уничтожить, но не смогут вырвать веру в освобождение России от коммунистических извергов. Советскому фашизму нет места на земле!

Да здравствует Народно-Трудовой Союз!

Москва, август 1987 г.

Заявление получено из самиздата. — Прим. Ред.

МЫ ПОМНИМ

Валерий СЕНДЕРОВ

„Совет Народных Комиссаров, заслушав доклад председателя Чрезвычайной Комиссии, находит, что при данной ситуации обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью... что подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белоохранительским организациям, заговорам и мятежам...”

*Постановление Совнаркома
Москва, Кремль, 5 сентября 1918**

В начале 1918 года создатель Добровольческой армии генерал Алексеев писал: „...22 февраля армия оставила Ростов. Мы уходим в степи. Можем вернуться, если на то будет воля Божья. Но нужно зажечь светоч, чтобы была хоть одна светлая точка среди охватившей Россию тьмы”.

Состав Добровольческой армии был — три тысячи человек. И кажется декрет о красном терроре на фоне этого факта бессмысленным. Но это не так, просто складывалась уже система большевистских эвфемизмов — декрет действительно был ответом, но не на мифический „белый террор”...

* С. П. Мельгунов. „Красный террор в России”. Берлин, 1924.

Сам по себе массовый красный террор ни в каких „буржуазных пережитках”, разумеется, не нуждался. С первого дня Октябрьского переворота он был вполне обеспечен „революционным правосознанием”. Но уже на пятый день „пролетарской революции”, 30 октября, мощнейший в стране профсоюз железнодорожников принимает резолюцию против красного террора, а скоро возникнет по стране движение уполномоченных. Неокрепший еще, не имеющий прочных традиций, российский пролетариат начнет борьбу за свои права и против неслыханного в истории порабощения. Сперва пытались еще словом бороться, легально, но скоро поймут и сольются с Белым движением рабочие батальоны. Особо жестокой будет с ними расправа. Трупы взятых в плен и расстрелянных рабочих бросали на площадях — для устрашения. Пытавшихся их похоронить тут же расстреливали — за „содействие мировой буржуазии”. Из-под посиневших ногтей будут торчать загнанные туда патефонные иглы...

И восстанет против большевиков „краса и гордость революции” — матросский Кронштадт. И придется славному Тухачевскому сильно поднапрячь свой полководческий дар, чтобы сравнять с землей крестьянскую Тамбовщину: избы брались как крепости, по личному приказу Тухачевского крестьян четвертовали шашками...

„На белый террор ответим красным террором!”...

Вырисовывается перед нами суть сентябрьского декрета. Год уже Россия захлебывалась в крови, но массового террора не хватало, и был тот декрет лишь очередным фундаментальным террористическим актом против всероссийского движения сопротивления. Но не было у сопротивления ни единства, ни плана, ни единого идейного руководства. Всем телом, всем сердцем, всем сознанием слушала интеллигенция революцию. Не вся, конечно: кто метался в растерянности, кто спешил покинуть страну. Многие тысячи пошедших на верное заключение мальчигов — никогда не насчитывала больше Добровольческая армия — спасли честь России. Но возглавить народ оказалось некому. И обречены мы были первую Гражданскую проиграть... Восемь миллионов унесла она по официальной статистике, один из них — на фронтах (БСЭ, 3-е изд., т. 7, с. 234).

Так число жертв политики уничтожения с первых же лет стало семизначным, а главное было еще впереди. По расчетам профессора Курганова*, за первые полвека загублено коммунизмом в России 66,5 миллиона жизней. Авторитетнейшие подсчеты Курганова, — бревно в глазу „прогрессивной левой интеллигенции“, — никто никогда не пытался всерьез опровергать. Впрочем, кто-то из исследователей называл „всего лишь“ сорок миллионов с чем-то...

Но Пятое сентября — не только день национального траура, ибо высший смысл истории в том, что жертвы всегда приносятся во спасение.

*

Окончилась Вторая мировая война. Двадцатью миллионами жизней (по официальным данным) заплатил наш народ за преступную сделку двух реализованных социализмов. Национал-социалисты, правда, не обезглавили собственную армию, не перестреляли своих талантливых военачальников на пороге войны. Лишь интернационал-социализм оказался способен на такое. Спас страну от нацистского порабощения русский солдат, брошенный коммунизмом под вражеские танки. И, по горькому извороту истории, спас тем самым и укрепил прежнего своего поработителя — красный режим. И режим отблагодарил солдата: из героя превратил его в душителя, из освободителя — в оккупанта.

Полностью была уже захвачена Восточная Европа, ясны были направления дальнейших ударов, и некому было на Западе сопротивляться, ни в военном отношении, ни, что гораздо страшнее, — в моральном. Холодной войны, по существу, не было. Был создан миф, рассыпающийся при первом внимательном взгляде (подобно послеоктябрьской

* Проф. И. А. Курганов. „Три цифры“. „Посев“ № 12, 1977.

В 1983 г. в США вышла по-английски книга сам-издательского автора (геофизика по профессии) Иосифа Дядькина „Неестественная смертность в СССР“. Автор исследует период с 1928 по 1954 гг. и приходит к выводу, что за это время „демографический дефицит“ в нашей стране составляет 78 млн. человек, из них, по средней оценке, 47 млн. погибло насильственной смертью. В 1980 г. И. Дядькин был арестован и по ст. 190-1 приговорен к 3 годам заключения. Обзор труда Дядькина был опубликован в „Посеве“ № 10, 1984: Борис Пушкарев „Цена сталинщины“. — Р е д.

„агрессии 14-ти держав“). Отзвучали фultonские пророчества находившегося в оппозиции Черчилля. Но и когда они стали тотчас же сбываться, — не опомнился Запад. Взяли, бессильными протестами, лишь придававшими коммунистическому режиму наглости, ответил он на путчи в Чехословакии, Венгрии, Румынии, Польше. И обречен был свободный мир Третью мировую проиграть. Но не случилось ее в конце сороковых...

*

Тридцать лет большевики обеспечивали тыл „путем террора“, и не обеспечили.

Отчаянно сопротивлялись преданные Евлрой, как когда-то Добровольческая армия, как только что — Власовская, народы Прибалтики и Украины. Дикие даже по советским понятиям репрессии в этих республиках, вплоть до недавних лет, именно такое имеют объяснение: в кровь влезла большевикам боязнь „леса“.

В сорок седьмом году в лагеря попали не партийные функционеры, как в тридцать седьмом, только что душившие из своих кабинетов российское крестьянство, а люди, умевшие владеть оружием. Бывшие советские солдаты и власовские — теперь у них был один, общий враг. И опять вспыхнули светлые точки „среди охватившей Россию тьмы“ — лагерные восстания от Джезказгана до Воркуты. Их давили танками... Опробовавшие на восставших крестьянах в тридцатые, показали они полное бессилие перед немецкими танками; усовершенствованные в годы войны, они вновь сыграли свою „доблестную“ роль. А российский народ, самоубийственными бросками под советские танки, как в годы войны под гитлеровские, показал, что воля к сопротивлению у него та же. И остановился в нерешительности коммунизм. Отступил, как в 1920 перед Польшей, как в 1940 перед Финляндией, как всегда отступает хищник перед волей к сопротивлению — до конца, до смерти.

*

Мечтали —

Но мы еще дойдем до Ганга,
Но мы еще умрем в боях,
Чтоб от Японии до Англии
Сияла Родина моя!

Как и тогда, в 1918, — опять не вышло! Опять не сбылось. Опять наш народ, заплатив миллионами жизней, преградил путь мировой революции. Еще раз оккупированная Россия спасла свободу, спасла человечество.

И поэтому Пятое сентября для нас — день надежды. День, напоминающий нам, что ценной жизни лучших людей своих — народ выжил.

Москва
Сентябрь 1987

В основе этой статьи лежит работа Михаила Бернштама „Отмечая Пятое сентября“, Москва, 31 августа 1976. Избавиться от влияния Бернштама я не мог, и не хотел — лучше него на эту тему написать нельзя, но необходимо использовать любую возможность для оживления нашей исторической памяти. В противном случае нас ждет прозябание. — Автор.

Обращение

*Генеральному секретарю ЦК КПСС
М. С. Горбачеву
Международному комитету
исторических наук
Ученым-историкам, социологам,
политологам всех стран*

Гибель десятков миллионов русских и украинцев, латышей и узбеков в годы сталинского террора, до него и после него, — одна из страшнейших вех мировой истории, один из тягчайших уроков человечества. Сейчас гибнут уже не сами люди, они погибли давно, — уничтожается память о них, уничтожается одна из немногих надежд на то, что прошлое не повторится. Из десятков миллионов следственных дел и приговоров „двойки“, „троек“, ОСО (особого совещания), уничтоженных в 60-е и 70-е годы в архивах областных и краевых судов, в прокуратурах и КГБ, в Особом архиве оставались последние сотни тысяч. В ближайшие годы завершится их уничтожение. Ко всем этим делам практики никогда не допускались историки (лишь особо доверенные исследователи по мере надобности). Дела оставались неизученными и даже неразобранными.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

В Москве организуется проведение периодических демонстраций за освобождение политических заключенных. Желающих принять участие просим сообщать о своем согласии по нижеприведенным адресам.

Место и время проведения демонстраций предполагается устанавливать на общих собраниях участников.

По нижеприведенным адресам можно получить информацию и о других демонстрациях, приуроченных к определенным датам.

*Инициативная группа:
Кирилл Подрабинек
Валерия Новодворская
(тел: 971-29-68) с 23 часов.
Игорь Царьков*

*Это объявление расклеивалось
26 сентября 1987 года в центре Москвы*

Я обращаюсь к Вам, Генеральный секретарь ЦК КПСС, с просьбой немедленно воспрепятствовать уничтожению последнего кроха памяти о миллионах наших замученных и невинно погибших отцов и дедов.

Я прошу национальные и международные объединения историков, социологов, политологов, всех, кому дорога история человечества, поддержать мое обращение, обратиться к руководству Советского Союза с воззванием прекратить варварское уничтожение документов, допустить историков к изучению еще сохранившихся их остатков в советских архивах. Без этого нет надежды, что мы избежим приход нового сталинизма.

Сергей Григорьянц

Сергей Григорьянц, литературовед, главный редактор вольного журнала „Гласность“. В прошлом — один из редакторов самиздатских изданий „Хроника текущих событий“ и информационного бюллетеня правозащитников „В“. В 1983 г. Сергей Григорьянц был арестован и приговорен к десяти годам лишения свободы. После освобождения в начале 1987 г. по горбачевскому „помилванию“, приступил в Москве к изданию журнала „Гласность“.

Демонстрации, демонстрации...

А. ОКУЛОВ

Стоит задуматься, например, над явлениями, которые в последнее время особенно дают о себе знать. Речь идет о вносящих в нашу жизнь непримлемый для нее дух экстремизма. Это выступления руководителей объединения „Память“, желающих разделить наше общество на чистых и нечистых, на христиан и басурман, на антимасонов (этих встречал среди руководителей „Памяти“) и масонов (а этих никогда не видел). И необдуманные шаги экстремистов из числа крымских татар, которые полагают, что их противоправные действия позволяют за четыре дня решить вопрос, который не решался, — увы, но это так — более 40 лет.

*Егор Яковлев
„Московские новости“ (9.8.87)*

Задуматься, действительно стоит. Начиная с декабря прошлого года, неофициальные демонстрации перестали длиться несколько минут, как это бывало с еврейскими-отказниками и русскими немцами, число их участников увеличилось с нескольких человек — до десятков, сотен и даже тысяч. И меры пресечения, если не изменились, то замедлились.

Алма-Ата

Националистические волнения в Алма-Ате 18 декабря 1986 года были спровоцированы сторонниками снятого первого секретаря Кунаева, но выразились не только во вспышке антирусских настроений: к демонстрации присоединились студенты, недовольные учебными планами, присоединились и рабочие, с требованием улучшения труда и быта. Демонстрация вылилась в кровавые столкновения с милицией (по слухам, были вызваны даже вертолеты). Количество убитых до сих пор спорно: по некоторым сведениям — 20 убитых на стороне демонстрантов, семь — на стороне милиции и дружинников, 200 раненых и 1000 арестованных. Весь мир удивился тому, что вопреки обычной практике ТАСС дал довольно-таки подробное изложение событий уже на следующий день после демонстраций. Конечно, далеко не все под-

робности беспорядков были сообщены, многое было скрыто за туманными формулировками типа того, что толпа демонстрантов „высказывала неодобрение решениям состоявшегося на днях пленума КЦ компартии Казахстана“. Что же — прямо так и говорили: „Решения пленума — не одобряем!“, а потом начали машины поджигать?

Рига — декабрь

В ночь с 27 на 28 декабря 1986 года в Риге, после рок-концерта, организованного на одной из центральных площадей, толпа молодежи двинулась к высотному отелю „Латвия“, скандируя в мегафоны: „Советы — вон! Да здравствует свободная Латвия!“. Милиция вела себя осторожно (хотя несколько милиционерских машин было перевернуто). Демонстрация продолжалась недолго, и молодежь вскоре разошлась. В советской прессе об этом никаких сообщений не было.

„Мочи 'люберов'!“

22 февраля этого года в Москве состоялась демонстрация молодежи — членов неформальных объединений (НОМов) — под лозунгом „Москва! Мы победим! Мочи 'люберов'!“* Численность демонстрантов была около 1500 человек, вся компания, которую сопровождала милиция, двинулась к парку культуры им. Горького, где любили собираться „люберы“, но не найдя своих „врагов“, разошлась. Единственным происшествием по ходу демонстрации была разбитая витрина. По крайней мере, так говорится в телетайпном сообщении АПН, служившем о демонстрации были самые противоречивые, в некоторых утверждалось, что „люберов“ толпа все-таки разыскала и драка была.

Митинги на Исакиевской

Март этого года в Ленинграде ознаменовался „Англетеровскими волнениями“, положившими начало культурно-демократиче-

* См. статью А. Жуковского „НОМы и люберы“, „Посев“ № 4, 1987.

скому движению „Эпицентр” (см. „Посев” № 7, 1987). С 16 по 18 марта многолюдные толпы дежурили на Исакиевской площади вблизи намеченного к сносу здания бывшей гостиницы „Англетер”, где покончил с собой С. Есенин. Несмотря на многочисленные протесты и стихийные митинги, стены „Англетера” были обрушены на глазах у собравшихся... Милиция и солдаты еще долго охраняли развалины...

„Водка или социализм!”

Первого мая студенты петразаводского университета вышли на площадь Кирова и, проходя мимо трибуны, подняли заранее заготовленные транспаранты: „Не допустим алкоголизации молодежи!”, „Водка или социализм — третьего не дано!”, „Меры, а не полумеры!”. Как только секретарь парткома В. Шильников увидел никем не утвержденные лозунги, он тут же приказал убрать саомodelьные транспаранты... Поводом к этой „антиалкогольной демонстрации” послужило решение горисполкома отменить талоны на водку, введенные в начале горбачевской антиалкогольной кампании. Четвертого мая на срочном заседании парткома университета В. Шильников сказал в адрес демонстрантов: „За подстрекательство ответите. И имейте в виду, если хоть один студент выступит в вашу защиту...” Но все обошлось: не наказывать же студенчество за поддержку горбачевского курса? Об этом событии подробно сообщила „Литературная газета” от 27.5.87.

*

Можно было бы вспомнить и демонстрацию евреев-отказников на Арбате в марте этого года, но реакция властей на нее не так много отличалась от реакции на подобные демонстрации и в догорбачевское время.

„Память”

Шестого мая, около шести часов вечера в центре площади 50-летия Октября в Москве стали скапливаться люди, около четырех сотен человек. Над головами появились лозунги: „Требуем встречи с М. С. Горбачевым и Б. Н. Ельциным!”, „Прекратить работы на Поклонной горе!”, „Статус — патристическому объединению 'Память'!”, „Долой сабо-

тажников перестройки!”. Интересно заметить, что западногерманский журнал „Шпигель”, поместив фотографию демонстрантов, перевел этот лозунг иначе: „Долой евреев!”. Сначала из толпы были слышны выкрики по адресу „сионистов” и „бюрократов”, но кричавших удалили из толпы сами демонстранты. Некоторое время спустя толпа двинулась к Советской площади в сопровождении милиции, которая, однако, их не трогала. На просьбу председателя Мосгорисполкома Сайкина разойтись демонстранты ответили, что хотят поговорить с Ельциным или Горбачевым. Ельцин согласился принять их в Мраморном зале Моссовета. Беседа с Ельциным состоялась (она протекала около двух часов). Ельцин сказал, что многие из поставленных вопросов обоснованы, а людьми, их задающими, движет чувство патриотизма. Однако они не во всем правы в своих посылах и выводах, а о регистрации общества „Память” нужно подумать. После окончания встречи руководители демонстрантов свернули транспаранты и красные знамена и отвезли их в опорный пункт охраны порядка у метро „Добрынинская”. Газета „Московские новости” подробно описала демонстрацию, хотя и не скрывая своего недовольства „экстремистами”, не только требующими охраны памятников старины и борьбы с пьянством, но и выступающими против „бюрократии — гидры мирового масонства, сионизма и империализма”. После этой демонстрации в советских газетах появилось несколько статей против „Памяти” — с обвинениями в узколобом шовинизме и расизме, но репрессий как будто не последовало...

Рига — июнь

14 июня в Риге состоялась демонстрация, посвященная годовщине депортации балтийских народов в 1941 году (тогда в Сибирь было депортировано 10 тысяч эстонцев, 20 тысяч латышей и 30 тысяч литовцев). Сведения о том, что демонстрация состоится, попали в зарубежную прессу.

Всего в уличном шествии участвовала тысяча человек, правда, глазевших зевак было гораздо больше. Милиция не вмешивалась, но вокруг демонстрантов снова появились сотрудники КГБ с кинокамерами — они снимали почти всех, кто участвовал в шествии, на пленку, но в конфликт не вступали. Демонстранты несли три лозунга: „Помните депортиро-

ванных!”, „За родину и свободу!”, „Боже, благослови Латвию!” (первые строки гимна независимой Латвии).

Демонстрация направилась к памятнику Свободе, где цветы и лозунги были сложены у постаментов. Там же состоялся митинг, посвященный судьбе латышского политзаключенного Гунарус Астре, находившегося в Пермском лагере. Основными ораторами на митинге были правозащитники Зоратора, Сирулис, Земелис и Ламас — их гебисты снимали на пленку особенно тщательно. Арестов непосредственно во время демонстрации и митинга замечено не было.

Характерно, что „мягкое” отношение к демонстрации было проявлено после того как несколько американских сенаторов обратились к Горбачеву с открытым письмом, где призывали разрешить демонстрации в Прибалтике.

„Московские новости” от 28 июня прокомментировали инцидент в заметке с подзаголовком: „Когда эфир развлекся, или о том, как сенсация не состоялась”. Газета обвинила демонстрантов, которые решили воспользоваться проходившими в это время в городе велогонками, чтобы „спровоцировать беспорядки”. „Московские новости” пошли еще дальше, фактически оправдав депортацию 1941 года, упомянув, что тогда в Сибирь были высланы „наиболее активные деятели старого режима, бывшие члены полиции, часть членов организации айзгаров — военизированных профашистских отрядов самообороны”. В сообщении ТАСС от 21 августа в этот список внесены также „белогвардейцы из Народно-Трудового Союза”.

Татарский июль

Июль этого года в Москве можно спокойно назвать „татарским”. Делегация съехавшихся в столицу представителей крымско-татарского народа 25 июня была принята заместителем председателя Президиума Верховного совета СССР П. Демичевым, где он пообещал передать их требования Горбачеву. Требования все те же, которые не менялись 40 лет: снять огульное обвинение в предательстве с крымских татар, восстановить их автономию и разрешить вернуться в Крым.

6 июля несколько десятков крымских татар вышли на Красную площадь и подняли плакаты: „Верните наш народ на родину!”,

„Восстановите права крымских татар!”. Постоянно дежурившие на Красной площади гебисты попытались разогнать демонстрантов, но не смогли, подошла милиция. В ответ на требования очистить площадь татары подчинились, но перешли на Старую площадь, где продолжали демонстрацию. В последующие дни число съезжавшихся в Москву крымских татар выросло до нескольких сот.

22 июля делегации татар было сообщено, что создана Правительственная комиссия, во главе с Громыко, которая будет заниматься их вопросом. Собравшиеся в Измайловском парке демонстранты решили, что подобный ответ не может считаться удовлетворительным, так как комиссий уже было немало, вдобавок в этой комиссии нет ни одного крымского татарина.

23 июля демонстранты направились к зданию ЦК, требуя встречи с Горбачевым. Когда им было отказано, вновь собрались на Красной площади, где сели на мостовую и начали сидячую забастовку. Милиция оцепила площадь, но применить силу для разгона не решалась. Демонстрация продолжалась до часа ночи.

В этот же день было опубликовано сообщение ТАСС, где упоминались „зверства”, якобы совершенные крымскими татарами во время войны, которые послужили причиной решения о их высылке, но одновременно утверждалось, что „акт поголовного выселения крымско-татарского населения не является справедливым”, что 5 сентября 1967 года Президиум Верховного совета СССР отменил это несправедливое решение, после чего около 10 тысяч крымских татар переселилось в Крым, но в настоящий момент в Крыму живет 2,5 млн. человек разных национальностей, что осложняет обстановку, и т. д. и т. п., и что самое главное — „Комиссии потребуется определенное время для работы...” Какое? Еще сорок лет?

Крымские татары ответили на это заявление письмом под заголовком „Открытый протест”, которое советские средства массовой информации печатать отказались. В этом письме, в частности, подробно и аргументированно опровергались все домыслы сообщения ТАСС, — неудивительно, что советская пресса на этот раз блеснуть гласностью не решилась!

25 июля состоялась новая демонстрация: около полутысячи человек сели на мосто-

вую у Кремлевской стены под плакатами: „Родина или смерть!“, „Демократия и гласность для крымских татар“, „Позор ТАСС!“. Демонстранты были окружены плотным кольцом милиции, число которой в определенный момент превысило число демонстрантов. Демонстрация продолжалась до 3 часов следующего дня (постоянно оставалось на площади примерно 150 человек). После этого состоялась встреча с Громыко (он принял делегацию в 21 человек). Громыко пытался убедить депутатов в том, что крымским татарам стоит подождать решения комиссии и не накалять обстановку.

28 июля делегаты проиграли магнитофонную запись встречи с Громыко остальным крымским татарам, собравшимся для этого в Измайловском парке. Было решено продолжать демонстрации. Присутствовавшие на встрече зам. министра внутренних дел и начальник Главного управления московской милиции ген. Богданов сначала пытались уговорить татар разжаться, потом ограничились тем, что заявили собравшимся, что они могут демонстрировать, но не на Красной площади.

30 июля с утра милиция и ГБ блокировали несколько квартир, где собирались активисты и просто участники демонстраций (в частности — квартиру члена НТС Валерия Сендерова). Некоторых участников манифестаций свозили в местные отделения милиции, предупреждали о возможной ответственности по статье 190-3 УК РСФСР, затем отвозили на аэродром и отправляли „по месту жительства“. Членов Инициативной группы вдобавок избили (правда, по дороге в милицию, а не в самом отделении, без свидетелей). В новом сообщении ТАСС говорилось, что демонстранты поддерживают связь с американским посольством, что милиции даны особые полномочия для борьбы с „экстремистами“ (на совести которых не было даже ни одного выбитого стекла). На Пушкинской площади собравшиеся демонстранты были окружены плотным кольцом милиции. После отказа разойтись всех затолкали в „воронки“ и развезли по маршруту: отделение — аэропорт — место проживания (точнее — место ссылки родителей и дедов). Английская газета „Дейли телеграф“ описала это в заметке под заголовком: „Татары-демонстранты предупреждены и отправлены назад в Крым“ (!!).

23 августа 1987 года, Прибалтика. Годовщина подписания Пакта Риббентроп — Молотов 1939 года, того самого, в секретном дополнительном протоколе к которому сказано:

„В случае территориальных и политических преобразований в областях, принадлежащих прибалтийским государствам (Финляндии, Эстонии, Латвии, Литве), северная граница Литвы будет являться чертой, разделяющей сферы влияния Германии и СССР. В этой связи заинтересованность Литвы в районе Вильно признана обеими сторонами“. Позже Германия отказалась от притязаний на литовские территории, в обмен на денежную выплату со стороны СССР.

Одним из лозунгов демонстраций, состоявшихся в этот августовский день в Риге, Таллине и Вильнюсе, был: „Отгласка пакта Риббентроп — Молотов“. Подробно ход демонстрации описан в заметке нашего стокогольмского корреспондента А. Милица.

Секретные протоколы Пакта оглашены не были, но сама демонстрация была освещена в советской прессе довольно живо, хотя о правдивости говорить не приходится: начиная с занижения количества участников и задержанных милицией до — очернения членов группы „Хельсинки-86“ и нескончаемых „писем трудящихся“ (как будто написанных под одну копирку) в „Советской Латвии“. Например: „Но демократия имеет границы. И не пора ли органам правопорядка — прокуратуре и милиции — принять решительные меры в соответствии с советским законодательством. В заключение я хочу сказать следующее: если так называемым членам группы „Хельсинки-86“ не нравятся порядки в нашей стране, пусть отправляются на Запад. Пусть не мешают нам работать, отдыхать, растить своих детей, строить новую жизнь. В. Квалберг, капитан тралбота рыболовецкого колхоза „Банга“ („Советская Латвия“, 30.8.87).

*

Вот так. Кунаев снят, „Англетер“ взорван, официального статуса „Память“ не получила, крымские татары высланы (но не в Крым, как это показалось „Дейли Телеграф“), Пакт Риббентроп — Молотов не оглашен и

Прибалтика остается в „сфере советского влияния“...

Однако из демонстраций на Исакиевской площади родилось движение „Эпицентр“, весь мир узнал о проблеме крымских татар и советские власти увидели их решимость отстаивать национальные права, советская пресса не может больше замалчивать факты демонстраций и, что самое главное, они вынуждены играть в демократию и предоставить демонстрирующим, пусть даже кучное, ничем не гарантированное, с неясными границами *право на демонстрацию*, которое опять-таки можно забрать назад без последствий. Вот как сформулировало это право Московское радио от 1.9.87:

Утверждение правила проведения демонстраций в Москве

Московский совет утвердил временные правила организации и проведения собраний, митингов, уличных шествий, демонстраций и иных мероприятий в советской столице.

В опубликованном сегодня интервью газете „Вечерняя Москва“ заместитель председателя исполкома Моссовета Анатолий Костенко сообщил, что на предоставление трудящимся и их организациям общественных мест для проведения массовых мероприятий председателями исполкомов соответствующих советов народных депутатов выдаются разрешения в письменной форме.

Учитывая, что в центральной части столицы расположены места массового посещения жителями и гостями столицы, а также загруженность центра автомобильным транспортом, исполком Моссовета исключил проведение массовых мероприятий на Красной площади и территориях, прилегающих к Московскому Кремлю, на ряде других площадей, расположенных в центре Москвы. Здесь массовые мероприятия могут проводиться по решению органов государственной власти и управления.

Заявление о предоставлении места и времени для проведения мероприятия подается руководителями государственных и общественных организаций, и отдельными гражданами в письменной форме и должно содержать: точное наименование органа, проводящего мероприятие, цель, форму, место или маршрут движения, время начала и окончания мероприятия, примерное количество участников. В нем должно содержаться обязательство соблюдать при проведении мероприятия положения Конституции СССР и Конституции РСФСР, другие законодательные акты, а также установленные Моссоветом правила. Заявление подается не менее чем за семь дней до предполагаемой даты проведения мероприятия и рассматривается, как правило, в трехдневный срок.

Согласно правилам, „мероприятие должно быть прекращено по требованию представителей власти

в случае нарушения установленных правил проведения, возникновения опасности для жизни и здоровья граждан, нарушения нормального функционирования транспорта и других служб городского хозяйства“.

Правила предусматривают также, что „лица, совершившие правонарушения в период подготовки и проведения собраний, митингов, уличных шествий, демонстраций и иных мероприятий, подлежат ответственности в соответствии с действующим законодательством“.

Закономерно возникает вопрос: ведь свобода уличных шествий и демонстраций и без того гарантирована Конституцией, однако любая демонстрация, не организованная властями или, хуже того, критическая по отношению к существующему порядку, беспощадно подавлялась — до самого последнего времени. Где же гарантия, что всякая неугодная властям демонстрация теперь не будет просто запрещаться, а потом разгоняться, но уже за нарушение нового — „демократического законодательства“? Такой гарантии нет, и бессмысленно ожидать от незаконного, не выбранного свободно правительства соблюдения собственных законов, новых или старых. Но события последнего года показали, что многочисленные факты открытого протеста уже становятся чем-то естественным и для нашей жизни, а не только для „гнилого Запада“. А пробуждение независимого гражданского самосознания и есть тот фактор, который может закрепить те, пусть еще немногочисленные уступки, которые народ отвоевал у власти.

*

Характерно, что наиболее серьезные выступления последнего времени носили национальный характер: Алма-Ата, Прибалтика, крымские татары. Национальные проблемы в условиях перемен (как реальных, так и мнимых) всегда всплывают на поверхность первыми. И первыми же могут быть разыграны властью против оппозиции, борющейся за перемены радикальные. Когда кто-то в руководстве национально-патриотического объединения „Память“, выросшего из борьбы за сохранение русской культуры, начинает искать корень всех бед в происках масонов и сионистов, а часть интеллигенции обрушивает весь свой праведный гнев на отдельных шовинистов — времени для борьбы за демо-

кратические преобразования в стране остается мало, а реальный враг, тот самый, что разрушал русские церкви, ссылал латышей в Сибирь, а крымских татар — в Среднюю Азию, будет, пользуясь нашим разъединением, по-прежнему властвовать.

Демонстрации в Армении

От собств. корреспондента „Посева“

17 октября 1987 года, Ереван. Площадь перед театром оперы и балета заполнена народом: сюда направилась начавшаяся в 13.30 демонстрация. Демонстрантов было около двух тысяч человек, их главный лозунг — „Спаси Армению от химического и радиоактивного геноцида!“.

Митинг на площади продолжался до пяти часов вечера. Среди выступивших (всего около десяти человек) — поэтессы Сильва Капутикян и Маро Маргарян, а также журналист Зорий Балаян. В митинге участвовали также физики, биологи, академики из института литературы АН Армянской ССР и химии из неформального общества „Выживание“. Основное требование демонстрантов — закрыть химический комбинат „Наирит“ — мощный загрязнитель воздуха в армянской столице. Выступил и представитель городских властей с обычными обещаниями „улучшить“ и „исправить“, но их никто уже не воспринял всерьез.

На митинге была принята петиция к сессии Верховного совета СССР, под которой подписалось 2000 человек.

Вот три пункта петиции:

- 1) добиваться закрытия „Наирита“;
- 2) завести уголовное дело на министра химической промышленности СССР Беспалого;
- 3) не допустить создания в Армении новых — уже запланированных — химических предприятий.

Ораторы говорили, что если загрязнение в республике будет продолжаться теми же темпами, то через 8-10 лет Армении угрожает бесплодие женщин и импотенция мужчин.

В толпе опознали нескольких гебистов в штатском, но в целом демонстрация прошла без происшествий.

На следующий день у станции метро им. Баграмяна (возле Пушкинского сада) состоялась другая демонстрация, вызванная событиями в деревне Чардахлу.

Ранее эта деревня входила в состав Нагорно-Карабахской автономной области (бывшая армянская территория, искусственно включенная в состав Азербайджана), но впоследствии была отделена от нее. В первых числах октября местные власти решили отобрать часть земли у армянского совхоза, расположенного в Чардахлу, и передать ее азербайджанскому совхозу соседней деревни. Директор совхоза воспротивился и был за это снят. Начались столкновения между армянами и присланной местным начальством милицией и ГБ. В результате столкновений один гебист был ранен. После этого два батальона солдат окружили деревню, и связь ее с внешним миром была прервана.

Лозунгами ереванских демонстрантов были: „Чардахлу, мы — с вами!“ и „Карабах и Нахичевань — неотъемлемая часть Советской Армении!“. Демонстранты требовали от властей Армении заступиться за своих соотечественников. Как только толпа в тысячу человек собралась у Пушкинского сада, прибывшие милиционеры и гебисты — как в штатском, так и в форме КГБ — заявили, что был приказ из Москвы не допустить демонстрации. Демонстранты разойтись отказались. Началась драка, в ней участвовали гебисты и офицеры МВД, рядовые милиционеры стояли в стороне и наблюдали. Били ногами, даже женщин. У демонстрантов отобрали несколько портретов Горбачева, которые те несли вместе с транспарантами, и разорвали в клочья (!).

Вместе с разгоном демонстрация длилась около часа. Никаких данных о раненых и арестованных пока не поступало.

С 1976 года журнал „Посев“ выходит также в виде ежеквартального издания, предназначенного специально для переправки в страну и распространения среди советских граждан за рубежом. Ежеквартальник имеет вдвое меньший формат, печатается на тонкой бумаге и содержит избранные статьи из трех текущих номеров.

«Время не ждет!»

Обзор №№ 3 и 4, 1987 независимого журнала „Меркурий”

„Там, на Исаакиевской, мы нашли друг друга: общественные объединения молодых ленинградцев, клубы творческой интеллигенции, экологические группы, — все, кто считает, что демократизация не может быть спущена „сверху”, — она должна развиваться на основе самого широкого привлечения к общественной жизни все новых и новых слоев населения”.

Так пишет в своей передовой „Время не ждет!” журнал „Меркурий” № 3, периодическое издание Совета Культурно-Демократического Движения, возникшего в Ленинграде после мартовских демонстраций протеста против сноса здания гостиницы „Англетер”. Теперь — демонстрации на Большой Разночинной... Но о последних — позднее.

*

Выглядят два последних номера „Меркурия” как типичный самиздатский машинописный журнал семидесятых (разве что остропроникающий странный для Самиздата значок „копирайта” отличает его от „Поисков” и „Часов” прошлого десятилетия). Но это только внешне.

Содержание больше напоминает фронтовые сводки:

„21 июня „Дельта” подключилась к деятельности Движения по спасению Смоленского православного кладбища...”

„Мы предлагаем Вам стать участниками первого рейда: „Загрязнение — Контроль — Очистка” /.../ Для участия в акции Вам необходимо зафиксировать факт загрязнений и информировать о ЧП телефонограммой или письмом...”

„В мае—июне „Дельта” совместно с ВООП провела 3 рейда по охране урочища Дюны...”

„Каждую субботу с 14-15.00 на Вахте Мира в Михайловском саду представитель группы „Аделаида” производит сбор подписей...”

„30 июня с. г. было совершено разбойное нападение на Петра Кожевникова /.../ Мы убеждены, что нападение на Кожевникова является актом продуманной мести со стороны тех, кого Петр обличал...”

ВРЕМЕНА ИНЫЕ.

„Наверное, мы совершим много ошибок, наверное, кто-то сорвет голос, наверное, нам не выплутать, не спасти все то, что мы приняли, как свой долг, —

как не спасли „Англетер”. Что ж, мы действительно многого не умеем. Можно ли ждать от людей, чье мнение никогда не спрашивали, что они научатся его красиво аргументировать, можно ли ждать от людей, долгие годы отстраненных от какой-либо общественной деятельности, что они, сидя по своим подвалам, выработают блестящие бойцовские качества и навыки в борьбе с теми, кто отлично умеет защищаться, можно ли ждать от людей, от чьих решений и поступков никогда ничего не зависело, даже их личные судьбы, что они сумеют точно рассчитать траекторию своих действий?” („Меркурий” № 3).

В своей статье „Демократизация — экономическую базу” П. С. Филиппов, рассматривая возможности перестройки административно-экономической системы, с целью оживить советскую экономику, приходит к выводу, что:

„Передача предприятий в аренду коллективам, найм ими администраторов по конкурсу, развитый социалистический рынок и социалистическая конкуренция, косвенное централизованное регулирование народнохозяйственных пропорций — вот те лозунги, которые, будем надеяться, помогут отстоять радикальный характер экономической реформы, обеспечить экономическую базу демократизации общества”.

Возможно. Прилагательное „социалистический”, однако, некоторым может показаться излишним. Но, как говорится, „хоть горшок называй, только в печь не суй”.

„Не пора ли открыть спецхраны?” — спрашивает на следующих страницах А. Тронь. Вопрос риторический, но интересно другое: какое количество из поступающих в Государственную Публичную библиотеку им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде зарубежных изданий попадает в 12 отдел (спецхран):

„Основные разделы, в которых чаще всего встречается роковое число 15 (обозначение принадлежности к спецхрану. — А. О.), это: новейшая история, современная философия, социология, история СССР, экономическая история, политэкономия, причем прежде всего под него попадают концептуальные, обобщающие работы или произведения, освещающие „неудобные” для официальной идеологии темы и периоды истории. /.../ Из анализа каталогов видно, что предметом государственной тайны от читателей

являются факты, мысли, идеи, *неудобные правящей партии в данный момент*. Деятельность спецхрана успешно развивается во времени: если в 1980 году из выпечеречисленных разделов в него попало 10-20% книг (колебания от месяца к месяцу), то в 1983 — 25-32%, в 1985 — 33-40%, в 1986 — 35-60%".

А „гласность" у нас, как помнится, вступила в действие с апреля 1985-го...

*

Несколько страниц посвящены итогам выставки Товарищества Экспериментального Изобразительного Искусства (ТЭИИ), во Дворце молодежи (см. „Посев" № 8, 1987) и борьбе Товарищества за официальный статус. Художники, входящие в ТЭИИ, сейчас организуют свои объединения в разных городах. Вот как определяет художественную концепцию деятельности независимых художников Калининградское объединение „Время и мы":

„Грядет великая эпоха. Глубинна значимость ее задач, революционна стремительность и широта охвата творчеством всех сфер деятельности человека.

Пробудить человека, сказать ему, что он — прекраснейшее творение Космоса, показать ему всю безысходность грязи бездуховности — в этом задача искусства.

Созидательное просветленное творчество станет, наконец, главной целью людей и основным критерием их самосознания.

Минует тех, кто своим отрицанием или тупым равнодушием мешает нам идти вперед. К творцам будущего наше слово".

*

„Меркурий" № 4 открывается статьей Е. Зелинской „Пепел Клааса стучит в мое сердце!", где автор поднимает тему об опубликовании всей информации о периоде истории, именуемом „сталинизм":

„Месь — бесплодное чувство. Смешно и нелепо представлять, как их будут выволакивать с их персональных дач, этих монстров, бывших следовательно, охранников, палачей, старых, гнусных и жалких монстров — с кем судиться?

Но преступление должно быть названо преступлением!

Вот тут затеяли требовать суда над виновниками разрушения храма Христа Спасителя, и других при этом попрекают, что они-де не хотят поименно.

Хотим. И не меньше их, и раньше их. Поименно. Но только всех. И еврея Кагановича, и грузина Ста-

лина, и русского Ежова. И избави нас Бог, чтобы опять — выборочно.

Покаяние... Ввел Тенгиз Абуладзе это слово в нашу историю. Что ж, все верно в его фильме. Только вот не покаются они сами, уважаемый Тенгиз. Не покаются. Потому что есть логическая цепь, в которой пропущено одно звено: преступление — наказание — и только тогда покаяние".

Этой же теме посвящена рецензия Ю. Галецкого „Размышления после 'Покаяния'":

„Да, мне этот фильм не сказал ничего. Только документальное кино — не жанр, но смысл, стиль — в состоянии сообщить что-то по теме. Только документальному кино ныне дано отразить ту историю, которой для многих нет. Для меня это несомненно. Мне грозит обвинение в снобизме. Или же так: — пусть хотя бы это, чем ничего — слышится почему-то обычно от старых читателей „Ивана Денисовича". Нельзя предлагать широкую информацию по данному вопросу неподготовленному сознанию (говорят мне). Но только потрясенное сознание способно к правде. Чтобы прозреть, человек должен увидеть. Если не чудо, то — свидетельство. Вне философических абстракций и обобщительных иносказаний. И не какая-то биологическая масса, воспитанная французскими комеднографами и А. Б. Пугачевой, но каждый — хотя бы третий. Чтобы покаяться, человек, обычный, нормальный, должен знать — в чем. Не может быть коллективного покаяния, как невозможно государственное прозрение. Правда — состояние души. А не общественная договоренность".

Не согласиться — трудно. Правда, обращена эта критика, как мне кажется, совсем не против Абуладзе...

*

Борьба против Дамбы. Об этом писал еще первый номер „Меркурия", но остановить осуществление проекта, грозящего превратить Финский залив в зловонное болото, — если этот проект осуществляется в государстве, где „грандиозность планов" ценится выше их реальности и пользы для общества — не так-то просто:

ТЕКСТ ОБРАЩЕНИЯ

Генеральному секретарю ЦК КПСС товарищу М. С. Горбачеву

Уважаемый Михаил Сергеевич!

Мы просим приостановить строительство защитных сооружений Ленинграда от наводнений (дамбы) до пуска в эксплуатацию всех очистных соору-

жений Ленинграда и проведения научно-технической экспертизы проекта под эгидой Академии наук СССР без участия заинтересованных организаций и ведомств.

Уже в этом году строители могут перекрыть Невскую губу, остался один километр. Очистные сооружения планируется построить в 1992 году. Невская губа, по мере реализации госплана становится внутригородским водоемом, отрезанная дамбой от Финского залива, она превращается в отстойник неочищенных сточных вод.

Больше того, строящиеся очистные сооружения не способны ни обеззараживать, ни обезвреживать воду. Эта проблема не решена.

Необходимо дать возможность открыто высказаться общественности Ленинграда, прежде всего ученым и специалистам. Гласности по этому поводу у нас в городе нет, хотя речь идет о здоровье и будущем его жителей".

Подписываться под этим обращением „Меркурий” предлагает всем желающим. Далее, на четырнадцати страницах журнала приводятся:

— „Заключение по экологической части технического проекта „Защита Ленинграда от наводнений”, подготовленное Научно-техническим Советом Ленгорсовета Всесоюзного общества охраны природы”. „Вывод авторов проекта, что защитное сооружение будет иметь водоохранное значение и улучшит санитарное состояние Невской губы, совершенно бездоказательно”. Датировано заключение 28 декабря 1977 г.

— Ответ Северо-Западного Бассейнового территориального управления по урегулированию использования и охране вод на коллективное письмо неформальной группы „Дельта”: „.../ Исходя из изложенного, а также результатов уже проведенных исследований с целью разработки мероприятий по охране и оздоровлению водной системы Ладожского озера — река Нева — Невская Губа, можно утверждать, что экологическая ситуация в Ленинграде до 1990 года улучшится”.

— Письмо „Дельты” первому секретарю Ленинградского обкома Ю. Ф. Соловьеву, где утверждается (с приведением цифр), что ответ Бассейнового управления есть не что иное, как отписка, и предлагается организовать встречу общественности с начальником СБЗТУ Королевым, где бы он мог отчитаться в своей деятельности по охране вод.

— Письмо членов Бюро Совета КДЦ „Эпицентр” тому же Соловьеву (копии — в редакции трех газет): возведение дамбы должно быть приостановлено, итогом незаконно-

го строительства явилось катастрофическое ухудшение качества природных вод Невской Губы, необходимо в кратчайший срок провести гласную научно-техническую экспертизу Невской Губы под эгидой Академии наук.

*

„К вопросу об общественном мнении”. В заметке под таким заголовком Ю. Рыбаков описывает, во что вылилась попытка ленинградского телевидения „поиграть в гласность”, устроив 9 июля съемки очередного номера телепрограммы „Общественное мнение” на площади Островского и у Казанского собора, где в обсуждении проблем перестройки людям было обещано, что они получат возможность „аргументировать у микрофона свою точку зрения”:

„Народ попытался успеть в считанные секунды сказать о том, что его волнует, ведущая норовила забить все „сомнительное” своим голосом, и сделала это 119 раз только в первой части передачи.

Перед мониторами на асфальте площади Островского, на стендах, огораживающих телегруппы, появились такие экспромтом сделанные надписи: „Общественным организациям — юридический статус и свободные средства печати!”, „Вернем наших ребят из Афганистана живыми!”, „Предоставить общественным организациям политические права!”, „Не дадим бюрократам жиреть на общей лжи!”, „Может, не будем перестраиваться, а начнем все сначала?” и т. д.

Но телекамеры старательно избегали этих надписей на протяжении всех трех часов открытого эфира. Последней чертой полного провала передачи был отчаянный зов ведущей, в котором она попросила хоть что-нибудь сказать о положительных сдвигах и результатах перестройки в Ленинграде. В ответ, после небольшой паузы, снова прозвучали жалобы и протесты”.

Ленинградское телевидение было явно шокировано, но не опарашено: у наших телевизионщиков накопился большой опыт манипуляции с снятыми кадрами, а в случае прямой трансляции, неожиданных перемен тем и кадра.

*

Объем не позволяет нам перепечатать эти два номера „Меркурия” полностью, как мы это сделали с №№ 1-2, а пятый номер больше по объему, чем 3 и 4 вместе взятые. Остается

надеяться, что тираж „Меркурия” будет увеличиваться вместе с увеличением его объема.

Вместо эпилога

„Эпицентр” начался с мартовских демонстраций на Исаакиевской. Сейчас, после выхода „Меркурия” №№ 3 и 4, несколько групп, входящих в объединение, занимаются спасением дома № 16 на Большой Разночинной улице. Дом (бывшая дача) — памятник деревянного зодчества, построенный в стиле ложной готики, таких домов в Ленинграде только два. На его месте собираются построить служебное помещение для одного из ленинградских заводов. Дом № 14 по той же улице, построенный в стиле эпохи Модерн, тоже памятник архитектуры, уже снесен. Демонстрации и митинги у его стен, и даже попыт-

ка хиппи забаррикадироваться внутри, не помогли — забаррикадировавшиеся были выброшены оттуда милицией, и стены дома обгорели.

Во время одной из последующих демонстраций (на которую собралось 300-400 человек) выступал представитель партийного руководства города; он пообещал протестующим неформалам встречу с главным архитектором города, на которой последний „будет обосновывать необходимость сноса”. Милиция запрещала собирать подписи и собирать митинги, но митинги все же состоялись, на одном из них было выражено недоверие главному архитектору Ленинграда...

Спасут ли? Не знаю. Но опыт, накопленный у „Англетера” и на Разночинной, еще пригодится.

Обзор составил А. Окулов

Выступает независимая общественность

От специального корреспондента „Посева”

10 октября, в 14.00 в Доме культуры „Красный путь” (Боткинская ул. 1-а) состоялась конференция неформальных объединений г. Ленинграда. Конференция была организована рабочей группой, присутствовало и принимало участие около двух десятков различных неформальных объединений и групп. Среди них: „Рабочая группа”, „Аделаида”, „Вахта мира”, „Спасение”, „Доверие”, „Человек”, „Самозащита”, „Комитет демократизации профсоюзов”. Клуб психической культуры „Мир”, „Всесоюзный социально-политический клуб” и др.

В повестке дня: о целях, формах и методах движения, о качественном и количественном его составе, о возможности координации движения неформалов, о проектах Всесоюзного объединения и о взаимоотношениях с формальными организациями.

Конференция продолжалась до 19 часов, вход был свободный. Присутствовало более ста человек, и небольшой зал к концу совещания был забит до отказа.

В ряде выступлений говорилось о таких проблемах неформального движения, как

отсутствие у него правового статуса, частые преследования участников движения со стороны бюрократических организаций и различных экстремистских неформальных групп. Многие выступления свидетельствовали о социальной активности участников движения, об их заинтересованности в изменении общей внутриполитической ситуации в стране. Так на конференции прозвучали призывы поддерживать перестройку, добиваться свободы печати, демократизации профсоюзов и всеобщей политической амнистии. Приведем краткий обзор некоторых выступлений.

Открывая конференцию, член оргкомитета Александр Гидасов („Рабочая группа”) указал причины, приведшие к увеличению гласности, а именно:

„В стране объективно назрела потребность в коренных реформах. Необходимо изменить принципы управления экономикой, оплаты труда, сократить штат наделенных властью, устранить последствия сталинизма, системы, основанной на всеобщем страхе. Неформальное движение должно поддержать и ускорить эти перемены”.

По его словам: „Демократия не дарована сверху, а выстрадана народом”.

Сергей Арсеньев („Вахта мира”) заявил, что не согласен с утверждением Горбачева на Съезде о том, что события последних лет вызваны субъективными причинами. На самом деле причины формирования диктатуры партии — объективны. Это — низкий уровень развития масс и партийных руководителей в условиях идеологической напряженности. Ныне партия пытается выработать концепцию демократизации, которая должна быть не только смелой и динамичной, но грамотной и выдержанной. По его мнению, следует скорее говорить не о „неформальном”, а о „независимом” движении.

Владимир Жихаренцев („Вахта мира”) говорил о правовом статусе движения. По его словам, необходимо добиваться нового закона об общественных организациях. У них должно быть право издавать свои бюллетени, право на демонстрации, возможность прямого диалога с общественностью. Это — необходимое условие перестройки. Нужно, чтобы группам были предоставлены средства массовой информации, которые работали бы „для народа, а не для верхушки”. Докладчик предложил организовать постоянно действующий семинар, а также дискуссию на телевидении, где обсудить положение о митингах и вопрос, почему средства массовой информации не сообщают о неформальных объединениях и их акциях, а если сообщают, то только лживо и негативно.

*

С информационным сообщением о качественном и количественном составе неформального движения выступил Николай Журавский (Совет по экологии и культуре, группа „Спасение”). О формах и методах движения говорил Григорий Иванов („Рабочая группа”).

По их словам, активная деятельность неформалов в Ленинграде началась с культурно-демократического или с эколого-культурного движения, с „Дома Дельвига”, затем был „Англетер”...

Роман Астахов („Аделаида”) определил свою группу как историко-политический клуб. В выступлениях Иванова и Астахова прозвучала критика в адрес объединения КДД „Эпицентр”: по их мнению, руководители этого объединения (Филиппов, Мона-

хов, Зелинская) нарушают демократические принципы, игнорируют „Аделаиду”, „Форпост” „Поиск” и другие группы.

Представитель райкома ВЛКСМ Сергей Пилатов выразил обеспокоенность проявлениями экстремизма со стороны некоторых неформальных групп, в том числе и некоторых объединений „афганских ветеранов”. Эти группы, такие как „Набат”, „Красный треугольник” и другие, устраивают потасовки на улицах города, терроризируют тех, чей внешний вид их не устраивает. Комсомол намерен бороться с этим злом, опираясь на поддержку неформалов.

Это выступление Пилатова вызвало резкую реакцию зала: Александр Фишман (группа „Самозащита”) рассказал, что так называемые „Гопники” — это „урла”, не имеющая никакого отношения к „афганцам”. У них налажен великолепный контакт с милицией, особенно на уровне сержантского состава. Они делают именно то, что милиция не решает сделать сама. Власти знают об этом и не принимают никаких мер, в то время как другие неформальные группы подвергаются постоянным административным преследованиям. В подтверждение этого Виталий Савицкий (группа „Человек”) рассказал о преследованиях, которым подвергается их группа, выступающая в защиту гуманности и человеческого достоинства.

В конце заседания пришедший после встречи с „Эпицентром” представитель хиппи рассказал, как в милиции официально признавались, что натравливают „гопников” и „афганцев” на членов других неформальных объединений. Фишман и Савицкий приводили примеры, называли конкретные случаи и людей, пострадавших от избиений.

По мнению Фишмана, единственный выход — организовать оперативный отряд из неформалов с целью самозащиты. В. И. Гумельский („Комитет демократизации профсоюзов”) сказал, что демократия это — независимость трудящихся от исполнительной власти. Он предложил добиваться официального признания права на существование объединения трудящихся со своим помещением и средствами информации.

Бывший узник СПБ на Арсенальной и участник правозащитного движения Сытинский выступил с предложением добиваться амнистии всем политзаключенным. К сожалению, этот принципиально важный вопрос остался за рамками выводов конференции.

Виталий Григорьев („Аделаида“) предложил провести общегородскую конференцию по „Афганскому вопросу“ с участием клубов „Патриот“, „Доверие“, „Вахта мира“, „Аделаида“.

Член Ленинградской группы „Доверие“ Кирилл Саложин рассказал о целях группы и о декларации ее принципов, включающих расширение неформальных международных контактов, право на пацифизм, на отбывание альтернативной воинской повинности и т. д.

Отдельно обсуждался вопрос об участии неформалов в демонстрации 7 ноября. Предложили выйти на нее отдельной колонной, со своими лозунгами.

Выступал также ряд других активистов неформального культурно-демократического движения. Среди них: Александр Богданов, Сергей Семенов (Клуб психической культуры „Мир“), историк Сергей Лебедев, Кирилл Коростылев (любительское объединение „Памятник“), Сергей Петров, Лужбин В. Н. („Невские моржата“), а также секретарь „Эпицентра“ В. Веретенников (группа „Новый мир“, занимающаяся реставрацией памятников архитектуры).

В конце конференции было принято решение:

1. Добиваться статуса для неформальных объединений, предоставления им клубного помещения для встреч и обмена информацией, а также доступа в печать и на телевидение.

2. Продолжать обсуждение вопроса о создании рабочей группы по помощи людям, преследуемым за участие в перестройке и неформальном движении.

3. Выйти на демонстрацию 7 ноября отдельной колонной со своими лозунгами.

4. Опубликовать материалы конференции в № 7 „Меркурия“.

*

В начале конференции предполагалось, что каждый выступающий ясно расскажет о деятельности своей группы и внесет конкретные предложения. Это удалось не всем... Нужно отметить выступления Жихаренцева, Гомельского, Сытинского, Савицкого, Фишмана, Саложина, затронувшие наиболее важные вопросы нашей общественной жизни. К сожалению, большая часть остальных выступлений содержала мало нового и конкретного. К тому же, докладчиков часто прерывали из зала репликами и напоминаниями о регла-

менте. Особенно активно прерывали с мест докладчиков, поднимавших наиболее принципиальные вопросы. Это навело многих участников на мысль о преднамеренном характере таких действий, служивших своеобразным способом „направлять“ дискуссию. Под шум требований сократить выступление обсуждаемый вопрос снимался с повестки дня. Так, например, были „заматы“ проблемы международного доверия и всеобщей политической амнистии.

Подводя итоги, надо сказать, что такие конференции — несомненно, положительное явление. Впервые, после долгих лет немоты и застоя, в стране (прежде всего — молодежь) учатся мыслить, общаться, отстаивать свое мнение. И тут заметно сказывается потерянная нами за все эти годы подлинная иерархия ценностей. Будем надеяться, что не введенная вскоре в „управляемое“ русло общественная дискуссия достигнет, наконец, того уровня гражданской зрелости и ответственности, когда обсуждение вопроса о выходе на Октябрьскую демонстрацию отдельной колонной не будет занимать время в десять раз большее, чем такие „частные“ вопросы, как свобода слова, международное доверие и всеобщая политическая амнистия.

*

В тот же день (10.10.87) в 13.00 в ДК железнодорожников (в помещении группы „Земля и вселенная“, ул. Тамбовская 63) состоялась встреча объединения „Эпицентр“ с „Системой“ (т. е. с представителями движения хиппи). Участвовали группы, входящие в это объединение — „Клуб-81“ (Е. Зелинская), „Новый мир“ (В. Веретенников), „Земля и вселенная“ (Общество охраны природы, В. Гушин), а также ряд частных лиц. Последние — главным образом, женщины, занимающиеся брошенными детьми и детдомами; многие из них связаны с профессиональной педагогической деятельностью и с РОНО.

Встреча продолжалась два часа. От „Системы“ участвовало около десяти человек, в том числе и гости из Москвы. Многие из иногородних не приехали, хотя их и приглашали. Беседа касалась сегодняшнего состояния „Системы“ и возможных форм участия хиппи в социальных инициативах. Было отмечено

но, что „Система” отражает переломное состояние общества в целом и не представляет собою единства. Соответственно различна и оценка самими хиппи целей движения и его места в обществе. Сегодня многие из них ищут пути в окружающий мир, переходя от концепции пассивного „неучастия” к поиску подходящих им форм общественной активности. По мнению участников встречи важной основой этому могла бы стать популярная среди хиппи идея „деятельного милосердия”. Так один из них предложил заняться детскими домами, чтобы воспитывать новое поколение свободным от комплексов и ошибок. Однако столь смелое предложение не встретило широкой поддержки. Большинство хиппи считает, что „Система” имеет слишком много внутренних проблем и слиш-

ком неустойчивый социальный статус, чтобы браться за воспитание детей.

Участники беседы говорили о необходимости лучше понять мировоззрение хиппи и их идеалы, уважать их стремление к независимости. Поощряя участие хиппи в любой общественно-полезной деятельности, следует избегать навязывания им готовых форм и идеологических штампов. Подобная практика может вызвать лишь противодействие. На встрече был также затронут вопрос о необходимости защиты хиппи от репрессивных действий как со стороны государственных организаций, так и со стороны обывателей, с их нетерпимостью и устойчивыми предрассудками.

Ленинград, октябрь 1987 г.

Мысли о будущем Церкви

Генеральному Секретарю ЦК КПСС
Горбачеву Михаилу Сергеевичу

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

**Предлагается ввести дополнение в ст. 52
Конституции СССР:**

**„Церковь и атеистическая пропаганда в СССР
отделены от государства”.**

Наше дополнение: „и атеистическая пропаганда”*

Обоснование этого дополнения

1. Атеизм — явление, противоположное религии. И в этом смысле это *явления одного порядка*. Ни религия, ни атеизм не являются науками. Науки — философия, социология, психология, история и т. д.

Религия — это вера в Бога и сверхъестественное.

Атеизм — это неверие в Бога и сверхъестественное.

Наука — это знания о естественном (законы природы), т. е. никакого научного атеизма, как и научной религии, нет и быть не может. Есть науки философия религии, философия атеизма, история религии, история атеизма, но сами религия и атеизм — не науки.

Вера и неверие — дело совести, а не наук. Поэтому не должно быть ни государственного атеизма, ни государственной религии, т. к. государство — орудие господства того или иного класса людей. И государственный атеизм, и государственная религия противоречат принципу свободы совести, который утверждается ст. 52 Конституции СССР.

2. Социализм как общественно-экономическая формация возможен как среди верующих, так и неверующих. Известны некоторые коммунистические принципы (такие, как общность имущества) в первохристианских общинах. Вера и неверие возможны и в других обществах (буржуазных, феодальных и пр.). Значит, не должно быть государственного насаждения ни веры, ни неверия. Такие социалисты, как Томас Мор, были верующие и даже святые (Томас Мор причислен к лику святых в Рим/ск/о-католической церкви).

3. В СССР нет официальной статистики религиозности населения. Но есть такое оценочное число, что в СССР 30 млн. православных. А если добавить католиков и протестантов, мусульман и буддистов?

И вот вся эта многомиллионная масса людей находится невольно (не по своей воле!) в оппозиции к государству, в котором атеизм имеет государственный характер. Неужели это в интересах государства? Какую огромную силу могло бы приобрести государство в лице этих верующих людей, отдели оно от себя атеизм. Верующие не против социально-экономической системы социализма, а против атеизма.

4. Возражает на это: „В нашей стране нет государственного атеизма”. Но это демагогическое утвер-

* 2-я часть ст. 52: „Церковь в СССР отделена от государства и школа — от церкви”.

ждение во времена перестройки и гласности вряд ли стоит всерьез обсуждать.

Декад, школа, ВУЗ, радио, телевидение, пресса осуществляют атеистическую пропаганду. Финансируется все это государством, осуществляется через государственные заведения и аппарат.

Всякий воспитатель, учитель и преподаватель в СССР обязан вести атеистическую пропаганду. *Всякий* учащийся и студент *обязан* изучать атеизм.

5. Атеизм должен иметь право на существование в социалистическом обществе как одно из проявлений его свобод. Он должен быть отделен от государства и существовать на равных правах с религией.

Атеистическая пропаганда не должна финансироваться и снабжаться государством. Не должно быть насильственного (обязательного) обучения атеизму. В школах должна быть возможность свободного, факультативного (необязательного) обучения атеизму и религии. Преподавать атеизм и религию должны представители атеистических и религиозных организаций. Атеистические организации должны образовываться наподобие религиозных, из граждан, добровольно желающих их создать и в них состоять. Содержаться на добровольные пожертвования атеистов. Они должны иметь право разрабатывать устав деятельности и функционирования своих организаций. Государство следит за соблюдением религиозными и атеистическими организациями законодательства о культах и атеистической пропаганде.

*Священник Русской православной церкви
Настоятель Успенской церкви г. Енисейска*

Ф а с т Геннадий Генрихович

1987 г.

ОБРАЩЕНИЕ

к митрополиту Крутицкому и Коломенскому
Ювеналию

Ваше Высокопреосвященство!

Я слышал по радио о Вашей беседе с Огородниковым¹. Передавали также о двух письмах отца Глеба Якунина Горбачеву² и Патриарху³. Отрадно, что Вы находите время и желание поговорить с мирянами и узнать их мнения. Хочу и я поделиться с Вами мыслями о будущем Церкви.

Мне кажется, что настоящая задача, стоящая перед Церковью, это очищение от груза нехристианских синонимов, которыми она отягощена благодаря недоброй памяти сталинского и хрущевского периодов. Одним из главных синонимов этого рода является декларация митрополита Сергия от 16/29 июля 1927 года, вызвавшая раскол в Церкви⁴. Без сомнения, четко выраженная и документально зафиксированная методика взаимоотношений Церкви и государства необходима. И духу Церкви, и духу

государственной перестройки, на мой взгляд, соответствует программа, составленная рядом архиереев нашей Церкви в бытность их узниками Соловецких лагерей⁵. Документ, близкий по смыслу этой программе, представляется нужной заменой этой декларации митрополита Сергия на настоящем этапе церковной политики.

Вторым необходимым шагом, вероятно, является восстановление единства Церкви, чему послужило бы приглашение на Собор 1988 года представителей духовенства и мирян всех русских зарубежных православных юрисдикций. На этом Соборе естественно будет обсудить давно назревший вопрос о месте в церковной памяти для христиан, ставших жертвами произвола и гонений в годы культа личности и другие периоды.

Думается также, что своевременно пересмотреть антицерковные и неканоничные постановления Собора 1961 года⁶.

Это только некоторые, на мой взгляд, из наиболее необходимых шагов. Желательна широкая дискуссия в церковной печати (пока, к сожалению, только в Журнале Московской Патриархии), которая позволила бы выявить и другие необходимые меры.

Прошу Вашего благословения и молитв.

Стефан Красовицкий

4 июля 1987

ПРИМЕЧАНИЯ РЕДАКЦИИ

1. См. „Посев“ № 8, 1987.

2. Письма подписали православные священники и миряне: о. Глеб Якунин, о. Николай Гайнов, Андрей Бессмертный, Валерий Борцов, Виктор Бурдюг, Владимир Зелинский, Евгений Пазухин, Виктор Полков, Владимир Пореш.

3. Журнал „Православная Русь“ № 11, 1987.

4. „Известия“ от 19.8.1927.

5. „Памятная записка соловецких епископов, представленная на усмотрение правительства“, так называемое „Соловецкое послание“. Составлена в июне 1926 г. епископами заключенными Соловецкого концентрационного лагеря. По мнению о. М. Польского, эта „Записка“ представляла мнение наиболее многочисленной группы епископата, собранной вместе местом заключения и представлявшей собой малый состав многих епархий России, и отражала общие условия жизни Церкви и общий ее исповеднический дух“ (см. протопресвитер М. Польский „Новые мученики российской жизни“, Джорданвилль, 1949). Текст Записки опубликован также в книге Л. Регалсона „Трагедия русской церкви, 1917—1945“, ИМКА-Пресс, Париж, 1977. Указанная там дата — май 1927 года — относится, видимо, к сроку, когда „Записку“ удалось переправить на волю, Протопр. Польский упоминает, что она была доставлена митр. Сергию в Нижний Новгород и изята у него при обыске.

6. Собор происходил в период хрущевских гонений на Церковь. Под давлением властей Собор отказался от ряда положений Устава Церкви, принятого на Поместном Соборе 1917—1918 гг. См. „Открытое письмо Святейшему Патриарху“, составленное священниками Глебом Якуниным и Николаем Эшлиманом в 1965 г., в котором авторы излагают каноническую и историческую недопустимость решений этого Собора. Под давлением властей патриарх Алексий запретил священников в служении.

Приговор Русту

Полет 19-летнего Матиаса Руста из Хельсинки в Москву состоялся 28 мая. В семь часов вечера его спортивная легкомоторная „Сессна“ приземлилась на Красной площади. Следствие по этому делу продолжалось более трех месяцев. В начале сентября, после трехдневного судебного разбирательства, Верховный Суд СССР вынес приговор — 4 года заключения в лагере общего режима.

Наши читатели, безусловно, хорошо осведомлены о процессе над Рустом. О нем очень много писала западная пресса (все истекшие месяцы) и много — советская (после приговора). Детали и нюансы „дела Руста“ обошли все средства массовой информации. Вызванная им лавина снятий, исключений из партии и выговоров среди военной верхушки также освещалась в нашем журнале (см. Г. Брудерер, „Самолет сел, а маршалы полетели“, „Посев“ № 7, 1987). Сейчас есть смысл лишь коротко прокомментировать отдельные моменты.

Журналист „Московских новостей“ Андрей Гурков, как бы оправдывая затянutosть столь простого предварительного следствия, писал:

„Советскую печать упрекали (пожалуй, справедливо) за скудость в освещении этой истории, но стоит ли нашим западным коллегам так уж гордиться тем, что они своими зачастую непроверенными, а порой и просто вымышленными сообщениями затягивали и усугубляли предварительное следствие и наконец обрели 19-летнего парня на все новые и новые допросы“ („М. Н.“, 13.9.1987 г.).

Мы можем лишь присоединиться к этим вполне оправданным упрекам в адрес „желтой прессы“, ради повышающих тираж сенсаций идущей на все, вплоть до недозволенных, аморальных публикаций. Но неужели комплекс неполноценности советской юстиции дошел до того, что она непременно должна реагировать на каждый чих бульварных газет?

Западные средства массовой информации отметили „нормальность“ суда над Рустом. Процесс был открытый, в зале присутствовали родители Матиаса, допущено 25 западных журналистов. Русту назначен опытный адвокат Всеволод Яковлев, свободно владеющий немецким языком (по всей вероятности, работник „Инюрколлегии“). Словом, всё почти „как у людей“. Судья с двумя за-

седателями „половинит“ требуемый прокурором срок — 8 лет лагерей строгого режима. Однако даже эти „гуманные“ четыре года (которые Руст, конечно же, не отсидит) вызывают у западной общественности ощущение чрезмерной жестокости. Все дело — в основе: нигде в мире нет статьи, аналогичной статье 84 УК РСФСР, когда за нарушение правил международных полетов могут наказывать лишением свободы до 10 лет.

Посмотрим в корень: чем было вызвано появление этой статьи в кодексе 1960 года рождения? Уж конечно, не полетом Пауэрса, кодекс разрабатывался до него. Да и против разведывательных полетов в Советском Союзе борются ракетами, а не юридическими статьями. Наказание предусмотрено за „влет в СССР и вылет из СССР без установленного разрешения“. Вылет — в этом причина появления статьи 84 УК. Ведь новая редакция кодекса РСФСР возникла тогда, когда „входили в моду“ захваты самолетов, а для советских летчиков возникал соблазн „заблудиться“.

Мотивы здесь аналогичны жестоким наказаниям за „нарушение государственной границы“. Ведь сумасшедших камикадзе, переходящих (или перелетающих) границу в Советский Союз, нет уже десятки лет, жестокие наказания предусмотрены против „нарушителей“ из. Симметрична же формулировка просто для того, чтобы „красивее выглядело“.

Что тут говорить о „нарушителях“, если до сих пор в уголовном кодексе страны победившего социализма красуется статья 64, по которой „бегство за границу или отказ возвратиться из-за границы в СССР“ считается изменой родине и карается лишением свободы на срок от 10 до 15 лет с конфискацией имущества и последующей ссылкой или смертной казнью с конфискацией имущества? Такие вот „срока“ и есть истинная характеристика „социалистического гуманизма“.

В той же статье в „Московских новостях“ А. Гурков далее пишет:

„На Западе в первые недели после приземления Руста высказывалось предположение, что никакого процесса вообще не будет и „нашавшего мальчика“ вскоре отправят домой. При этом ссылались... на перестройку. Как неверно понимают до сих пор на Западе суть нашей демократизации!“.

Верно, верно понимают, подавляющее большинство прекрасно понимает: пока в советском праве останутся статьи, подобные ст. 64, 84 и пр., с их драконовыми сроками заключения, — никакой демократизации не было и нет!

И пока в правосудии, как в торговом сервисе, будет действовать двойная бухгалтерия: для иностранцев — одно, для своих — другое. Когда комментатор телевидения ФРГ спрашивал у москвичей их мнение по делу Руста, то ему несколько человек открыто ответили: если бы на месте Руста был „свой“, то он получил бы „на полную катушку“. Да в этом на Западе тоже не сомневаются. За десятки лет юридических расправ с отечественными „нарушителями“ не было случая, чтобы судья дал вдвое меньше, чем просил прокурор, поменяв при этом строгий режим на общий. Нет, мы не хотим, чтобы Руст „получил“ побольше. Но мы хотим, чтобы к отечественным „нарушителям“ подходили с такой же меркой. Юридические „Березки“ еще аморальнее, чем торговые.

Претензии же за высказывавшиеся на Западе, главным образом в Федеративной Германии, предположения, что процесса над Рустом вообще не будет, нужно адресовать главному шефу „Московских новостей“ директору АПН Валентину Фалину. Это он, причем дважды, в интервью „Шпигелю“ и „Вельту“, высказывал такие предположения. А западные журналисты повторяли, поверив в его авторитет советника и соратника Горбачева. В своем первом интервью Фалин не очень-то даже скрывал свое удовлетворение (да и не только, надо полагать, свое) отличным пово-

дом для перетряски армейской верхушки. Тогда же он выразил предположение, что Руст скоро будет дома. Через несколько дней Фалин заявил, что дело требует еще некоторого расследования, но если за Рустом никто не стоял, то он, видимо, скоро будет на свободе. С Рустом не был в связи ни один человек, это подтвердили и следствие и суд, тем не менее, он получил четыре года. Фалин явно промахнулся: самим Горбачевым дело было поднято на такой принципиально-расправный уровень, что тихо освободить Руста было уже невозможно.

Нас же во всем этом деле больше всего порадовали мужество и открытость, с которыми многие советские юноши и девушки высказывали свои симпатии 19-летнему пилоту, его смелости и профессиональному мастерству. Какие-то молодые москвичи прямо говорили корреспонденту западногерманского телевидения, что Руст им симпатичен, они бы его в лагерь не заключали, а ограничились бы штрафом. После приговора к родителям Матиаса подошел молодой ленинградец и высыпал сотни петиций с призывом освободить Руста. Перед иностранными камерами, на глазах милиции и сотрудников „в штатском“, он пояснил по-английски, что свыше тысячи ленинградцев подписались под призывом к Горбачеву помиловать молодого „посланца мира“.

В этих поступках, может быть, не меньше героизма: молодые москвичи и ленинградцы лучше Руста осознают, на что идут и чем рискуют. И вот эти проявления истинно свободных граждан помогают веселее смотреть в будущее.

Возвращение с менуэтом

Исчезновение Горбачева с общественной сцены на почти 8 недель (7 августа — 29 сентября) вызвало поток спекулятивных предположений в западной прессе. Особенно усердствовала бульварная пресса, с ее вечной погоней за все новыми сенсациями. „У Горбачева пищевое отравление!“. Подозрительные взгляды — в сторону социалистических „консерваторов“, противников перестройки. „У Раисы Максимовны операция аппендицита с последующими осложнениями!“. Михаил Сергеевич как верный муж сидит, не вставая, у постели больной жены. „У Горбачева

тяжелый сердечный приступ!“. Вот до чего доводит взятый не по силам груз — перестраивать такую махину!

Не погасило разнообразных слухов и заявление официального представителя МИДа Б. Пядышева о том, что генсек ЦК КПСС абсолютно здоров и пребывает в отпуске. Еще свежи в памяти внезапные кончины Андропова и Черненко через несколько дней после официального объявления об их легком недомогании.

Спекуляции вокруг „исчезновения“ Горбачева имели под собой определенные осно-

вания. Почему-то не были официально сообщены даты ухода Горбачева в отпуск и возвращения из него, хотя в прошлом году это делалось. Почему-то за все восемь недель Горбачев не смог ни разу показаться перед камерой телевидения, принимая, к примеру, кого-нибудь из восточноевропейских лидеров, хорошо знакомых с Крымом в августе-сентябре. Вместо этого почему-то была избрана допотопная, еще ленинских времен форма „оповещения масс” — статья в „Правде” (17 сентября). И она только подогрела слухи: с чего это генсек пишет статьи, а не вещает, как положено, по телевидению?

Западная пресса, не упускающая из виду глав своих государств не то что на 7-8 недель, но даже на 7-8 дней, видит во всем этой частью какого-то плана, какой-то политической игры. Мнения специалистов по „тайнам кремлевского двора” при этом расходятся, зачастую самым полярным образом. „Уполз в Крым зализывать раны, нанесенные сопротивляющимся соратниками” — считают одни. „Демонстрирует уверенность, позволяя себе на два месяца отойти от дел” — пишут другие. „После наметившегося соглашения с США по ракетам можно подольше отдохнуть” — полагают третьи. А „Вашингтон пост” со слов пожелавшего остаться неизвестным (несмотря на процветающую гласность) официального советского представителя, растолковывает, что Горбачев сознательно делает перерыв в своих публичных выступлениях, борясь с зарождением нового культа личности...

В одном все западные газеты оказываются едины: какой хрупкий предмет эта самая „перестройка”, если все надежды и чаяния могут разбиться вдребезги в случае физического или политического ухода Горбачева!

29 сентября загоревший и немного похулевший Горбачев появился, наконец, на людях — перед французской делегацией „Инициатива-87”. По окончании приема он в течение двух часов беседовал с бывшим премьер-министром Франции социалистом Пьером Моруа. На вопрос, чем объяснить его столь затянувшееся отсутствие, Горбачев сказал, что он использовал положенный ему месяц отпуска, а кроме того работал над своей книгой и над речью к 70-летию Октябрьской революции. Объяснение правдоподобное: и тому, и другому генсек явно придает большое значение. Однако все указанные „почему?” это объяснение не снимает.

Всего за две недели, с 29 сентября по 13 октября, Горбачев произносит, как бы на-верстывая упущенное, три больших речи — в Москве, Мурманске и Ленинграде. В „борьбе с зарождением культа” сделан интенсивный перерыв. Интересно, что эти три речи совершенно по-разному были оценены пытливым вслушивающейся международной общественностью.

Речь перед французской делегацией в Москве. Некоторые газеты Франции и ФРГ оценили ее как одну из самых „консервативных” речей Горбачева. В ней он как бы „пошел на сближение” с выступавшими в его отсутствие Лигачевым (на совещании с руководителями средств массовой информации 16 сентября) и Чебриковым (на собрании, посвященном 110-й годовщине со дня рождения Дзержинского, 10 сентября). Вот лишь одно предупреждение, перекликающееся с Лигачевым и Чебриковым:

„... если... кто-то внутри страны или за ее пределами хочет использовать нашу открытость и гласность, чтобы подстрекать экстремистские элементы, анти-социалистические элементы... то мы сразу открыто говорим: нет, против социализма мы никому не дадим пойти”.

Речь в Мурманске на торжественном собрании, посвященном вручению городу ордена Ленина и медали „Золотая Звезда”. Мизансцена времен „серости и застоя”. Но содержание совсем иное. Резкая критика местного начальства — по случаю награждения. Не менее резкая — всей советской экономике. Такой лишь штрих: „на одну единицу национального дохода мы расходуем и энергии, и материальных ресурсов в 1,5-2 раза больше, чем в развитых странах”. Собственно, критическую картину можно было бы на этом и закончить — все ясно. Но следуют все новые и новые „мазки”. Правда, генсек спохватывается:

„Я не хочу все чернить. Многие делается в стране хорошего. Возьмите оборону. Тут мы ни в чем не уступаем. Значит, можем работать”.

Он только не говорит, какой ценой „не уступаем”.

Разговор о ценах на мясо и молоко. То, что ученые и специалисты обсуждают уже месяцами, впервые прозвучало из уст руководителя страны. Госдотации на мясо и молоко дошли до 57 миллиардов рублей в год.

Все понимают: этот разговор — прелюдия к громадному повышению цен. В зале мертвая тишина. Генсек пробует успокоить: „надо найти подход такой, чтобы не снизить жизненный уровень трудящихся“. Поиски коммунистических алхимиков...

„В сфере управления у нас сейчас занято около 18 миллионов человек, из них 2,5 миллиона — аппарат различных органов управления... Все это составляет 15% трудовых ресурсов страны. На каждые 6-7 человек — управляющий“.

„... на оплату аппарата... в год мы расходует более 40 миллиардов рублей, а приращиваем национальный доход в последние годы в размере около 20 миллиардов рублей“.

А ведь вам об этом говорили, не один раз и не один год, когда эта армия комбюрократов интенсивно разбухала. Сейчас ее надо так же интенсивно сокращать, иного выхода уже нет. Горбачев и говорит о сокращении.

„Но делать это будем весьма ответственно и взвешенно, проявляя заботу о каждом человеке, о его судьбе, о судьбе его семьи“.

Красиво звучит. Но все понимают, что это ерунда, абсолютно невозможная вещь. Завели страну в тупик — и структурно, и материально, и нравственно. Теперь без потерь, и потерь огромных, — не выкарабкаться. Горбачев это, конечно, и сам понимает. Поэтому и заклинает каждый раз:

„Мы не можем отступить от всего, что мы начинали... Если мы дрогнем, начнем отступать, фронт нашей перестройки разрушится“.

Речь в Ленинграде. Важнейшая часть ее — откровенное наступление на партийный аппарат. Для подкрепления вытаскивается цитата из Ленина: „нужно все силы употребить на то, чтобы безусловно добиться своего, добиться полного подчинения аппарата политике“. И при Ленине партаппарат сопротивлялся злгу. И пошел на него скрепя сердце, под заверения, что это отступление — сугубо временное. Насколько же больше сопротивление теперь, когда аппарат так разросся?

„Нам очень важно, чтобы механизм управления страной, новые принципы функционирования всех сфер, и прежде всего экономики, не дали сбоев. Ибо все противники перестройки воспользуются этим, чтобы дискредитировать ее“.

Опять-таки невозможная вещь, чтобы при столь кардинальной перестройке механизм

не давал сбоев. Безусловно, они будут, переходный период всегда мучительно труден. Противников перестройки надо выводить „в запас“ загодя, не давая им объединяться. Собственно, всесоюзная партконференция в будущем году решит многое: будет ли в результате тот состав ЦК, с которым можно преодолеть неминуемые сдвиги и переходные трудности? Или высокопоставленные „противники перестройки“ в конце концов найдут общий язык и объединятся против ее главного конструктора? Тогда они напомнят Горбачеву его призывы:

„Хватит сидеть по кабинетам! В хоромах, которые были отстроены за последние десятилетия... Страна бурлит, страна нуждается в мыслях, действиях, в обсуждении, а в это время — спокойствие в кабинетах, паркеты, ковры и расписание: когда кто кого принимает. Представляете, если бы так по расписанию делала революцию!“.

Вот уже какие слова пошли! И какими же будут следующие речи, следующие призывы Горбачева?

Собственно, выводы уже видны в этой ленинградской речи:

„Но от тех, кто продолжает выжидать, видимо, толку не будет. Я имею в виду тех, кто стоит во главе трудовых коллективов, районов, городов“.

И сколько же это миллионов? И кого ставить на их место? Ведь кадровую политику, призывает Горбачев, надо проводить,

„не подпуская на пушечный выстрел к партийной работе самодовольных, чванливых, малокультурных людей, не любящих работу с людьми“.

Так их же подавляющее большинство — таких! Реальные условия отбора при „росте партийных кадров“ таковы, что именно такие-то и заполняют роскошные кабинеты с коврами. Кем и как их заменить?.. И в кадровой политике — квадратура круга.

Вот такой „менует“ танцует Горбачев: шаг назад, шаг вбок, шаг вперед. Когда три программные речи спрессованы в две недели, это особенно заметно. Чем закончатся менуеты генсека? В кино часто показывают, как герой, кружа в замысловатом танце свою даму, в то же время целеустремленно и уверенно продвигается к нужному ему выходу. Удастся ли Горбачеву подвести к нужному выходу свою страну?

Баллада о бессмертном Кузьмиче

16 сентября секретарь ЦК КПСС и член Политбюро Лигачев, „второй человек” в кремлевской иерархии, как его любят называть в западной прессе, собрал совещание с руководителями средств массовой информации и пропаганды. Совещание проходило в его кабинете и на нем не присутствовали другие члены Политбюро. Неясно, были ли на нем официальные чиновники аппарата ЦК по агитации и пропаганде. На нем отсутствовали секретарь ЦК КПСС по пропаганде Яковлев и находившийся в отпуске Горбачев. Аналогичное по составу совещание Горбачев провел всего лишь два месяца назад, 10 июля. Все это указывает на незапланированность и спонтанность „лигачевского” сбора редакторов.

На следующий день „Правда” опубликовала сообщение ТАСС — краткое изложение речи Лигачева. Никаких других выступлений, ни даже фамилий в сообщении не было. Кроме этого препарированного отчета ТАСС, ни одна московская газета ничего не написала о встрече, хотя все редакторы присутствовали, то есть были самые непосредственные возможности для полной и интересной для читателя информации.

Больше гласности проявила американская газета „Нью-Йорк таймс”. 24 сентября она поместила статью своего московского корреспондента Филиппа Таубмана. Таубман сообщает о некоторых деталях встречи, рассказанных ему ее участниками. Участники пожалели почему-то остаться неизвестными, хотя анонимность сегодня ругают во всех изданиях и даже с самых высоких трибун...

Анонимные участники рассказали американскому корреспонденту, что основной критический огонь Лигачева был направлен на два еженедельника — „Московские новости” и „Огонек”. Особое неудовольствие Егора Кузьмича вызвали исторические материалы, „реабилитирующие” многие жертвы сталинского террора, даже таких, как невозвращенец Федор Раскольников. Фактически, новое в подобных публикациях — лишь открытая и эмоциональная оценка Сталина и его „соратников”. Но даже такая, весьма приглушенная правда производит очень сильное впечатление на читающую публику, о чем свидетельствуют подборки писем читателей — как „за”, так и „против” — в ряде журналов и газет. Основной страж коммунистиче-

ской идеологии боится — и, наверное, не без основания — разрушительной силы „накопленной” читательской реакции, если она будет продолжаться и нарастать.

Лигачев обрушился на своего тезку, редактора „Московских новостей” Егора Яковлева, за опубликование 13 сентября некролога писателю Виктору Некрасову, скончавшемуся в Париже 3 сентября. Этот преступный документ подписали четыре писателя-фронтовики — Г. Бакланов, В. Лакшин, Б. Окуджава и В. Кондратьев. В предыдущем номере газеты Вячеслав Кондратьев в статье, посвященной трагической судьбе фронтовиков, прошедших немецкий плен, а затем советские лагеря, посмел высказать суждение, что роман Некрасова „В окопах Сталинграда” навсегда останется в числе лучших, наиболее правдивых произведений о Великой Отечественной войне. Определяющие издательскую политику партийные начальники так, конечно, не считают, и некрасовские „Окопы” имеют мало шансов на переиздание (после эмиграции В. Некрасова его книги были изъяты из библиотек страны и уничтожены). Прав был „Посев”, издавший в 1981 году „Сталинград” с актуальным послесловием автора, с его мыслями и раздумьями, к которым Виктор Платонович пришел к концу своего жизненного пути.

Лигачев заявил, что партийные инстанции не рекомендовали редактору „Московских новостей” публиковать некролог Некрасову. На это Егор Владимирович возразил с места, что такой рекомендации не было. Он защищал решение опубликовать некролог Некрасову принципами, провозглашенными генсеком Горбачевым, принципами свободы и плюрализма мнений.

Этот, казалось бы, мелкий эпизод довольно показателен. Переход „границы гласности”, „социалистическими консерваторами” воспринимается очень болезненно. Границы же ее они видят не так уж далеко от прежних. Но эти границы уже никак не устраивают лоборников „нового мышления”. Говоря словами Александра Галича, „И это / Была вполне веселая примета, / Что новые настали времена”.

Произожди такой инцидент раньше, даже еще 2-3 года назад, дальнейшее течение событий происходило бы тоже „по Галичу”, по сценарию песни „Бессмертный Кузьмин”

(чуть измененный вариант логично назвать „Бессмертный Кузьмич“): „А потом Егор Кузьмич, взяв перо с бумагой, / Написал Егор Кузьмич буквами печатными, / Что как Первый Секретарь и верный Сын Отечества / Он обязан известить всех, кому положено...

И все. И нет Егора! (Владимировича)
Был человек — и нет!
И мы об этом скоро
Узнаем из газет.

Из газет, вернее, из тех же „Московских новостей“, мы узнали лишь, что главный редактор Егор Яковлев поехал спецкорром газеты в Тольятти на ВАЗ. Очевидно, чтобы лично осуществлять высказанное на совещании требование Лигачева, — „проявлять интерес к тому, как идут дела с переходом предприятий, отраслей на полный хозяйственный расчет и самофинансирование“. Заниматься делом, а не вредные некрологи публиковать. Впрочем, судя по первым корреспонденциям главреда-спецкорра, „дела с переходом“ идут не очень хорошо...

Надо, однако, полагать, что поездка Егора Владимировича в Тольятти, — никак не ссылка и не репрессивные санкции сверху. Даже идеологических противников теперь положено, если верить Горбачеву, не преследовать, а критиковать. А Егор Яковлев никакой не идеологический противник, а просто заблуждающийся товарищ. Которому надо убедительно внушить, что он ошибается.

Пойми, что с этим, кореш,
Нельзя озорничать,
Пойми, что ты позоришь
Родимую печать.

Это, так сказать, современный вариант „Баллады о сознательности“ — обоюдная сознательность Главного Идеолога и Главного Редактора.

Еще двадцать лет назад талантливый поэт и бард Александр Аркадьевич Галич пытался внушить власть имущим, что „Есть такой закон природы — / Колебательный закон!.. / И кто с законом не знаком, / Пусть учит срочно тот закон“.

Повторяйте ж на дорогу
Не для кружева-слова,
А поверьте, ей же Богу,
Если все шагают в ногу —
Мост об-ру-ши-ва-ет-ся!

Вот уже десять лет прошло со дня трагической гибели Галича в Париже. Вот уже вроде бы и нынешние власть имущие в Москве признали, что вредно шагать в ногу. Уже и трещины моста отчетливо видны. А все-таки, все-таки... Как только наши средства информации перестают „печатать шаг“, фельдфельские сердца бессмертных кузьмичей не выдерживают, и снова — „Ать-два, левой-правой!“.

Но — вот они, капризы моды! — привычные приказы шагать в ногу и не выходить из рядов теперь обуславливаются требованиями... демократии и гласности. Сообщение ТАСС поведало нам, что Егором Кузьмичом и его соратниками

„...замечено, что некоторые редакции охотно публикуют то, что согласуется с их точкой зрения. А то, что не согласуется, — или не публикуется, или сопровождается с ходу отвергающим публикацию комментарием редакции. Получается демократия с односторонним движением, ее надо изживать“.

Вот только „долбают“ Кузьмичи почему-то лишь „Московские новости“ и „Огонек“, а не, например, „Правду“ и „Комсомольскую правду“, „Молодую гвардию“ и „Партийную жизнь“. Или эти публикуют все, даже то, что „не согласуется“? Надо им послать последнюю резолюцию НТС, пусть опубликуют. Пусть даже с „отвергающим комментарием“...

„И уж совсем выходит за рамки демократической практики (столь укорененной в советской прессе! — А. Р.), когда публикуются материалы по единоличному решению редактора, без рассмотрения редакционной коллегии газеты, журнала“.

Действительно, как же можно ответственные вещи предоставлять единоличному решению редакторов? Тем более, что и редактора, оказывается, не совсем те затесались? Нет, во всех ответственных случаях должно быть е д и н о д у ш н о е решение редакционной коллегии, в том числе и заместителя главного редактора, утвержденного Идеологической комиссией ЦК КПСС во главе с лично Егором Кузьмичом. А что цензура в советской прессе по-прежнему существует, — так это измышления враждебной империалистической пропаганды.

Начиная с своего выступления на XXVII съезде КПСС, Лигачев уже не первый раз одергивает наиболее „зарывающиеся“ сред-

Необычный пленум

Пленум ЦК КПСС, состоявшийся 21 октября 1987 г., воистину можно назвать странным. Странность его не в том, что в газетах лишь перечислены фамилии 27-ми выступавших на нем. Мир уже привык к тому, что тексты выступлений членов ЦК на пленумах приравниваются к строго секретным материалам. Какие-то наиболее содержательные крохи из речей на пленумах западные корреспонденты в Москве затем достают по большому знакомству и очень гордятся своей добычей. Собственно, за весь „период гласности“ ни одного выступления на пленумах не-Горбачева опубликовано не было.

Пленум ЦК КПСС „рассмотрел вопросы, связанные с 70-летием Великой Октябрьской социалистической революции“. За этим фасадом скрывалась простая вещь: пленум решал, можно ли Горбачеву зачитывать свою речь на юбилейном торжественном заседании в том виде, в каком он ее написал. Видимо, этот вопрос Политбюро не решило, отфутболить его Пленуму. Ничего странного в этом тоже нет, ибо отразить историческую панораму деятельности КПСС за 70 лет — занятие совсем не простое. Нужно „взвешенно“ решить, кого из вождей партии ругать вслух можно, а кого не стоит. Какие этапы героического пути КПСС за 70 лет поднять на щит, а какие стыдливо проскочить, не задерживая на них внимания.

Этим и объясняется, надо полагать, „неопубликование“ доклада Горбачева на пленуме. Сравнение его текста с произнесенной через две недели речью позволило бы ясно увидеть, чего особенно боится партийное руководство.

Этим же объясняется и выпадение Пленума из привычного „протокола“: один день

работы вместо обычных двух, заседание после сессии Верховного совета СССР, в то время как обычно оно происходит до нее. На этот раз сессии ВС не нужно было штамповать решения Пленума, совмещать же эти два мероприятия полезно из соображений экономии, так как члены того и другого кворума в большой степени одни и те же.

Напротив, ничего необычного не было в просьбе „т. Алиева Г. А. об освобождении его от обязанностей члена Политбюро ЦК КПСС в связи с уходом на пенсию по состоянию здоровья“. Этой „просьбы“ ожидали, хотя именно последний перед Пленумом месяц Алиев прилюдно демонстрировал вполне нормальное „состояние здоровья“. Ходили слухи, что летом у Алиева был инфаркт, и этим объясняется его длительное исчезновение. Но слухи также ходили, что еще в апреле-мае Алиев объезжал некоторых секретарей обкомов, членов ЦК, собирая голоса против Горбачева. И отношения между ними после этого прервались. Судя по ходу событий, „вторые“ слухи больше соответствуют истине.

С удалением Алиева обрублено наиболее активное звено „консервативной фракции“ на партийных верхах. Активность Алиева, если слухи о ней верны, малопонятна. Как „нацмен“ он сегодня не имел никаких шансов успешно возглавить оппозицию Горбачеву. Кроме того, он был публично скомпрометирован еще в дни XXVII съезда КПСС. Давая тогда интервью иностранным корреспондентам, Алиев натолкнулся на „заготовку“, возможно, подстроенную: почему на прошлом съезде он в своей короткой речи 23 раза повторил имя Брежнев? Интервью Алиева стало первым и последним „открытием на Запад“ членов Политбюро...

Может быть, активность Алиева стимулировала реакция многих членов ЦК на „демократические“ предложения Горбачева во время январского пленума ЦК? Через несколько месяцев после января на Запад просочились сведения, что 70 членов ЦК, объединившись, предложили Лигачеву возглавить борьбу против „потрясателя основ“ Горбачева. Лигачев отказался. Может быть, Алиев решил принять эту миссию на себя? Борьба за власть — вещь иррациональная...

А. Ряднов

Основная необычность пленума 21 октября была в непривычно острой дискуссии на нем. Тон дискуссии задал секретарь МГК и кандидат в члены Политбюро Ельцин, выступавший первым. Содержания его речи мы не знаем, — может быть, через несколько месяцев самиздатский текст ее всплывет. Но основные ударные места известны в пересказе все тех же корреспондентов, со ссылкой на высокопоставленных функционеров, конечно, анонимных.

Ельцин считает, что перестройка идет слишком медленно. Он вновь, как и на XXVII съезде и на январском пленуме, критиковал стиль работы руководящих партийных органов. Как и в январе, но еще более резко Ельцин говорил о кадровом кризисе, о необходимости сломать вообще понятие номенклатуры. Участникам пленума, конечно, хорошо известны слова Ельцина в откровенных разговорах с рабочими: „Вокруг меня вакуум! Москве нужны 500 новых руководителей!“.

По сообщению корреспондента „Нью-Йорк таймс“, Ельцин обвинил Горбачева в том, что он не борется с возникновением культа своей личности и тем самым блокирует путь к реформам. Сам Ельцин опроверг такое свое заявление, его опровержение скорее относилось к форме журналистической подачи, чем к сути критики. Ельцин утверждал также, что перестройка вязнет в болоте привилегированных интересов.

Ельцин открыто обвинил секретаря ЦК КПСС Лигачева в том, что он препятствует необходимому общественно-политическим переменам в стране. По другим слухам, в качестве человека, активно тормозящего перестройку, фигурировал также председатель КГБ Чебриков.

В конце своего выступления Борис Ельцин заявил, что намерен уйти с занимаемых постов. В контексте всей речи это прозвучало как признание тупика, в который, по мнению Ельцина, зашла перестройка. Неясно, имелся ли в виду также „пост“ кандидата в члены Политбюро.

Выступление Ельцина вызвало бурную реакцию. Выступавший вслед за ним Лигачев заявил, что Ельцин — плохой руководитель, что он плохо управляет событиями в Москве. В свое время он, Лигачев, предостерегал от назначения Ельцина первым секретарем МГК („Нью-Йорк таймс“). В пылу дискуссии Лигачев даже забыл, что Ельцин не был

назначен, но выбран (!) большинством делегатов партконференции Москвы...

Подавляющее большинство выступавших членов ЦК поддержало Лигачева. Чебриков („Балтимор сан“) даже обвинил Ельцина в том, что он распустил прессу. Чего по своим полномочиям Ельцин уж никак не мог сделать. Подчиняющиеся МГК московские газеты („Московская правда“, „Московский комсомолец“, „Вечерняя Москва“) как раз „распустились“ меньше других.

В защиту Ельцина выступили главным образом его земляки, бывшие свердловчане — посол СССР во Франции Рябов, Председатель Совета Министров Рыжков и первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Колбин („Вельт“). Все они, как и Ельцин, в 1950-х годах учились в Уральском политехническом институте, а в 1970-х годах были на высших партийных и административных должностях Свердловска. Очевидно, они отстаивали мнение, что Ельцин в Свердловске зарекомендовал себя инициативным и трудолюбивым партийным руководителем. „Уральскому братству“, однако, не удалось изменить ход дискуссии.

После того как выступления на пленуме закончились, Горбачев задал вопрос Ельцину („Штутгартер цайтунг“), понимает ли он последствия своей отставки и остается ли он при своем решении после всего, что услышал. Ельцин подтвердил, подчеркнув, что бюрократический механизм противодействия реформам делает невозможным дальнейшее продолжение его, Ельцина, работы.

События, происшедшие на пленуме ЦК, стали известны лишь через 10 дней, когда на пресс-конференции в Москве секретарь ЦК КПСС Лукьянов подтвердил распространявшиеся по Москве слухи об отставке Ельцина. „Признано целесообразным, — заявил Лукьянов, — чтобы Политбюро и Московский горком партии в соответствии с уставом КПСС рассмотрели вопросы, возникающие в связи с этим заявлением“. Выпустив это сообщение, ТАСС одновременно во „внутреннем добавлении“ решительно не рекомендовал органам печати публиковать „ответ Ельцину“, то есть фактически все подробности, связанные с выступлением Ельцина на Пленуме.

11 ноября отставка Ельцина была принята. Вместо него первым секретарем Московского городского комитета КПСС был „избран“ Лев Зайков, член Политбюро, секретарь ЦК

по военно-промышленному комплексу, бывший партийный хозяин Ленинграда. Кремлевская демократия...

*

Менее чем за два „ельцинских” года в жизни столицы произошли определенные перемены. Улучшилось снабжение овощами и фруктами за счет направленного подвоза колхозников из дальних областей (в счет разрешенной 30%-ной продажи свежего урожая на рынках). Ельцин, кажется, уже „пробил” решение об увеличении государственного снабжения Москвы — из учета сверхплановых жителей столицы и ежегодных 3 млн. приезжих „за покупками”. Говорят также о некотором улучшении бытового обслуживания. В то же время, Ельцин активно вел войну с привилегиями партноменклатуры. Закрыт магазин-распределитель МГК, многие ответработники райкома и Моссовета лишились персональных машин. Более строго стало распределяться жилье. Активно снимались замешанные в коррупции деятели. При Ельцине сменилось 40% секретарей столичных райкомов.

Этим, надо полагать, и объясняется столь разная реакция на выступление и уход Ельцина. Хотя официальные объявления отсутствовали, в Президиум Верховного совета стали поступать запросы и коллективные жалобы москвичей. В Свердловске 1 ноября были расклеены листовки следующего содержания:

„Всем, кому дорога перестройка!

На пленуме ЦК КПСС первый секретарь МГК КПСС Ельцин предложил освободить его от занимаемого им поста в знак протеста против действий председателя КГБ Чебрикова и главного идеолога партии Лигачева, тормозящих процесс перестройки.

Граждане! Уход с политической арены одного из верных сторонников гласности и демократизации разожжет руки партийным бюрократам, саботажникам перестройки, усилит политические репрессии, идеологический зажим всего нового, что происходит в стране.

Граждане! Страна у рокового рубежа — наше молчание на руку противникам перестройки.

Граждане, земляки Ельцина! Направляя в адрес правительства коллективные протесты против его ухода, мы поддержим и укрепим процесс демократизации страны!

Протестуйте!”

В отличие от „выхода на пенсию” Алиева, отставка Ельцина явно не была запланирована. Это — чувствительный удар по Горбачеву. Дело даже не в том, что именно Горбачев „пробивал” Ельцина (причем, с большим трудом) на ключевой пост первого секретаря Московского горкома партии. В лице Ельцина он имел как бы „радикальную фракцию”, до известной степени противостоящую „консервативной фракции” Лигачева — Чебрикова. Горбачев тем самым как бы смещался в центр политического спектра, производя впечатление умеренного и взвешенного лавирования между двумя крайними полюсами. В этой роли заменить Ельцина некем. Ампула возглавителя „радикальной фракции” теперь повиснет над самим Горбачевым, что не сулит ему никакой выгоды.

События на Пленуме еще раз обнажили силу сопротивления Горбачеву в рядах ЦК КПСС. Четверть состава ЦК легко может перейти в его большинство, когда станут нарастать негативные для партийной номенклатуры последствия социально-экономических реформ. Основной шанс Горбачева — с помощью партконференции летом 1988 года „перетрясти” состав ЦК, сделав его более молодым и менее консервативным.

А. Ряднов

НОВАЯ КНИГА

Д. Пospelовский На путях к рабочему праву (профсоюзы в России)

Книга посвящена развитию рабочего движения в дореволюционной России, анализу отношения правительственных кругов к становлению и деятельности рабочих объединений. В частности обстоятельно освещена попытка полковника С. В. Зубатова, одного из крупных чиновников министерства внутренних дел, сосредоточить деятельность рабочих профсоюзов на экономических, социальных, культурных проблемах и удержат их от подчинения революционным партиям.

1987

240 с.

28 нм

Тоталитаризм не уйдет из Афганистана

Обозрение

В. РЫБАКОВ

Советские предложения

Афганские марионеточные власти, выполняя указание советского руководства, продолжают повторять предложения, связанные с процессом „национального примирения”: Афганистан перестает быть „демократической” республикой, чтобы стать просто Республикой Афганистан, то есть системе правления возвращается, мол, исламский характер. Коммунисты приняли закон, дающий стране многопартийную систему. Вводятся либеральные экономические порядки, предлагается оппозиции, в том числе вооруженной, создать коалиционное правительство. Генсек Наджиб даже указал, что готов покинуть свой пост и дать оппозиции больше власти, чем предполагалось летом с. г. В ответ оппозиция должна распустить свои вооруженные отряды, сложить оружие и способствовать возвращению в страну 5 миллионов беженцев.

В Женеве с 7 по 10 сентября состоялся очередной раунд афгано-пакистанских переговоров. Он впервые был проведен по инициативе кабульских властей (то есть советского руководства), а не — как обычно — посредника ООН Диего Кордовеса (первый раунд этих переговоров состоялся в июне 1982 года). В 1986 году кабульские власти предлагали вывести из Афганистана советские войска в течение 4 лет — разумеется, после победы политики „национального примирения”. В марте 1987 года кабульская делегация сократила срок вывода до 18 месяцев. Пакистанская сторона требовала вывести войска в течение 7 месяцев. В сентябре срок был сокращен кабульской стороной до 1 года.

Решительность Исламского союза

Со своей стороны, Исламский союз мухаджидов Афганистана, продолжая требовать

непосредственных переговоров с советским руководством и полного вывода наших войск из страны (см. „Обозрение”: „Посев” № 9, 1987), расширил свои предложения. Например, глава партии „Хезби Ислами”, одной из входящих в Исламский союз, Гулбундин Хекматъяр заявил, что параллельно эвакуации советских войск должна будет проводиться эвакуация кабульских гарнизонов и баз, созданных после 1979 года. Все афганские офицеры, находящиеся на службе у марионеточного режима, должны быть демобилизованы, а офицеры, перешедшие на сторону партизан, — восстановлены в своих званиях и должностях. За эвакуацией советских войск будут следить только те партизанские части, которыми командуют старые и опытные командиры. Все желающие уйти в СССР вместе с советской 40-й армией получают полную свободу это сделать: советским вооруженным силам и их союзникам, покидающим афганскую землю, будет гарантирована полная безопасность. Все служившие кабульскому коммунистическому режиму, пожелавшие остаться в стране, будут амнистированы, но при условии, что они публично признают ошибкой свою антиафганскую деятельность. Что касается будущего, то Исламский союз объявил, что Афганистан станет нейтральным, неприсоединившимся государством; новый режим не будет ни проамериканским, ни просоветским, на его территории не будет иностранных войск и баз. Афганистан, сказал Хекматъяр, не будет представлять для СССР ни малейшей опасности.

Боевые командиры хотят автономии

Официально командиры партизанских отрядов и соединений в Афганистане подчиняются Исламскому союзу, штаб которого расположен на окраине Пешавара в Пакистане, но на деле между воюющими командира-

ми и политико-религиозными командирами-эмигрантами существуют коренные противоречия, и чаще всего командиры отрядов только делают вид, что подчиняются „высокому” пешаварскому начальству, от которого зависит снабжение отрядов вооружением, техникой, медикаментами. Многие командиры считают, что „пешаварские тыловики”, недостаточно знакомые с обстановкой внутри страны, часто отдают нелепые приказы, что в отряды поступает слишком малая доля получаемых Исламским союзом средств на ведение войны и, наконец, что не так Исламскому союзу, как им, проливающим свою кровь на родной земле, следует определять политическое, общественное и религиозное будущее страны.

Поэтому в июле 1987 года в афганской провинции Гхор состоялось совещание представителей партизанских отрядов и соединений, на котором была принята соответствующая резолюция из 20 пунктов. Один из этих пунктов предусматривает создание Высшего революционного совета, „который займется определением будущего для ныне угнетенного афганского народа, а также координацией военных действий в стране”. Другой содержит требование полного вывода советских войск из страны и категорически отвергает кабульское предложение создать „коалиционное правительство национально-го примирения”. В третьем указывается на необходимость создания на афганской территории лагерей для подготовки партизанских кадров. Четвертый предусматривает установление во всех провинциях гражданской администрации, судебных органов, отделов образования и здравоохранения, подчиняющихся Высшему революционному совету.

Общее количество делегатов совещания превысило три с половиной тысячи человек. Провинция Гхор была выбрана, так как почти полностью находится под контролем сил сопротивления — в столице провинции расположена советская база ВВС, но связь с ней из Кабула возможна только воздушным путем. Исламскому союзу было предложено прислать на совещание своих делегатов, но Высший революционный совет официально уполномочен совещанием оказывать на Исламский союз давление, „дабы ускорить процесс единения с тем, чтобы путем боевых действий внутри страны и политических действий за рубежом добиться полной эвакуа-

ции советских войск”. И хотя на гхорском совещании делегаты официально принадлежали к шести из семи группировок, входящих в Исламский союз, ясно, что речь шла прежде всего о выработке условий автономии „внутренней оппозиции”, больше того — о явном стремлении союза боевых командиров стать в будущем основной политико-религиозной силой афганского сопротивления.

Положение Пакистана

Некоторые международные обозреватели, а также многие лидеры афганского сопротивления считают переговоры между афганским коммунистическим режимом и Пакистаном лишенными смысла, поскольку война ведется между афганским сопротивлением и 40-й советской армией.

На деле эти переговоры чрезвычайно важны для советского руководства, и от результатов этих переговоров зависит по сути дела исход войны. Прежде всего, переговоры ведутся, по сути дела, между советским руководством (кабульские дипломаты — лишь подставные лица, выполняющие указания советских компетентных чиновников) и Пакистаном. Советское руководство прекрасно отдаст себе отчет, что судьба войны зависит от того, останется ли открытой афгано-пакистанская граница, будет ли пакистанское правительство в будущем предоставлять афганскому сопротивлению свою территорию для лагерей беженцев и для лагерей боевой подготовки партизан, будут ли пакистанцы по-прежнему передавать Исламскому союзу американское, английское, египетское и китайское вооружение (покупаемое в основном на саудовские деньги), будет ли Пакистан оказывать в дальнейшем афганскому сопротивлению политическую поддержку.

Основной задачей советского руководства является не так военная победа над афганскими партизанами, как политическая победа над пакистанским правительством президента Зия-уль-Хака, так как политическая победа над Пакистаном станет военной победой над афганским сопротивлением и, как следствие, победой процесса „национального примирения”: стоит Пакистану бросить афганцев на произвол судьбы, закрыть свою границу, ликвидировать на своей территории штабы, базы, лагеря афганского сопротивления — и последнему не останется ничего дру-

гого, кроме пути уступок и компромиссов. Но как заставить Пакистан начать проводить просоветскую политику: ведь для Пакистана окончательная победа советского руководства в Афганистане означала бы появление у своих границ мощного и опаснейшего врага?

Советское руководство решило попытаться добиться цели террором и шантажом. Силам КГБ, ГРУ и афганского МГБ (бывший ХАД) было приказано развернуть в Пакистане террористическую деятельность, направленную против лидеров афганского сопротивления: 16 сентября было совершено покушение на Хекматияра. Афганский лидер проезжал по Кабальяну (район Пешавара) со своей охраной, когда террористами была взорвана спрятанная в автомобиле, стоящем на обочине, взрывчатка. Тот факт, что взрыв был произведен с помощью дистанционного управления, доказывает, что покушение было организовано агентами КГБ, а не противниками Хекматияра по Исламскому союзу, у которых нет нужных для подобных покушений технических средств (террористическая деятельность партизан в Кабуле и других городах это ясно подчеркивает). В результате взрыва погибли 8 человек и были ранены 37, почти все — прохожие. Сам Хекматияр отделался легкими ранениями. Это покушение на Хекматияра — лишь последнее по счету, направленное против руководства афганского сопротивления.

Параллельно организуются так называемые „слепые” взрывы, цель которых — вызвать у пакистанского населения острое чувство слепого страха и, как следствие, вспышки недружелюбия, а то и ненависти к афганским беженцам и к сопротивлению, поскольку пакистанцам известно, что причина террористических актов — Афганская война. Летом и осенью 1987 года террористические взрывы имели место в крупнейших городах Пакистана: Равалпинди, Карачи, Лахоре, Мардане, Пешаваре. Погибли десятки людей.

Наконец, терроризмом вдоль афгано-пакистанской границы усердно занимаются афганские ВВС. В среднем раз в день они пересекают пакистанское воздушное пространство для обстрела населенных пунктов, лагерей партизан, путей сообщения. Эти операции преследуют тройную цель: вызвать среди пограничных племен антиафганские чувства, ослабить афганское сопротивление и постоянно „намекать” пакистанскому правитель-

ству, что война между Пакистаном и Афганистаном (то есть СССР) невозможна.

Что касается шантажа, то у него два направления. Первое ведет в сторону внутренней оппозиции режиму президента Зия, оппозиции как племенной, так и политической, которой оказывается всесторонняя помощь. Второе — в сторону Индии, основного врага Пакистана.

Между Индией и Пакистаном (который до 1947 г. был мусульманской частью Индии) состоялись в недалеком прошлом три войны. Первая, 1947-49 гг., началась из-за спорного княжества Джамму и Кашмир. Война 1965 г. шла из-за спорной территории северной части пустыни Качский ранн: перевес оказался на стороне Индии, и все эти территории были поделены между Индией и Пакистаном. Война 1971 г. началась восстанием в Восточном Пакистане, которое было поддержано Индией: конфликт завершился капитуляцией пакистанской армии; на территории Восточного Пакистана было образовано государство Бангладеш.

Однако напряжение на пакистано-индийской границе никогда не спадало и часто выливается в кровопролитные стычки между пакистанскими и индийскими войсками, особенно в Кашмире, в горах Каракорума. Индия подозревает, что Пакистан, заключив тайное соглашение с Китаем, стремится захватить весь Кашмир. Последние бои на ледниках Каракорума развернулись с 23 по 25 сентября 1987 года. По сообщениям индийской прессы, более тысячи пакистанских военнослужащих трижды переходили в наступление, и, потеряв около двухсот человек, вынуждены были отступить.

Даже поверхностное исследование пакистано-индийских отношений ясно показывает, насколько Пакистан (с его полумиллионной армией) нуждается в надежном тыле и в мире с другими соседями. Оккупация советской армией Афганистана стала для Пакистана угрозой возможной войны на два фронта и, следовательно, смертельной опасностью для самого существования этого государства. Но даже если Индия одна начнет крупные военные действия против Пакистана, то последний (в этом трудно сомневаться) будет вынужден, для избежания возможной войны на два фронта, пойти на уступки и в лучшем случае бросить афганское сопротивление на произвол судьбы. Внутренняя оппозиция, в особенности Пакистанская народ-

ная партия Н. Бхутто, не перестает усиливаться и вполне способна в случае острого кризиса нанести режиму Зия-уль-Хака удар в спину.

Советскому руководству до сих пор не удалось ни толкнуть неприсоединившуюся Индию на агрессию, ни побудить внутрипакистанскую оппозицию на крупномасштабные восстания или перевороты, поэтому пока основную роль играет шантаж типа „перестаньте поддерживать наших врагов, иначе мы будем продолжать усиливать ваших врагов“. Пакистан до сих пор не поддавался этому шантажу, но положение его не перестает ухудшаться, а следовательно, не перестает ухудшаться и положение афганского сопротивления — несмотря на военные успехи последних месяцев.

Расчеты советского руководства

Предложения советского руководства по политическому урегулированию афганского вопроса могли бы, как будто, привлечь сторонников как в Афганистане, так и за его пределами. Эти предложения как бы подчеркивают стремление советского руководства поскорее освободиться от груза Афганской войны, эвакуировать 40-ю армию и вернуть страну в докоммунистическое состояние, с той разницей, что при Дауде министры-коммунисты занимали не ключевые министерства и потому были изгнаны Даудом (что и было причиной переворота), а ныне они будут занимать ключевые позиции в правительстве и государстве — что может быть неприятно, но терпимо, в особенности по сравнению с годами террора и оккупации.

Кроме предложений Наджиба, на Западный мир посыпались „косвенные доказательства“ желания советского руководства любой ценой выбраться из афганской трясины, даже ценой гибели афганского коммунистического режима. Например, во время дипломатического приема в Кабуле один советский дипломат сказал „откровенно“ американскому дипломату, что афганские коммунисты „ленивы и продажны“ — хищения, мол, поглощают большую часть советской помощи Афганистану. Что работать с кабульскими властями чрезвычайно трудно: „...они ждут, чтобы за них все сделали другие“. Другой советский дипломат так же „откровенно“ и „ненароком“ признался иностран-

ному коллеге, что политика национального примирения, во главе которой стоит генсек Наджиб, провалилась, и добавил: „... однако ведь Наджиб не вечен, не правда ли?“. Затем он насмешливо сказал: „Сколько времени они продержатся у власти, если мы уйдем из Афганистана? Наверное, часа два-три, не больше“. Кроме того, среди западных дипломатов в Кабуле распространяются слухи, что многие высокопоставленные кабульские коммунистические чиновники пытаются собрать крупные валютные суммы на тот случай, если придется бежать за границу. По другим слухам, чиновники афганского „ОВИРа“ требуют за визу на выезд взятку до 100 тысяч афгани. По третьим слухам, высшие кабульские партийные чиновники скупают золото, драгоценности и делают попытки завести счета в банках Запада.

А тот факт, что советские средства массовой информации стали описывать войну в Афганистане „четвертьправдиво“ или иногда даже полуправдиво, расценивается как подготовка советского населения к выводу войск. Также небезынтересно заявление замминистра иностранных дел СССР Рогачева на пресс-конференции в Москве в сентябре 1987 года: „Советский Союз намерен полностью вывести свои войска из Афганистана в ближайшем будущем“. К тому же, военные успехи афганских партизан в течение этого года как бы подтверждают, что советские вооруженные силы так же далеки от победы, как в декабре 1979 года, и что, следовательно, можно принять за чистую монету вышеуказанные предложения, слухи, заявления.

Тем не менее, вероятнее всего, „миролюбивая“ политика советского руководства в Афганистане является очередной ловушкой. История доказала, что советские руководители, начиная с Ленина, всегда их ставили, и не только национальным движениям. Ложные договоры, перемирия, амнистии, клятвенные заверения, коалиционные правительства настолько присущи коммунистической власти, что стали как бы органической частью ее борьбы за тотальную власть. На Западе некоторые печатные органы охарактеризовали советскую нынешнюю политику в Афганистане следующим образом: „Коммунистам, чтобы избавиться от союзников по коалиции, достаточно одного лишь поста министра внутренних дел“.

Зная это, афганское сопротивление решило бороться дальше, несмотря ни на какие обещания.

Вряд ли можно найти серьезные причины, которые могли бы побудить советское руководство вывести свои войска из Афганистана, если афганский режим после этого продолжится считанные, пусть не часы, а месяцы. Что может заставить советское руководство отказаться от советизации Афганистана, забыть о людских и материальных потерях, понесенных СССР за 8 лет войны?

Афганская война не мешает советскому руководству продолжать играть свою прежнюю роль на мировой арене, договариваться с США о разоружении; даже чисто дипломатически его потери ничтожны. Что же касается военного положения, то следует задать вопрос: почему США нужно было ждать 7 лет, прежде чем начать снабжать афганских партизан „Стингерами”? Можно, конечно, говорить о пакистанской осторожности, о волюнтаризме, свойственной Конгрессу США, однако можно также предположить, что американские зенитные ракеты „Стингер” и английские „Блоупайп” были переданы афганским партизанам лишь после того, как стала очевидной медленная, но верная победа 40-й армии. Это может подтвердить тот факт, что до получения „Стингеров” основные военные действия происходили на афгано-пакистанской границе с успехом для спецназа и ВВС СССР. Американская помощь лишь стабилизировала положение, спасла сопротивление от жестоких поражений, дала ему время отдышаться. Но не следует питать иллюзий: советизация Афганистана будет продолжаться, как и военные действия, даже если советское руководство решит перебросить с афганской земли большую часть 40-й армии. Будет продолжаться и давление на Пакистан.

Заставить советское руководство вывести войска из Афганистана могут только усилия советского гражданского общества в сочетании с решительными действиями высокоразвитых стран Запада.

Военные действия

В августе и сентябре 1987 года военные действия были более вялыми, чем в июне — июле, в течение которых 40-я армия понесла наибольшие за всю войну потери в живой си-

ле и технике. Успехи афганских партизан объясняются прежде всего наличием у них американских и английских зенитных ракет, а также лучшей (чем год назад) координацией действий между отрядами. Наибольшие потери понесли наши ВВС: до получения партизанами ракет они хозяйничали в афганском небе, ныне для них началась настоящая война, когда каждый боевой вылет может оказаться последним. Результат: командование решило резко сократить количество наступательных операций, в особенности на афгано-пакистанской границе.

В августе район Шомали был подвергнут длительному ракетно-артиллерийскому обстрелу. В ходе операции советские ВВС потеряли 4 самолета. В районе Май-Фурушан партизаны, обстреляв советскую базу, уничтожили 3 танка и подожгли склад боеприпасов. Сразу после прибытия генсека Наджиба в Герат 18 августа (инспекционная поездка) партизаны открыли по позициям советских и кабульских войск такой артиллерийский и минометный огонь, что Наджибу пришлось в тот же день вернуться в Кабул. В боях у городка Шакардар партизаны взяли в плен около 30 советских военнослужащих. Советское командование немедленно предложило обменять их на пленных партизан (приятная новость, поскольку до последнего времени наши пленные чаще всего бросались командованием на произвол судьбы). В сентябре имели место затяжные бои в провинции Баглан и в известной Панджшерской долине. В провинции Лагман 2 и 3 сентября советские ВВС бомбили ряд кишлаков напалмовыми бомбами. В провинции Парван были сбиты 3 МиГы. В провинции Кундуз шли упорные ночные бои за контроль над главным городом Кундузом. Советско-кабульским войскам удалось пока удержать город. На севере Афганистана погибли в результате взрыва бомбы 12 советских гражданских служащих и 7 местных правительственных чиновников.

Стало известно, что США начали снабжать афганских партизан современными минометами и 120-миллиметровыми минометами.

Фотокопируйте наиболее ценные, по Вашему мнению, статьи из „Посев а” и посылайте их по почте в Россию на любые адреса.

Не «двусторонняя» правда, а – единственная...

Ниже мы публикуем материал, полученный нами из России: два произведения Т. Ивницкой, под общим заголовком „Выполняя интернациональный долг“, написанные по рассказам участника афганской войны, недавно погибшего Андрея Наседкина. Вместо пролога к ним – отказ журнала „Юность“ публиковать эти рассказы, поскольку они „несостоятельны и политически, и нравственно“, и ответ однопольчанина Андрея Наседкина литконсультанту А. Богословскому, который они кончают словами: „Правду об Афганистане утаить не удастся!“.

Уважаемая Татьяна Николаевна!

Внимательно прочитали Ваши рассказы. Действительно, подошло время откровенной литературы об Афганистане. Степень откровенности, правды – неисчерпаема, но существует и другая ее сторона – голый, асоциальный натурализм. Конечно, можно взглянуть на любую войну, как на бессмысленное убийство, а в душмане увидеть молодого студента, любимица бабушки-матери. Но необходимо вспомнить и вереницы цинковых гробов, возвращающихся на родину, и тогда фраза: „Вот так жизнь свою отдаст – неизвестно кому и неизвестно за что и во имя чего“ – становится кощунственной. За что и во имя чего – мы знаем. Представьте на минуту: если бы во время Великой Отечественной войны появились рассказы, призывающие не убивать немцев, ибо у них есть матери! В этом отношении Ваши рассказы об Афганистане несостоятельны и политически, и нравственно. О обнаженный натурализм всегда является следствием неумения автора справиться с материалом иными, более сложными художественными средствами. Рекомендовать Вашу рукопись к публикации в журнале не представляется возможным.

С уважением

*Литконсультант А. Богословский
отдел рукописей журнала „Юность“*

Открытое письмо литконсультанту журнала „Юность“ А. Богословскому

Товарищ литконсультант!

Внимательно прочитали Ваш отзыв о рассказах Т. Ивницкой про наших ребят в Афганистане. Может быть, мы Вас неверно поняли, но из Ваших слов получается, будто существует две правды, или, как Вы пишете – „две ее стороны“ – социальная и асоциальная. Понятно: Вас, видимо, так учили на факультете журналистики. Но журналиста учился и наш друг и однопольчанин Андрей Наседкин, с которым вместе мы „выполняли интернациональный долг“ в Афганистане. Именно ему обязаны своим появлением эти рассказы. Он добровольно ушел воевать в Афганистан с четвертого курса, чтобы, как он сам говорил, „испытать себя на вшивость“, и испытал, как и все, кто там был, и действительно участвовал в боях. Их нетрудно узнать: они не любят об этом рассказывать, и не из скромности, а просто и так тяжело.

Впрочем, есть и другие, за два года не видевшие ни одного „духа“, зато очень любящие порассуждать об „интернациональной помощи“, „наймилах империализма“ и, конечно, о собственном героизме. Видимо, эти две стороны правды Вы и имеете в виду. Этим пустозвонам просто не удалось испытать себя, вот и лепят они то, чего от них ждут, ведь нельзя же признаться, что был там и ни разу не был в операции! А вот Андрей не хотел об этом писать, да и рассказывал неохотно, только близким друзьям. А талант рассказчика у него был поразительный: каждый рассказ – готовое произведение, и – только правда. Не какая-то „двусторонняя“, а единственная, которая только и может быть, и мы, его однопольчанине-десантники, готовы подтвердить, что все это было действительно так, и даже еще „натуралистичнее“, если Вам так нравится это слово.

Война – это не увеселительная прогулка с пивом и девочками, а – половина взвода, не возвращающаяся с каждой операции, искалеченные ребята, еще совсем мальчишки, кричащие от невыносимой боли раненые, гниды, „макаронники“, из укрытия стреляющие в тех, кто не выдержал и побежал назад, забитые сошедшими с ума алкоголиками и наркоманами психушки, животный ужас, когда кажется, что каждый снаряд летит прямо в тебя, и еще – жидкое дерьмо, текущее по ногам, и душающая вонь...

Те, кто там не был, должны знать именно эту – „голую“ правду, какой бы отвратительной она ни была. Может быть, так можно остановить эту бессмысленную бойню, этот позор, несмыслимый даже кровью наших ребят, превращенных в оружие убийства, ибо преступно навязывать свою волю другому народу, пусть и соседнему. Не помогут здесь ни напалм, ни химическое оружие, ни карательные акции против целых кишлаков. Ведь это только Вы и вам подобные – знают, за что и во имя чего, а мы – так и не поняли. Не знают этого и поседевшие раньше времени матери и жены. За что и во имя чего теряют они сыновей и мужей, или их Вы тоже обвините в политической и нравственной несостоятельности? Вот уж воистину кощунственно Ваше сравнение с Великой Отечественной! Неужели Вы не видите разницы между защитой своей родины и грязной и позорной борьбой за „сферы влияния“?

Ваш бессвязный и алогичный ответ, в котором Вы сообщаете о невозможности публикации рассказов Т. Ивницкой, не может не вызвать у нас возмущения. Ее огромная заслуга состоит в том, что она

точно записала рассказы нашего друга и однополчанина, который недавно трагически погиб, и решила послать их под своим именем в Ваш журнал. Ваш отказ воспринимается нами как оскорбление его памяти. Вы сами признаете, что подошло время „откровенной литературы об Афганистане“, и сами же боитесь этой откровенности. Что же касается „обнаженного натурализма“, который Вы считаете недостатком, тогда следует покритиковать за него Ремарка, Хемингуэя, Миллера и многих других всемирно известных авторов произведений о войне. „Сложные же художественные средства“ пусть будут на совести корреспондентов наших газет и журналов, которые пишут свои „репортажи из района

боевых действий“, не выходя из своего кабинета в Москве. А нам уж оставьте наш „голый асоциальный натурализм“: протезы, гноящиеся раны, слепоту и глухоту в результате контузий, ночные кошмары, чувство убийцы и душевную пустоту, которую не может заполнить Ваше псевдопатриотическое словоблудие.

То, что Вы отказались сделать рассказы Т. Ивницкой достоянием широкой общественности, дела не меняет! Их читают и будут читать люди, которым небезразлична судьба своей родины и своего народа. Правду об Афганистане утаить не удастся!

Однополчане Андрея Наседкина

Выполняя интернациональный долг

Т. ИВНИЦКАЯ

Посвящается памяти Андрея Н.

Сон

— Ты чего орешь?

Мишка толкнул меня в бок. В палатке было душно, даже не душно, а липко, как в парилке. Я лежал весь мокрый и никак не мог понять: проснулся я или нет?

— Чего орешь, говорю? — опять спросил Мишка и сжал мою руку.

Наши раскладушки стояли вплотную одна к другой. Он тряхнул меня за руку довольно сильно. И тогда я, вроде, проснулся.

— Сон приснился дурацкий, — ответил я шепотом. Мишка знал про этот сон, он вообще много про меня знал. Это иногда хорошо — можно ничего не объяснять. Руки у меня затекли и ноги, и все тело. Но особенно руки: кулаки были сжаты так, что пальцы онемели.

— Да ладно! — сказал Мишка мне в самое ухо. — Мне тоже мой „первый“ снится. — Он вздохнул. Мы помолчали. Мишка угадал.

Мне снился мой „первый“.

— Мишка, давай курнем, а? Ну, пару раз пыхнем? — нерешительно предложил я. Меня потихоньку начинало знобить. В такую-то жару! Умора. Мишка молча кивнул. Вот всегда так: знаю, что нельзя, а подбиваю Мишку к разной нездоровой ерунде, провоцирую. Я, конечно, пытаюсь „бороться со злом в себе“ и все такое прочее — „не рисковать здо-

ровьем“ как говорит наш прапор. Но сон этот чертов меня когда-нибудь доконает. Я себя за него ненавижу, но вот снится же! И наверное, будет сниться всю оставшуюся жизнь.

Мишка тем временем закурил и, разгоняя рукой дым, передал мне. Он молчал. Я тоже молчал. А о чем тут говорить? Сам же хотел себя „на вшивость проверить“, — вот и проверил! Зачем крайних искать?

Я пару-тройку раз затынулся и сломал „косяк“. Потом, вроде, начал высыхать и согреваться. Успокоился. Здоровье поправил. Ха! Противно, хоть застрелись. Нервный какой выискался, чувствительный. „Журналист“. „Москва“. Меня сразу так называли, командир отделения окрестил, и прилипла побрякуха. Я закрыл глаза и постарался расслабиться. Засыпать было страшно: случилось, что сон этот повторялся по два-три раза за ночь. Наверно, к этому никогда не привыкнешь.

Нас только тогда перебросили. Уже обученных, но еще необстрелянных. Все ужасно боялись и поэтому, наверное, делали вид самоуверенный, наглый даже, циничный. Феденко рассказывал идиотские анекдоты и всякую небывалую похабшину. Все хохотали до упаду, хотя вообще-то смешно никому не было. Это точно — кисло было и муторно. Мне кажется, я смеялся громче всех и бесконечно остро. Это у меня получается: я же — весельчак.

Мы стояли тогда в тени какого-то непонятно для чего предназначенного здания без крыши. Стояли „вольно“, т. е. в самых непринужденных позах, все наше отделение. Сержант Ляшко сидел на пустом ящике изпод японского пива и грыз ногти. Вроде был ослепительно яркий день, и все мы чего-то ждали. Но во сне день всегда был пасмурным ранним утром. И во сне я хорошо знал, что будет дальше.

Дальше привели их. Руки у них были связаны за спиной, и видок был, вообще говоря, довольно жалкий. Поверить в то, что эти мальчишки — враги, казалось невозможным, противоестественным. По-моему, все, кроме двух стариков, были наши ровесники. Откуда-то появился наш комвзвода и объяснил — что такое противник и как с ним следует поступать. И еще что-то говорил про контрреволюцию. И про тылы нашей державы, которые должны быть обеспечены. Не мы — так американцы со своими „крылатками“. Ну, прямо политзанятие устроил!

А они так и стояли кучками, со связанными руками, жалкие как воробьи. Особенно на одного я как-то сразу глаз положил, да и он все смотрел на меня и как-то заискиваяще улыбался. А может, казалось, не знаю.

Но я точно чувствовал с ним какую-то связь. Мне даже хотелось заговорить с ним, черт-те-что! Совершенно немислимо убедить себя, что это — „противник, который должен быть уничтожен“. А потом это началось: „пристрелка“, вроде экзамена. Их ставили по одному к стене этого idiotского здания без крыши, спиной к нам. Сержант, грызя ногти, выкрикивал фамилию. Названный выходил и стрелял в того, кто стоял у стенки. Это был, к сожалению, не кошмарный сон, — это была явь, и, хуже того, — приказ. Не знаю уж, что выражала моя физиономия, но когда дошла очередь до меня, сержант перестал на минуту грызть ногти, улыбнулся ехидно как-то и крикнул: „Ну, давай журналист!“ Я весь пошатнулся, вернее, внутри у меня что-то „отстегнулось“. Я понял, что сейчас должен буду убить безоружного парня со связанными руками, и почему-то — того самого парня, который с такой странной улыбкой смотрел мне в глаза. Убить. Неизвестно зачем и за что. Мне кажется, и он этого не понимал. Он так и не понял до самого конца.

Я вскинул автомат, я точно знал, что этого не может быть и не будет никогда. Никогда.

Никогда. Я должен, обязан был проснуться немедленно у себя дома, на Беговой, в Москве, в своей постели, со своей женой или без жены — черт же с ней! Но должен!

Я посмотрел своими серыми глазами в его бархатные черные маслянистые глаза. Он не понимал. Он так же как и я не мог понять, что вот этот белообрый парень в синем берете сейчас его убьет. Он тоже, наверное, думал, что проснется. Все это продолжалось один миг, может быть, долю секунды, но снилось потом целыми ночами. Наконец, до него дошло что-то, до этого парня, может быть, он понял слово „журналист“, не знаю, я увидел даже улыбку на его коричневом лице — верно, он подумал, что вышла ошибка, недоразумение, чушь собачья одним словом, и что сейчас все объяснится, и он сможет со мной познакомиться и даже пригласить к себе в гости, домой, и все будет хорошо...

Он точно поверил в это, потому что сделал ко мне шаг — он явно хотел сказать что-то. Я опустил ствол автомата и вздохнул почти облегченно.

В страшный сон меня вновь вернул окрик Ляшко:

— Эй, „Москва“! Заснул что ли?

Я опять вскинул автомат. Я перестал уже что-либо понимать.

— Товарищ гвардии сержант Ляшко! Разрешите ему развязать руки! — чужим пересошим языком, совсем не по-военному просил я.

... Сказился, „Журналист“?! Выполняй приказ! Шты-ком! А ну!

„Не надо, пожалуйста, не надо! Ляшко, сержант, миленький, не надо!“ — хотелось орать, кричать, ползать на коленях и целовать пыльные, со шнуровкой, полусапожки Ляшко американского образца. Но мой голос почему-то тихо сказал: „Есть выполнять приказ! Есть — штыком!“ Может быть, это было кому-то надо, может быть — я не знаю. Но мне опять снится его улыбка, его глаза, его голос со странным акцентом. Он так и не повернулся ко мне спиной.

— I am a student! I am twenty-one, you see? I am a journalist. Why so? Why? What for?! I am a student, I've got a mother!*

Конечно, нас учили. Нас долго учили убивать всеми возможными и невозможными

* Я — студент! Мне — двадцать один год, ты видишь? Я — журналист. Почему — так? Почему? За что?! Я — студент, у меня есть мать! — (англ.)

способами. Но я убил его только с шестого удара. Штык все время попадал в ребра, в грудину, в ключицу. Ему было очень больно, может быть, даже наверняка больнее, чем мне. Но штык никак не мог найти узкий просвет между четвертым и пятым ребром, он нашел его только с шестого раза.

Он остался лежать с удивленно распахнутыми глазами и прикрытым ртом, из которого узкой черной змейкой лилась кровь.

— Плохо, очень плохо! — заметил Ляшко.
— А еще отличник! Ну, ладно, сопли-то утри...
— И выкрикнул: — Красильников! Шты-ком!
— Потом хитро подмигнул мне: — Учись, студент! „Москва-а“!

Никаких соплей у меня не было. И никакой рвоты — тоже, я просто взял и убил человека. Может быть, убил очень хорошего человека, даже двух — и себя заодно. Журналиста, и того, и этого больше не было. Был солдат — механическая убивательная кукла.

Вот только сон дурацкий, черт бы его поддрал, остался. И во сне я почему-то всегда ору (Мишка говорит): „I am twenty-one! I am a student! You see? You see? You believe? !“*. Хотя мне через шесть дней исполнится, если не убью, двадцать два.

«Дорогой мой сын»

Я получил письмо и долго не мог понять: от кого? Подумал было, что вышла ошибка, но на конверте была написана моя конкретная фамилия, и в самом письме меня называли моим конкретным именем. Лишь дочитав до середины, я понял, наконец, кто его написал. Наверное, я малость свихнулся, когда понял, потому что его написала мне мишкина мать. Я не дочитал его даже, а пошел за палатку, туда, где была свалка из обгорелых кружек, банок из-под сгущенки и других консервов. Я сидел, смотрел на нашу огромную палатку и на другие такие же огромные палатки. Они были точно такого же цвета, как и пески этой чертовой пустыни Регистан. Странное совпадение. Хотя, какого дьявола, совпадений не бывает!

Видимо, я вспомнил Самарканд, где мы загуливали с отцом лет десять назад. Я был

тогда сопливым пацаном и ходил под стол пешком. Ну, это я, конечно, преувеличиваю, что под стол, но „регистан“ там был, точно помню. И медресе Улукбека было, и чайханы, и гнезда аистов на старых мечетях. Господи, какого черта я это вспоминаю! Сидя под боком палатки и любясь на свалку. Про всякие там перекасти поле и барханы, и „белое солнце пустыни“, и про жару под 60 цельсия мне думать надоело. Мне вообще надоело думать. Поэтому я курю чарс и вот сейчас (сейчас, сейчас, минуточку!) выну из нагрудного кармана небольшой шмат опиума и сожру. Горечь — не то слово, запить бы его. Интересно — вода еще осталась? Достая фляжку, определяю по звуку: что-то плещется — пара глотков или меньше. А здорово „цепляет“: глаза становятся горячими, а руки и ноги холодеют. Я ложусь на бок — в тень этой самой оранжевой палатки. На зубах скрипит песок. Смотрю на свои руки: руки — шоколадного цвета, а волосы выгорели и стали не золотистыми даже, как раньше, а совершенно белыми, наверное — поседел. Разве седеют волосы на руках и ногах? Надо спросить у взводного — он все знает. Чепуха какая в голову лезет! Регистан... Регист-АН-24... При чем тут АН-24? Старье... А-а, это — чарс... Сатрапы... Па-пы-пы... Папы у меня нет, мой папа попал под поезд. Так не бывает? Врете, бляди, бывает! Ему было тридцать два года.

Я начинаю смеяться, я не знаю, почему я смеюсь. Мне не хочется смеяться. Я просто всеми фибрами боюсь взводного. Он — отличный мужик... Почему же мне так смешно? Но при чем тут мой папа? А, вспомнил: нашему комвзвода тоже тридцать два.

Я достаю из кармана сложенный вчетверо листок бумаги и опять начинаю читать. Почему оно написано зелеными чернилами? Были же синие... Впрочем, просто на глазах они

становятся красными. Вот что я читаю: „Дорогой мой сын!“... Нет, опять — комок в горле! Опять — слезы. И сушняк. Зверский сушняк. Неужели опиум не „цепляет“? Я плачу, мне больно, я закрываю глаза и вижу красно-зеленое марево. Это — солнце. Это — цвет моих век: там, по маленьким капиллярам, течет кровь. Праздник Рамадан... Я — наркоман... Я — боец, точнее — профессиональный убийца. „Шурави-гитлеры“, так нас зовет мирное население, или — душманы. Их разве поймешь? Все они — на одно лицо.

* Мне — двадцать один! Я — студент! Ты видишь? Ты видишь? Ты веришь?! — (англ.).

Под закрытыми веками начинают мелькать картинки... „Дорогой мой сын“... Я вижу дорогу. По дороге движутся со страшным рычанием БМП. Я — наводчик-оператор, стрелок. Мы все — в красной пыли, это — глина. Мягкая, как пудра или мука. Мы перегоняем БМП из Кандагара. В первой едет Мишка. Я — во второй. В третьей — какой-то корреспондент какой-то газеты из Москвы. И там же — комзвезда Дзюба. И Летуновский с ними: он выставил свою доблестную полосатую грудь, автомат — наперевес, и лихо заломленный берет — шлемов он не признает. Ему скоро — домой, почти „дембель“. В первой БМП — Мишка, земляк. Почти, он — из Электростали. Я все про него знаю, и про его Ленку, и что он скоро станет отцом.

Я открываю глаза и хочу остановить это кино. Я его уже видел. Я не хочу больше. Я смотрю это кино уже полгода, хватит! Взгляд падает на ослепительно белый листок письма. Его написала мне Мишкина мать. Господи, она ведь ничего не знает! И не узнает... Но какая же это насмешка, какая ужасно жестокая ирония! „Дорогой мой сын“ — это я-то?

Сзади кто-то скрипит песком: „макаронник“ Ключков, прапор позорный. „Веревкин, опять здоровьем рискуешь?“ — говорит Ключков. Это он — мне. Мне очень хочется его „гасануть“, но лень, и притом — очень жарко. Я отвечаю довольно спокойно: „Так точно, гвардии „макаронник“, — рискую!“ И выпускаю дым куда-то вверх, эдак неприужденно, вроде и не ему в рожу, а так — в небо. В небо пустыни Регистан. Он что-то орет, я приоткрываю один глаз и смотрю на эту харю ламбровзовского убийцы. Мне опять делается ужасно смешно, ну просто нет сил, и встать нет никаких сил от смеха. А ему, скотине, почему-то очень хочется, чтобы я встал. Я зачем-то говорю ему: „Амор селератус, хабенди!“ или что-то в этом роде. Я просто умираю от его глупой физиономии. Он просто не знает, что мне на этот „амор“ ответить. Потом он, кажется, понимает, что орать бесполезно. Бесплатный номер. Его лицо явно не обезображено интеллектом, он действительно не понимает, что над ним смеются. Я опять затягиваюсь: глубоко, с удовольствием. На лике ламбровзовского убийцы запечатлена напряженная работа мысли. „Рискуешь здоровьем, Веревкин!“ — опять повторяет он и исчезает в воздухе, как старик Хоттабыч.

Я опять вижу перед собой белый треугольник письма, точнее — прямоугольник. Это невыносимо... Я опять закрываю глаза и слышу рев двигателей. Мишка со своими ребятами идет первым. Толибердиев, я и Остратюк — вторыми, Самойлов, Летуновский, корреспондент и Дзюба идут третьими.

У меня опять холодеют руки и к горлу подкатывает. Сердце, кажется, на мгновение перестает биться. Я вижу все, как в немом фильме, только — не черно-белом, а зелено-красном. Я вижу, как взрывается мишкина БМП. Дистанция — порядочная. Такая, что Толибердиев успевает резко затормозить, нас зверски заносит. Я выскакиваю. Я бегу. Бегу к Мишке, бегу, бегу... Но почему-то — стою на месте. Так часто бывает во сне. Бежит Самойлов, бежит корреспондент, бежит Дзюба, бежит Толибердиев. Вот только Летуновский лежит на обочине: на его героической груди медленно расплзается красное пятно. Кто-то говорит слово „осколок“. Берет лихо заломлен, соломенного цвета чуб медленно колышется. Ему же скоро домой, как же! Все вокруг медленно колышется. Я бегу. Кто-то вытаскивает Мишку, он почему-то — без ног. У Мишки нет ног. Он лежит на дороге, в красной пыли, и рядом с ним лежит еще что-то голубоватое, полупрозрачное, в красной луже. Мишка безумно смотрит по сторонам, я знаю, что он ищет меня.

— Я здесь! Мишка, Мишка, здесь, слышишь?! — ору я ему в ухо.

Я понимаю, что Мишка жив, но что он тоже, наверное, не слышит меня, как и я не слышу ничего. Потом я раздираю свой ИП и делаю Мишке укол. Потом я просто ложусь с ним рядом на дороге, а вокруг стоят какие-то ноги. Ноги в красной пыли. И я вижу, что это голубоватая, отливающая перламутром куча рядом с Мишкой тоже испачкана в пыли. Она становится разноцветной, в ней что-то движется, пульсирует и шевелится. Мне делается страшно. Очень страшно. Кажется, Мишка тоже понимает, что это — его кишки.

Он шевелит абсолютно белыми губами, он хочет мне что-то сказать: я прижимаюсь ухом к самому мишкиному рту: „Володка! — слышу шопот, как будто издали, из трубы вроде, — Володенька, — стреляй! Стреляй, стреляй в висок! Стреляй же, сука!“ И тут, мгновенно, я все понимаю и кричу: мое кино с замедленной съемкой кончилось. Я кричу во все пересохшее горло, сколько

хватает легких, просто кричу: „А-а-а!“. Выстрела я не слышу. Я падаю на Мишку, грудь на грудь, я выкрикиваю что-то истерично, не выпуская автомата и целясь во всех подряд. Я вижу, как бесформенная куча продолжает шевелиться. И тут я слышу щелчок затвора фотоаппарата.

Кто-то выбивает ногой у меня автомат, наверное, — вовремя. Потом — я не помню. Было очень жарко. Говорят — я бил корреспондента, меня оттаскивали, я бил ногами и все пытался раздавить упавший в пыль фотоаппарат. Даже Дзюбе въехал в челюсть пару раз. Истерики — это иногда бывает.

Через день я отправился сопровождать Мишку в Электросталь. Там его ждали мать, Ленка и новорожденный сын, тоже Мишка.

На этом кино кончается. Я врал матери, врал Ленке, я безобразно напился и плакал и врал, врал все время, боясь остановиться.

Ну, конечно, про бой, про чертей-душманов, про расцелованные пули, про взрывные волны, осколки и ночные прыжки. И про Мишкин какой-то невероятно геройский подвиг. Потому что *так было надо*. Им надо, я это точно знал.

И вот я получаю письмо. Я не могу на него ответить, хоть и знаю, что это плохо, потому что Мишка был один у матери, а она ведь только просит разрешить ей писать „Дорогой мой сын“. Но я так и не дочитал до конца это письмо. Не смог. Наверное, я малость свихнулся от этой жары, от этого чарса и опиума. Я бросил письмо в мусорную кучу из консервных банок и стал смотреть, как оно горит. У меня — классная американская зажигалка, я ее тогда еще, давно, на пересылке в Термезе выменял у Мишки на значок „100 прыжков“

1987 г.

● МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА

Вьетнам: груз и заноза

В. РЫБАКОВ

Экономический кошмар

Создание Вьетнамской империи на фоне просоветского социалистического хозяйствования, включая коллективизацию и индустриализацию, привели страну к экономическому кошмару, с которым может сравниться только наш период коллективизации или времена Культурной революции в Китае.

Во Вьетнаме — стране, благоприятный климат которой позволяет собирать три урожая в год, — хронический голод. По всей стране — карточная система столь суровая, что практически отказ властей выдать семье продовольственные карточки равносителен смертному приговору. Официально доход на душу населения составляет в настоящее время 130 долларов в год, что в 100^{раз} меньше, чем в США, и в 30 — чем в СССР. Кроме того, все попытки наладить промышленность только усугубили экономический кризис. Репрессии коммунистического режима и голод (дет-

ская смертность равна 200 на тысячу) заставили бежать из Вьетнама почти 3 миллиона человек, из которых около полумиллиона уже погибли в море, пытаясь на лодках, лодочках, даже плотах добраться до спасительных берегов какой-либо „капиталистической“ страны. Тем не менее, ежемесячно новые тысячи вьетнамцев пытаются покинуть „родину“, — это достаточно ярко подчеркивает катастрофу, постигшую вьетнамский народ.

Вьетнамский крах на советских плечах

Сколько стоил и стоит Вьетнам народам СССР? Стоит ли игра свеч? Действительно ли необходимо Советскому Союзу жертвовать нужными ему самому позарез миллиардами рублей, чтобы держать Вьетнам в зоне своего влияния?

Всесторонняя помощь СССР коммунистическому режиму Вьетнама началась еще до

объявления 2 сентября 1945 года Вьетнамской демократической республики и с годами все увеличивалась, пока не достигла во время войны между Севером и Югом колоссальной суммы в 10 миллионов рублей в день. После войны, спасая Вьетнам от полной экономической катастрофы, советским руководителям пришлось, вероятно, эту сумму увеличить, поскольку нужно было одновременно спасти вьетнамскую армию и вьетнамскую экономику (социалистический мир стоит дороже социалистической войны). Вьетнамский анекдот красочно описывает создавшееся положение: На очередную просьбу об экономической помощи Москва говорит: „Затяните ремни“. Вьетнамцы отвечают: „Шлите ремни!“

СССР тем более пришлось увеличить помощь Вьетнаму, так как с 1978 года Китай перестал оказывать последнему какую-либо поддержку, более того, старается, как указывалось выше, всячески его ослабить. Только помощь продовольствием и нефтью стоит СССР сотни миллионов рублей в год, что не может не отразиться на продовольственном состоянии советского населения и на экономическом положении всего СССР.

Официально СССР продает свою помощь Вьетнаму, чаще всего в кредит, и Вьетнам вынужден ежегодно выплачивать хотя бы проценты валютой или продовольствием (валютные резервы Вьетнама равны 100 млн. долл.), но на деле эти „выплаты“ настолько ничтожны по сравнению с огромными советскими субсидиями, что вьетнамцы говорят о советском „сутяжничестве“ с одной лишь целью: спасти в глазах мира миф о своей экономической независимости. Вьетнамские коммунисты, создав империю, знают, что ее существование целиком зависит от политики СССР, что не может не вызывать со стороны вьетнамского руководства злобы по отношению к советскому. Отношения между Вьетнамом и СССР — это нужно подчеркнуть — никогда не были радужными.

Только после резкого ухудшения вьетнамско-китайских отношений, в особенности после кровопролитных сражений между вьетнамскими и китайскими войсками в 1979 году, Вьетнам согласился стать, по сути дела, сателлитом СССР. Но вряд ли в Москве или в Ханое строят себе иллюзии — подчинение Вьетнама несомненно временное: логично предположить, что власть, желающая создать империю и создавшая ее, стремится и будет

стремиться к независимости по отношению и к СССР, и к Китаю. К тому же надо учитывать такой чрезвычайно важный фактор, как движение постаименистского Китая в настоящее время к „мирному сосуществованию“.

Китай, идущий на глубокие реформы своего тоталитарного строя с единственной целью преодолеть в кратчайший исторический срок гигантское экономико-военное отставание не только по отношению к высокоразвитым странам, но и к СССР, — всей своей политикой указывает на глубокое желание избежать пока серьезных конфликтов с СССР или с США, и только существование под боком Вьетнамской империи заставляет его вести по отношению в Вьетнаму агрессивную политику. Так, в начале января 1987 года китайские войска (силами всего одной дивизии) вновь вторглись на вьетнамскую территорию и после трех дней боев вернулись к себе.

Причин для нового военного столкновения несколько. Во-первых, в декабре 1986 года на VI съезде вьетнамской компартии не было принято решения дать автономии Камбодже и Лаосу. Во-вторых, хотя на съезде вьетнамской компартии глава советской делегации член Политбюро Лигачев обратился к вьетнамским руководителям с призывом уладить разногласия с Китаем путем переговоров, призыв был явно пропущен мимо ушей, — это не могло не вызвать в Пекине раздражения, как и уверенности, что нужно преподать вьетнамцам новый „урок“. В-третьих, китайцы решили после съезда вьетнамской компартии дать понять, что они не отказываются от своей агрессивной политики, пока Вьетнам не согласится сесть за стол переговоров.

Вьетнам, правда, пошел на VI съезде компартии по пути экономических реформ, начал „перестройку“, которую можно считать смелее советской и более робкой, нежели китайская (см. „И Вьетнам на пути реформ“. „Посев“ № 1, 1987), однако нет никакого сомнения, что Вьетнам еще долго будет висеть тяжким грузом на плечах СССР, и не только экономически, но и — политически, поскольку и СССР, и Китай в настоящее время стремятся (для спокойного проведения реформ) — к налаживанию длительного периода „мирного сосуществования“, а вьетнамская заноза не перестает им напоминать о былой вражде, не раз перераставшей в угрозу войны.

Не проценты с капитала, так капитал с процентов

В последнее время можно наблюдать повышенный интерес Советского Союза к экономическому и финансовому положению развивающихся стран третьего мира: Африки, Азии и Латинской Америки.

В советской прессе в ряде статей высказывается озабоченность обнищанием многих стран третьего мира, их растущей задолженностью и тенденцией к вооруженным конфликтам в этих регионах. Советские политические обозреватели умалчивают при этом, что в большинстве случаев обнищание и растущая задолженность наблюдаются в развивающихся странах, ставших в свое время, после национального освобождения, на путь создания социалистической экономики и социалистической политической системы. Огульно и бездоказательно в обнищании развивающихся стран обвиняют исключительно „мировую экономику и политический порядок, созданный и поддерживаемый империализмом”.

Одной из главных причин обнищания развивающихся стран третьего мира советские обозреватели называют милитаризацию этих стран и их участие в гонке вооружений. От читателей при этом сознательно скрывается тот факт, что Советский Союз и ряд других стран коммунистического мира в течение многих лет продавали оружие развивающимся странам и способствовали развитию тяжелой промышленности любой ценой, в частности, военной промышленности этих стран. В настоящее время в 30 развивающихся странах, в том числе в беднейших странах Африки, создана своя военная промышленность, в то время как миллионы людей в этих странах умирают от голода. По подсчетам специалистов, в 2000 году каждый третий доллар, расходуемый в мире на вооружение, будет приходиться на долю развивающихся стран.

Сама по себе озабоченность обнищанием, растущей государственной задолженностью и милитаризацией развивающихся стран правомерна, так как такое положение чревато политическими осложнениями и вооруженными конфликтами, но она лицемерна, когда выражается советскими политиками или советскими политическими коммен-

таторами, когда после, например, поставок советского вооружения в Ливию и Эфиопию и посылки советских военных специалистов в эти страны, вооруженные конфликты между Ливией и Чадом, а также между Эфиопией и Сомали приписываются „империалистической политике и гонке вооружения западных держав”.

Несмотря на все разговоры о разоружении, пока нет данных о прекращении поставок советского вооружения в обедневшие развивающиеся страны с их „взрывоопасной нищетой” („Известия”, 30.9.87).

Новая тенденция наблюдается со стороны Советского Союза в отношении „тяжелого бремени” („Красная звезда”, 15.9.87) государственной задолженности развивающихся стран. Во время своего вояжа по Латинской Америке, после переговоров с Шульцем, Шварцнадзе подчеркивал в своих выступлениях отрицательное влияние задолженности на экономическое развитие стран и давал разные „умные советы”, какой должна быть максимальная задолженность, чтобы она не мешала нормальному экономическому развитию этих стран, не поясняя, однако, каким образом это может быть достигнуто. Косвенное указание на новую советскую политику в отношении задолженности развивающихся стран сделал недавно Р. Кастро, заявив, что долг Кубы Советскому Союзу носит чисто „теоретический характер”.

Не исключено, что в рамках „нового мышления во внешней политике” Советский Союз объявит великодушно о своем отказе от процентов за свои кредиты ряду развивающихся стран. Советское правительство может пойти на такой шаг, вынуждая западные страны последовать своему примеру, тем более, что, во-первых, объем советских кредитов значительно меньше, чем сумма кредитов западных стран, и, во-вторых, потому что нет у нас в СССР ни политической оппозиции, ни свободного общественного мнения, которые могли бы воспротивиться такому разбазариванию государственных средств.

Г. Брудерер

Показания о преступлении

В начале июля этого года в лондонском Институте интернациональных дел (Institute of International Affairs) Давит Волде Гиоргис выступил с разоблачением скандального поведения марксистского правительства полковника Менгисту во время голода в Эфиопии в 1984-85 гг. Подобные разоблачения попадали в западную прессу и раньше, но показания Гиоргиса особенно важны, так как он бывший близкий соратник Менгисту и в середине 80-х годов заведовал в Эфиопии организацией помощи голодающим. С горькой иронией Гиоргис напоминает, что в 1974 году Менгисту пришел в власти благодаря недовольству, вызванному неумением феодального режима Негуса справиться с последствиями засухи и предотвратить голод, по масштабам значительно меньший, чем обрушившийся на страну спустя 10 лет. По словам Гиоргиса, в 1984-85 гг. в Эфиопии погибло свыше миллиона человек, остались 200.000 круглых сирот и 100.000 неизлечимых инвалидов; 450.000 бежало от голода в Судан.

Первые тревожные докладные записки Гиоргис передал Менгисту еще в мае 1983 года, когда весенние дожди обошли Эфиопию стороной. Несмотря на это, на трехдневной партийной конференции в июле 1983 г. вопрос о засухе поднят не был, и вся конференция была посвящена планированию празднования предстоящего десятилетия свержения Негуса и установления марксистской диктатуры. Кстати, на это празднование правительством полунищей страны был отпущено и истрачено 55 млн. долларов...

После повторной засухи в марте—мае 1984 года положение стало катастрофическим. Гиоргис обратился за помощью к послам западных и социалистических стран и в ООН. Однако его обращения не были рассмотрены с должным вниманием, по всей вероятности, потому, что сам Менгисту не придавал угрозе голода большого значения. Между тем на севере и в центре страны от голода уже умирали люди. За короткий срок каждодневное число смертей достигло 16-17 тысяч. Сотни тысяч людей двинулись в сторону менее засушливых областей и к городам. Гиоргис говорит, что примерно 60% из них гибло в пути. Менгисту же приказал находившиеся в распоряжении правительства скудные запасы

зерна направить на прокорм армии и населения столицы Аддис-Абебы с тем, чтобы ничто не помешало юбилейным торжествам.

А когда тысячные толпы голодающих приблизились к Аддис-Абебе, Менгисту послал им навстречу вооруженные заградительные отряды с тем, чтобы не допустить находившихся на грани смерти людей в праздничную столицу. Наконец осенью 1984 года в Эфиопию с помощью Гиоргиса, удалось проникнуть корреспондентам Би-Би-Си Мохаммеду Амину и Майклу Бюрку. Заснятые ими фильмы потрясли совесть мира. Из западных стран в Эфиопию потекли зерно, мука, сухое молоко, шерстяные одеяла, транспортные средства.

Через три дня после демонстрации на телевизионных экранах фильма Би-Би-Си Гиоргис прибыл в Лондон. Теперь он признаёт, что во время пресс-конференции говорил неправду, когда утверждал, что все свободные средства и все усилия направлены правительством Менгисту на борьбу с голодом.

На самом деле валютные резервы были растрачены на празднование десятилетия коммунистической власти, а усилия правительственных учреждений — направлены на то, чтобы чинить препятствия людям, участвовавшим в распределении поступающей с Запада помощи, и чернить западные частные благотворительные организации (число представителей которых достигло к тому времени в Эфиопии 59), обвиняя их в сотрудничестве с ЦРУ! Особенно старалось правительство Эфиопии закрыть доступ поступающему из западных стран продовольствию в Волло, Тигре и Эритрею: Менгисту надеялся голодом сломить сопротивление действующих в этих провинциях антикоммунистических повстанцев. Однако это ему не удалось, несмотря на военную и моральную поддержку со стороны СССР.

Разочаровавшийся в коммунизме Давит Волде Гиоргис порвал с правительством Эфиопии еще 1986 году, но только в июле этого года решился, наконец, выступить с публичными разоблачениями преступных действий своих бывших соратников.

Вооруженным силам КНР – 60 лет

В. РЫБАКОВ

В начале Второй гражданской войны в Китае (1927–1937) между коммунистической партией Китая (КПК) и китайской партией Гоминдан была создана коммунистами Красная армия, ставшая затем Народно-освободительной армией Китая (НОАК).

За 60 лет своего существования НОАК свои основные крупномасштабные операции провела не против иноземных войск на своей или на чужой территории, а против войск партии Гоминдан, своего бывшего союзника в Первой гражданской войне (1924–1927). А победу коммунистов в Третьей гражданской войне (1945–1949) предопределил тот факт, что после окончания Второй мировой войны Сталин приказал передать китайским коммунистам все захваченное у Квантунской японской армии вооружение и технику.

Во время оккупации части Китая японскими войсками (1931–1945) китайские коммунисты вели на оккупированной территории партизанскую войну, но основной целью КПК была не победа над японской армией (в то время одной из самых сильных в мире), а подготовка к Третьей гражданской войне и захват власти. Стоит напомнить, что к августу 1945 года японская сухопутная армия насчитывала 4600 тысяч человек, а ей было достаточно для захваченных территорий, в том числе китайских, всего 700 тысяч военнослужащих*, у которых к тому же не было на вооружении ни автоматов, ни противотанковых ружей, ни реактивной артиллерии.

После победы в гражданской войне в 1949 году и образования КНР вооруженные силы НОАК провели несколько операций, самой крупной из которых можно считать участие НОАК в неудачной попытке КНДР захватить Южную Корею (1950–1953). В этой войне против южнокорейских войск и войск ООН (в основном, американских) НОАК выставила несколько сот тысяч че-

ловек. Затем в 1962 году были довольно крупные военные столкновения на китайско-индийской границе, в результате которых к КНР отошли 36 тысяч кв. км индийской территории. К совсем незначительным конфликтам можно отнести советско-китайские столкновения на границе в течение 60-х годов. Последние военные действия НОАК (которые можно охарактеризовать как локальные) были на китайско-вьетнамской территории в конце 70-х и в середине 80-х годов. Во время войны во Вьетнаме китайцы оказывали вьетнамским коммунистам военно-техническую и продовольственную помощь, но НОАК непосредственно в войне не участвовала. В целом НОАК до последнего времени не отличалась своими боевыми качествами. Тому несколько причин.

1) При председателе Мао НОАК руководствовалась доктриной превосходства масс живой силы над боевой техникой. Проводился тезис о полном и беспрекословном подчинении военных партийному руководству во всех военных областях; партийное же руководство управляло армией, основываясь на собственном опыте гражданской войны. С военной точки зрения этот опыт был пригоден исключительно для гражданской войны в определенный исторический период.

В настоящее время в ходе проведения „четырех модернизаций“, в том числе и армии (четвертая модернизация), доктрина НОАК маоистского периода подвергается резкой критике. Например, вице-президент китайской Академии военных наук Цзян Си заявил:

„...Разработка тактики в будущей войне на основании опыта прошлых войн неизбежно ведет к застою военной мысли, к огромным потерям техники и живой силы. Нереалистично вести войну, опираясь на принципы прошлого“... „Мы должны выбирать из опыта иностранных армий военные идеи и мысли, полезные для модернизации нашей обороны“.

* Цифра спорная: например, маршал Василевский в своих мемуарах называет цифру в 1299 тысяч японских военнослужащих.

В одном из своих выступлений Цзян Сянь также напомнил, что китайское партийное руководство долго перенимало военную стратегию только у СССР; затем, после разрыва с советским руководством, варилось в собственном соку и только теперь (лучше поздно, чем никогда) китайские военные кадры получили разрешение забыть об искусственном делении военной науки на буржуазную и пролетарскую.

В настоящее время модернизация НОАК идет полным ходом. В 1987 году численность НОАК официально была сокращена с четырех до трех миллионов человек. Идет реорганизация системы управления войсками, расформирование ненужных соединений, омоложение офицерских кадров, расширяется сеть военных училищ и академий, увеличивается импорт образцов иностранной военной техники. Так называемые „полевые армии“ преобразованы в „группы армий“, территориальные войска раздроблены на 29 военных округов, страна — на 7 возможных театров военных действий. Правда, китайское пополнение как было, так и осталось гигантской и громоздкой организацией, насчитывающей около 20 миллионов человек. Но все чаще и чаще поговаривают в Пекине о необходимости сократить численность пополнения, поглощающего большой процент оборонного бюджета, хотя его боеготовность и боеготовность ниже всякой критики.

Низкое качество боевой техники

Самое слабое место НОАК — низкое качество его вооружения и техники. Она оснащена, примерно, 12 тысячами танков тридцатилетней давности, в основном Т-54, 5 тысячами самолетов, большинство из которых — модификации МиГ-17, МиГ-19 и небольшого количества МиГов-21 (все это вооружение было предоставлено КНР Советским Союзом в 50-х годах или сделано самим Китаем по советским образцам). Как было указано выше, КНР в настоящее время закупает на Западе партии вооружения, но — в весьма ограниченном количестве. Во-первых, потому что западное вооружение стоит дорого, а у КНР нет валюты, во-вторых, так как слишком большое количество западного вооружения в НОАК обусловило бы ее зависимость от западных боеприпасов и запчастей. Пока КНР не в состоянии перево-

оружить свои военные силы отечественной современной боевой техникой: военная промышленность страны находится на слишком для этого низком уровне. Остается одно: улучшать качество имеющегося вооружения и покупать на мировом рынке более или менее современное советское оружие, технологические процессы изготовления которого более привычны и просты, чем западные.

Три года назад весь мир облетели слухи о заключении между Израилем и Китаем тайного соглашения, по которому Израиль окажет Китаю военную поддержку на сумму, доходящую до 3 миллиардов долларов. Косвенным доказательством правдивости этих слухов было заявление 14 сентября 1984 года израильского премьер-министра Шимона Переса в Кнессете о том, что его правительство заинтересовано в установлении взаимовыгодных связей с „могущественным Китаем“. Через несколько дней после этого заявления израильское радио передало сообщение, что Израиль вновь открывает дипломатическое представительство в Гонконге (оно было закрыто по „финансовым причинам“ в 1977 году). Кроме того, логично, что власти КНР заинтересованы в военном сотрудничестве с Израилем, располагающим наиболее полной информацией на Западе о советском вооружении: израильская армия во время войн в 1967, 1973 и 1982 годах захватила огромное количество советского вооружения. В Израиле его тщательно изучают, так как советским вооружением снабжены все его арабские враги и, следовательно, от досконального его знания зависит победа и существование государства Израиль. И это прекрасно известно китайским властям.

Уже 1 октября 1984 года в Пекине во время военного парада по случаю 35-й годовщины образования КНР западные и советские специалисты отметили, что на некоторых танках были установлены орудия, прежде принадлежавшие Израилю. В 1986 году стало известно, что Израиль согласился за 100 миллионов долларов отремонтировать и слегка осовременить 9 тысяч китайских танков. Кроме того, Израиль стал поставлять КНР захваченные у арабов советские ракеты „воздух-воздух“, „поверхность-поверхность“, электронные системы слежения, бронебойные снаряды, противотанковые орудия, химическое оружие, радарные установки. Израильские инструкторы стали обучать китайских военных летчиков и офицеров ПВО. На-

конец, Израиль продал КНР 52 истребителя-бомбардировщика „Кфир“, летные и боевые качества которого превосходят в настоящее время лучшие советские истребители-бомбардировщики. Взамен КНР поставляет Израилу (кроме платы валютой) необходимые для самолетостроения металлы — ванадий, титан и тантал.

Реформы в НОАК приносят свои плоды, однако ясно, что НОАК еще далеко до Советской армии: сейчас советские вооруженные силы превосходят НОАК во всех отношениях, и по самым скромным подсчетам — и в том случае, если экономические реформы в КНР будут и впредь либеральнее „перестройки“ в СССР — НОАК потребуются не меньше 10-15 лет, чтобы приблизиться к уровню вооружения СА. Американские специалисты подсчитали, что даже для весьма умеренного переоснащения НОАК Китаю нужно до 8 тысяч средних современных танков, до 10 тысяч БМП, до 25 тысяч автомашин разных типов, до 6 тысяч ракет класса „воздух—воздух“, до 800 установок ракет класса „земля—воздух“, до 200 современных истребителей, до 300 современных истребителей-бомбардировщиков и т. д. (список огромный). Стоимость этого вооружения — не меньше 60 миллиардов долларов, которых у КНР нет. Так что у нашей страны впереди еще годы передышки до того времени, когда НОАК будет способна выдержать натиск СА на поле сражения.

Ядерные силы КНР

Если в области разработки и создания современных видов классического вооружения КНР сильно отставала и отстает от других больших государств планеты (кроме, в некоторой степени, Индии), то в области ядерного вооружения и средств его доставки отставание гораздо меньше, чем можно было бы предположить, в особенности учитывая маоистский период.

В течение десятилетий о слабости китайского ядерного оружия и об отсутствии упорства китайского руководства его совершенствовать как будто свидетельствовали подчеркнуто аграрный характер китайского коммунистического государства (исключая неудавшийся „большой скачок“) и крылатое изречение председателя Мао: „Атомная бомба — это бумажный тигр, которым аме-

риканские реакционеры пугают народ. Она выглядит ужасной, но в действительности это не так“.

На деле решение китайских коммунистов получить ядерное оружие любой ценой было принято сразу после захвата ими власти. Начиная с 1949 года, власти КНР не жалели сил и средств для привлечения к работе над разработкой атомного оружия специалистов из-за границы, в основном хуацяо (так называют иностранцев китайского происхождения). Когда, например, в середине 50-х годов в КНР оказался крупный американский специалист в области ракетостроения (и полковник ВВС США) Цянь Сюэсэнь, министр ВМС США заявил: „Он знает слишком много такого, что представляет ценность для США. Он в любом случае стоит пяти дивизий“. Только из США переехало в КНР около 100 специалистов-хуацяо, которые и составили костяк научной группы по созданию первой китайской атомной бомбы.

Известно, что больше 30 процентов военного бюджета КНР шло на создание ядерного оружия. В течение 50-х годов в Китае не без помощи СССР* была создана широкая система научных и опытно-конструкторских учреждений, подчиняющихся Академии наук КНР, 2-му министерству машиностроения (атомная промышленность), 7-му министерству машиностроения (ракетостроение), а также Академии военных наук. Всего на создание атомного оружия работало свыше 40 только НИИ.

В октябре 1964 года в районе озера Лобнор (Синьцзян-Уйгурский автономный район) прошло удачное испытание первое китайское ядерное устройство. В июне 1967 года была испытана первая термоядерная бомба. В октябре 1966 года была испытана китайская ракета, оснащенная 30-килотонной ядерной боеголовкой с дальностью до 650 километров.

В настоящее время у НОАК имеется на вооружении два типа межконтинентальных ракет дальностью действия до 13 тысяч км. Были проведены удачные испытания межконтинентальной ракеты „Дунфын-4“ с разделяющейся головной частью и индивидуальным наведением боеголовки. В 1981 году

* Правда, помощь СССР в этой области была невольной и носила общепромышленный характер. Ни Сталин, ни Хрущев не хотели, чтобы КНР стала ядерной державой.

был спущен на воду первый китайский подводный атомный ракетноноситель. Ныне проходит испытание атомная подводная лодка, „Да Циньгу“, оснащенная 16-ю баллистическими ракетами класса „Цзюй Лан“. Расширяются системы слежения и управления полетом ракет с центром в городе Сиань, создается специальный флот обеспечения испытаний, расширяется и усовершенствуется техническая база трех действующих ракетных полигонов в Учжай (провинция Шаньси), Цзиньчжоу (провинция Цзилинь) и Шуанчэнцзы (провинция Ганьсу). С полигона Шуанчэнцзы китайские ракеты класса „Великий поход“ доставили в октябре 1986 года два китайских спутника на геоцентрическую орбиту (36 тысяч км над экватором). В настоящее время „Великий поход“ способен вывести в космос грузы не тяжелее 1400 кг, но в самом ближайшем будущем КНР намерена увеличить грузоподъемность своих ракет до 2,5 тонн. Китайцы заявили, что за каждый выведенный в космос иностранный спутник они возьмут скромную плату порядка 20-25 миллионов долларов (что на 15 процентов дешевле, чем цены, предлагаемые западноевропейцами и американцами). К ним уже обратились такие заинтересованные страны как США, Великобритания, Швеция, Нидерланды и даже Индонезия, страны, которые были глухи к подобным советским предложениям.

СССР — потенциальный враг КНР

В год 60-летия НОАК, несмотря на потепление советско-китайских отношений (связанных с „перестройками“ в СССР и КНР), именно СССР остается для китайских вооруженных сил единственным потенциальным противником.

„Вечная и нерушимая“ дружба между СССР и КНР оборвалась еще в 1960 году, однако в 1978 году, во время очередных переговоров о пересмотре разграничения по рекам Амур и Уссури, делегации продолжали обвинять друг друга: одни — в „великоханском шовинизме“, другие — в „великорусском гегемонизме“. И хотя идеологический конфликт ныне утих, основная причина конфликта — китайские претензии на часть территории СССР — осталась. Следует напомнить, что советско-китайская граница тянется на 7 тысяч километров (от побережья Тихого океана до Памира) и что устанавлива-

лась она исторически айгунским, тяньцзиньским и пекинским договорами между Китаем и Российской империей. Китайское руководство и при Мао и ныне продолжает считать эти договоры „колониальными“ и „неравноправными“ и претендует на 1,5 миллиона кв. км советской территории. Если ныне демографический взрыв в КНР (численность населения которого уже перевалила за миллиард человек) представляет реальную опасность для дальнейшего существования государства, то легко представить, какой угрозой демографический рост станет через 10-20 лет. Очевидно, новые „жизненные пространства“ для КНР могут стать основной проблемой. Кроме того, руководители КНР считают, что юго-восточная Азия (и входящие в нее Вьетнам, Камбоджа и Лаос) находится в ее, а не в советской сфере влияния: вьетнамская же антикитайская политика всемерно поддерживается советским руководством.

КНР долго опасалась советского нападения или превентивного ядерного удара (или того и другого вместе). И именно поэтому китайское руководство отказалось подписать в 1973 году предложенный брежневским руководством договор о ненападении. Известно, что в те годы советское руководство серьезно обдумывало возможность нанесения, перед блицкригом, ядерного превентивного удара по КНР. В своей книге „Разрыв с Москвой“ Шевченко пишет, что рыным сторонником нападения на КНР был министр обороны СССР маршал Гречко. А в своих воспоминаниях бывший госсекретарь США Г. Киссинджер описывает, как в мае 1972 года Брежнев прямо у него спросил о возможной реакции США в случае военной акции против Китая.

Китайское руководство не без основания решило, что советские лидеры могут использовать договор о ненападении как предлог „законного“ нападения СССР на КНР: ведь в случае любого конфликта на границе можно было бы обвинить Китай в нарушении договора. С тех пор КНР регулярно отказывалась заключать с СССР договор о ненападении. Последний отказ был сформулирован в 1986 году.

Все эти факты и предположения показывают, что хотя ныне эра откровенной враждебности между СССР и КНР канула, казалось бы, в Лету, что в СССР разрабатывается широкая программа помощи КНР, которая включает строительство в Китае новых круп-

ных промышленных предприятий и восстановление старых заводов и что совсем недавно были подписаны долгосрочные торговые соглашения между обеими странами, которые приведут в 1990 году к товарообороту в шесть миллиардов долларов — объективно для Китая СССР был и остается основным потенциальным противником. И в свете

китайских реформ становится очевидным, что только глубокие реформы в самом СССР смогут способствовать в будущем удержанию СА на таком высоком техническом уровне, который сделает возможную агрессию КНР невозможной. Глубокие реформы, а не то подобие их, которое ныне с грехом пополам осуществляется в Советском Союзе.

● ВЛАСТЬ, ОБЩЕСТВО, ОППОЗИЦИЯ

Верхи не могут... низы не хотят...

И. СУХОТИН

*„Ошибки признавши, живи без печали.
Ударь себя в грудь, там будут медали”*

(Польская фраза 1956 г.).

*„После этого хозяина обесрут так, как
ни одного до него не обсирали”.*

*(Пророчество шофера московского
такси, 1987 г.)*

Любой „простой советский человек” знает эту „гениальную формулировку”, никогда Ленину не принадлежавшую. Знает, как закливание из сатанинской книги. Заставляли учить на всех ступенях советской политграмоты — от лекций в лагерной зоне до Московского университета. И на тебе! Нынче эта „гениальная формулировка” к нам подходит. Ну дальше некуда! Особенно верхи не могут... Боятся сохранять нынешнее положение в империи. Сколько об этом толковали, а вот и разразилось: не получается. И вот пытаются они снова (уже в который раз!) исправить экономику, навести хотя бы относительно порядок в империи и... продержаться, пережить трудные времена. Ну, суть проста. Отставать они стали в военном смысле, и заметно. Даже в прессе стали появляться весьма критические материалы. Технология никуда не годится. Крохотный Израиль создает удивительные новинки воен-

ной техники. Взять хотя бы ракету „Иерихон”. Она на 1400 км бьет в цель, как белку в глаз. А у нас — самолет пролетел над империей, сел на Красной площади у святини-мавзолея, да так никто и не увидел.

Отсюда, из явного отставания империи в военной технике проистекают и многие „миролюбивые инициативы”, попытки соглашений разного рода по разоружению. И даже разговоры о частичном разоружении. Значит не могут они находиться в постоянной, полной боеготовности. Они отстают заметно, и отставание всем видно стало.

Как же это преодолевать? Они хотят систему сделать хорошей. Или хотя бы улучшить. А это пустое дело. Систему можно ломать, разрушать, но изменить ее невозможно. Она так задумана была с самого начала, чтобы никто не покусился ее изменить.

Чего же хозяева могут конкретно добиться? Кой-чего смогут. Но сразу оговоримся (и знает это в СССР любой, от слесаря до министра) — только с помощью Запада. Теперь без его подмоги ничего уже не сделать. Даже валы (гребные винты) для бесшумных подводных лодок нам японцы „подбросили”.

Так вот, с помощью активного технократства и развитой легальной торговли с капиталистическими странами хозяева сумеют задержать надвигающуюся катастрофу и распад экономического аппарата империи. Но даже при самых благоприятных обстоятельствах они не смогут стабилизировать по-

Статья получена из России.

ложение и устранить в экономике угрозу распада. Задержать — не более! Все „величественные цели и задачи“ — болтовня.

Таковы реальные пределы перестройки. А если зайдет за пределы, то возможно не будет ни этого хозяина, ни перестройки, ни...

Экономическая „революция“ и ее хозяева

Нынешние потуги хозяев империи до известной степени напоминают культурную революцию. Логика культурной революции. То же самое — решительным броском улучшить социализм. Сделать этот самый социализм, наконец, хорошим, справедливым, подлинным. Но и здесь в СССР, в 1987 г., и в Китае, в 1966 г., цель конечная одна и та же — удержать власть. И здесь и там вызванные сверху события, процессы, организованные начальниками, выдаются за великие, эпохальные...

Китайцы по приказу Мао хотели достигнуть невероятных высот в экономике и сельском хозяйстве и сравняться „с проклятым и растленным Западом“ путем принудительного переселения в сельскую местность миллионов молодых людей из больших городов, путем привлечения к общественно-полезному труду широких масс нетрудового элемента: писателей, музыкантов, художников, путем уничтожения „культуры старого, буржуазного мира“. Так было в Китае 20 лет назад.

В СССР декорации другие. Не сходят со страниц газет слова — свобода, демократия, гласность. Все будет хорошо, всего будет много, будет демократия — непрерывно повторяют хозяева империи. И даже пару сотен политзэков выпустили, разрешают дельцам торговать свободно, кое-кому открыли дорогу за рубеж. Одним словом — полная советская демократия.

Внешне — наоборот, а по сути — очень похоже. И здесь и там отчаянные конвульсии в попытках догнать Запад, достать соперника, который уходит все дальше и дальше вперед, в совершенно неведомую и ослепительно прекрасную, манящую даль будущего.

Догнать и даже перегнать США грозились Ленин и Троцкий, Сталин, позднее Хрущев. Об этом, как и о „построении коммунизма“ к 1980 г., советские правители хранят стыдливое молчание, несмотря на полную гласность. Не вспоминают почему-то, как на весь мир клялись догнать США по всем видам

производства и особенно по сельскохозяйственной продукции.

Им всем, с Ленина, одна идея покоя не давала и мозг грызла — быть как там, на прекрасном, замечательном Западе. Проклинали мерзкую, лютую Русь за то, что не может быть хотя бы как Финляндия, а уж о замечательной Франции или Англии говорить не приходилось. Куда этим невежественным мужикам и попам до Европы! Сталин и иже с ним пытались разрешить эту „благородную задачу“ путем ликвидации десятков миллионов людей, прежде всего русских. Хрущев начал с разрушения уцелевших церквей и монастырей, а также с „освоения целинных земель“. Закончил же он, под занавес своей карьеры, первыми очень крупными закупками продовольствия за рубежом. А мечта, хотя бы сравняться с сияющим Западом, так и осталась недостижимой мечтой.

Горбачев пытается решить эту вечную задачу советской тирании иными методами. И уповает он на экономическое обновление и на лучшую организацию труда. Так старались все они, правители, ценою невероятных усилий „догнать Запад“, а на самом деле лишь бежали за ним, тянулись в хвосте. И сегодняшние советские владыки будут плестись за недостижимой колесницей западной цивилизации.

Несмотря на восхищения и восторги на Западе по поводу правления „тишайшего Горбачева“, два с половиной года, которые он находится у власти, озаменовались весьма крупными неприятностями для него и его „команды“.

Первый год его правления — страшная катастрофа Чернобыля, имевшая мировое значение. Заодно раскрывшая уровень управления на важнейших государственных объектах, халатность и страх перед тем, что „узнают“. Вот это и стоило множества человеческих жизней, отравления земли и поколения неполноценных детей, которые появятся на свет уже больными и нежизнеспособными.

Затем последовала неудачная попытка подписать соглашение с США в Рейкьявике, сильно подпортившая репутацию новоявленного миротворца Горбачева. Его противники внутри империи получили достаточную возможность начать против него пропаганду „шепотом“.

Уже под самый конец уходящего 1986 года случились крупные, организованные беспорядки в Алма-Ате. Вне сомнения, что к

ним причастны не только инационалы, но и другие силы, хотя корень случившегося лежит, конечно же, в национальных отношениях.

И случилось все это за 8 месяцев одного года.

Видимо, поэтому новый хозяин решил, что его надежда на наступлении. И сам пошел в атаку. Расправиться с таким противником, как Кунаев, было несложно. В империи о его преступлениях знает любой и каждый. Так что за Алма-Атинские беспорядки Горбачев быстро с ним рассчитался. Потом хозяин совершил не совсем ясный шаг: лично позвонил Сахарову и переговорил с ним. Опального академика мгновенно возвратили в Москву из Горького, и советский ученый мир немедленно принял его в свои ряды. Сахарову разрешили свободно общаться с иностранными корреспондентами. Он принял участие в грандиозном спектакле — Конгрессе миролюбивых сил. Там, по плану Горбачева, он, видимо, должен был выполнять роль главной приманки. Представление состоялось. Однако враги Горбачева получили сильный аргумент. И в решающую минуту они припомнят хозяину этот „политически ошибочный акт“, как это будет охарактеризовано в будущем.

Но этим дело не кончилось. В мае этого года произошло событие, удивившее мир. Молодой парнишка из ФРГ (19 лет) взял да и прилетел в гости к Горбачеву. Сел прямо в сердце СССР, у мавзолея. До сей поры есть те, кто убежден, что это „там Горбачеву помогли, самолетик послали, чтоб значить показать, что обороны-то у нас никакой нет, а дубов наших, маршалов, надо гнать в три шеи“. Как бы там ни было, но хозяин воспользовался свалившейся с неба удачей и погнал целый взвод маршалов и генералов. Эти старички тем более не одобряли „гласность“ и видимо строили козни. Горбачев повернул ход дела в свою пользу. Причем произошло все это перед самым июньским пленумом, на котором ему удалось провести в Политбюро своих людей, и тем еще более упрочить свои позиции.

*

Если верить всем речам многочисленных начальников, то у нас происходит новая, вторая революция. Именно так называют те изменения, которые происходили за послед-

ний год. Если при предыдущих „вождях и учителях“ съезды партии обычно именовались „историческими“ и „эпохальными“, то нынешние руководители перешеголяли всех, объявив себя новыми революционерами. Это очень серьезное дело. Последствия предсказать просто немислимо.

Пленум в январе по программам советского телевидения неоднократно именовался революционным. Этим новое руководство само себя загоняет в угол и не оставляет себе возможности для отхода. Или у них приготовлено что-то на случай неудач их реформ. И этот ход они держат про запас, в секрете, на самый крайний случай.

В своей речи на столь запоздавшем пленуме в январе генсек решительно провозглашает, что проводимые им и его „сподвижниками“ преобразования, получившие название Перестройки, имеют революционный характер. Он и далее пошел, провозгласив с „самой высокой трибуны в империи“ — „отступать нам некуда“. Столь драматическое заявление, произнесенное в мирное время, дает представление о том, что в действительности происходит в СССР и насколько сложна и взрывоопасна ситуация. Правы ли те, кто сегодня говорит, что империя близка к катастрофе и что за последние 50 лет дело обстояло хуже лишь осенью 1941 года?

Обращает внимание то, что Горбачев действует очень решительно. Смещает одних и сразу же собственной властью назначает других, несмотря на то, что по существующим в советской иерархии неписаным правилам, то или иное лицо не имеет права на такую высокую должность. Так было, например, с назначением ген. Язова министром обороны. Кроме него было несколько других „правомочных претендентов“, гораздо именитее и старше его по званию. Однако Горбачев выбрал его. Подобным же образом дело обстояло и с продвижением Ельцина на ключевую должность партийного начальника в Москве.

Это дает основания говорить о сходстве „стиля“ правления Сталина и Горбачева. Во всяком случае западные радиостанции на этом спекулируют, утверждают, что новый хозяин „делает партию для себя“, как некогда делал „вождь и друг народов“. Думаю, что подобное утверждение ошибочно. Разумеется, каждый новый правитель старается как-то изменить высший аппарат партийного руководства. Но для того, чтобы до-

стичь того, чего достиг Сталин, Горбачеву необходимо избавиться не от десятков или сотен тысяч, а от миллионов членов партии. Сталин разрешил эту проблему очень просто — он их уничтожил, истребил. И никто об этих старых партиях не пожалел. Откровенно ведь говорили — так им и надо. А ныне?

Нет, следует думать, что Горбачев не пойдет даже на массовое исключение из партии. Слишком рискованно. Партийное стадо останется нетронутым. Из него будут брать на заклятие и изгнание козлов отпущения, но и только.

Горбачев и его ближайшие сотрудники хотят „значительных хозяйственных преобразований”, — „экономической революции”, как говорят в передачах западного радио. Хороша экономическая революция, которую проводят из одного центра. „Централизованная революция”!

Ничего не решится Горбачев делать. Он аппаратчик по своей карьере, которой не в последнюю очередь обязан Андропову. Горбачев не станет идти на чрезмерный риск, если не наступят чрезвычайные обстоятельства. Но тогда уже никто ничего не знает...

Однако провал реформ Горбачева не обязательно будет означать его исчезновение. Его еще нужно будет сместить. А он скорее всего учел печальный опыт Хрущева и уже сделал кое-какие приготовления. Министр обороны Язов лично ему обязан постом в обход других, куда более заслуженных, соискателей. Несомненно, Горбачев будет стараться сместить Чебрикова и посадить своего председателя КГБ. „И если Горбачеву удастся эта замена, то его смещение станет весьма проблематичным. И может, прав окажется „красный миллиардер” из Франции, Ж. Батист Думенг, член ЦК ФКП, при жизни говоривавший, что Горбачев пересидит полдесяток американских президентов. Этот французский сталинист давно знал нынешнего хозяина, еще в конце 60-х годов, когда Горбачев знакомился с французским капитализмом. Ж. Б. Думенг был его гидом, да и после они встречались не раз, генсек и этот миллиардер-революционер.

Но если нынешний генсек исчезнет и потуги перестройки прекратятся, то положение может стать еще более трудным, чем после ухода Брежнева и его мафии, полностью развивавших все, даже, по-видимому, военную промышленность.

Много лет назад, читая книгу американского специалиста по СССР Далина, автор был поражен, что этот известный советолог с нескрываемым восхищением писал об... Андропове. Называл его высококультурным, образованным человеком. Думаю, что нет смысла ныне вспоминать о „гуманизме”, „культуре” и даже „склонности председателю КГБ к западному образу жизни”. Уже к моменту написания труда Далина Андропова хорошо знали и помнили в Венгрии, где он оставил по себе страшную память в далеком 1956 году. С тех пор многое произошло, в том числе и попытка ликвидировать Папу. Но и без этого было очевидно, кто такой Андропов. Автор считал и считает его стержнем советского режима в тогдашнем брежневском составе.

Ныне повторится то же самое, но только с Яковлевым, членом Политбюро. Он известен на Западе, в США и Канаде, говорит по-английски и, по-видимому, поэтому произвел на западную политическую элиту самое благоприятное впечатление. Андропов стихиками баловался, Яковлев книги пописывает. Уровнем следовательно повыше, чем бывший главный чекист. Но Яковлев вне сомнения — главная опора и идеолог нынешнего советского режима.

В одной передаче из Франции читали выдержки из такой солидной газеты как „Монд”, где утверждалось, что все демократы, хорошие значит, опираются на Яковлева, противники же Перестройки, славянофилы и прочие, напротив, „базируются” на Лигачева. Просто и хорошо. Знает „Монд” все о нынешних советских вождах и даже о том, кто и как их, вождей, поддерживает. Итак, славянофилы и сталинисты за Лигачева, а добрые и демократы за Яковлева. Бред какой-то!

В связи с подобной ерундой вспоминается, что многие в 1929 г. радовались, что Сталин брал верх над Бухариным и его сторонниками. Интернационалист (это Сталин) над националистом (это Бухарин). Авторханов в „Технологии власти” тоже об этом писал. Он это лично наблюдал. Все они одной кровью мазаны. Нашей!

Нет, старова тов. Лигачев, чтобы в такой обстановке власть получить, не подходит, хотя сегодня он безусловно № 2 в советской иерархии.

Но есть другая фигура, почти сверстник Горбачева. Это Рыжков. Вот он „смотрится”.

Значительно слова произносит, без дела не лезет никуда. Однако и вид и жесты убеждают. И все вроде в прошлом хорошо, никаких проблем личного плана, как любят теперь в империи говорить. Многие думают, что он первый претендент на кресло генсека. И мы его так назовем — претендент. Получится ли у него это, конечно, неизвестно.

Еще об одном — тов. Волкогонове. А стоит сказать. Его появление на вершине советской иерархии неожиданно. Он числится в СССР военным интеллектуалом. Написал книгу „Маоизм: угроза войны“. Работа эта — обычное советское пропагандистское издание, но все же отличается решительным выводом об опасности, которую представляет Китай всему миру (стр. 237), отличается и более резкой и понятной для советских обывателей критикой китайского коммунизма. Особенно когда он пишет о массовом бегстве людей из Китая после прихода к власти коммунистов. Это щекотливый вопрос, и в то время (книга издана в 1981 г.) в идеологической работе его не слишком касались, потому что сопоставления уж очень напрашиваются. А Волкогонов и в публичных лекциях этот вопрос постоянно затрагивал. Мол бегут люди из „аскетического маоистского рая“. Видимо, он является сторонником решительных действий против Китая.

Вообще Волкогонов говорит несколько больше, чем положено генерал-полковнику. В марте этого года он резко выступал против тех советских журналистов, „которые соскальзывают с классовых позиций“. Он их обвинял в злоупотреблении гласностью, в приспособленчестве. Он несомненно представляется интересным среди советских руководителей.

Дела военные

Уже сказано, что многие „миролюбивые действия советских руководителей на международной арене“ объясняются резким ухудшением качества советского вооружения, его устарелостью по сравнению с западным или даже с японским. А это связано с общей слабостью советской науки и техники, поэтому отставание становится ныне угрожающим.

Еще во время Шестидневной войны в Синайской пустыне появились первые сообщения западных газет о слабости советской военной техники, в особенности танков. У

нас тогда говорили, что во всем виноваты египтяне — не умели со сложным современным оборудованием обращаться. Однако позднее, в семидесятых годах, стали поступать сообщения из Сирии, где наши клиенты в воздушных столкновениях теряли до 18 МиГов на один израильский самолет. Советские самолеты сбивали как „консервные банки“. Тогда это вызвало напряжение в советско-сирийских отношениях, и сирийцы начали требовать более современную технику.

Во время вторжения Израиля в Ливан в 1982 г. стало очевидно, что СССР отстал не только от США, но даже от Израиля. Израильяне применяли ракеты-ловушки, создающие ложную цель, вакуумные бомбы, о которых наши клиенты и понятия не имели. Сирийцы выпустили около 5 тысяч советских ракет („Стрела-2“) по израильским самолетам, а сбили всего 4 самолета. А индусы отказались от советской системы дальнего обнаружения типа АВАКС и стали разрабатывать свою собственную систему. Дальше уж и некуда. Индусы нас обогнали в сложнейших видах вооружения?!

Следующий конфуз произошел на глазах всего мира, когда в 1986 г. американцы совершили налет на Ливию и бомбили ливийские базы и города. Ни один американский самолет не был сбит! Это вызвало в Ливии крайнее недовольство советской военной техникой, ибо вся противовоздушная оборона страны была организована советскими специалистами. Расследование обстоятельств этого позора ливийцы поручили югославам. А в советских правительственных кругах все равно во всем винили ленивых и праздных арабов, которые спали на дежурстве и не заметили подходивших армий бомбардировщиков.

Однако уже в январе 1987 г. французы нанесли удары Миражами по ливийским позициям на севере Чада и опять ушли почти без потерь. А ведь у ливийских войск в Чаде были советские РЛС и самолеты, которые ничего не могли сделать. Дальше — еще хуже. Войска прозападного режима в Чаде сумели выманить ливийские танки советского производства из форта Вади-Дум в пустыню и там, применив ракеты типа „Милан“, уничтожили всю танковую армию.

Что там пустыня Чад, когда „наши гении“ свою-то страну защитить не могут! Мальчик пролетел над нашей страной и сел на Красной

площади. Рядом с Министерством обороны СССР.

Отставание советской военной машины уже давно вызывало трения между Политбюро и маршалами. Последние требовали все больше и больше средств на развитие техники, а хозяева уже не могли выделить требуемое и сама промышленная база отстала. Теперь это признали. Но не только в отставании техники заключена проблема слабости экономики империи, но и в положении рабочих и инженеров, а они не заинтересованы в улучшении труда, в повышении качества, ибо платят им смехотворно мало, а об уровне жизни и говорить не приходится. Вот где корни настоящего положения... Но вернемся к военным.

Советские вожди всегда побаивались военных и от наиболее способных старались избавиться любимыми методами. Сталин приказал убить знаменитого Фрунзе во время операции, которая не была нужна. Все исполнил хирург. Фрунзе перед этим помог Сталину избавиться от „мотора революции”, от Троцкого. Вне всякого сомнения, военные что-то затевали против „вождя народов” и в 1936 г., да не смогли все скрытно совершить. Вождь их упредил.

Хрущев в октябре 1957 г., воспользовавшись тем, что знаменитый Жуков отсутствовал в Москве, легко и без особого шума сместил и отправил его в отставку. Да еще пытался отобрать у него дом в пригороде Москвы, где жил Жуков. И это у народного героя, гарцевавшего на белой лошадке в день парада по поводу победы. Детей в школе заставляют учить его биографию... и на тебе! Незаконно занимает жилплощадь! А Жуков перед этим помог Хрущеву избавиться от опаснейших противников — Молотова, Кагановича, Маленкова и др.

Вот такими и были отношения между партийным руководством и армией, точнее сказать маршалами, которые каждый праздник занимали ровно полтрибуны на мавзолее. Занимали до 7 ноября 1986 г., когда обнаружилось, что их вдруг очень потеснили: для военных на трибуне нашлось всего... три места. Всю остальную территорию заняли партийные руководители. Это удивило многих выдавших виды советских граждан. Можно предположить, что разыграно все было для западных наблюдателей, дабы лишний раз подчеркнуть „миролюбивый курс” нового руководства.

Итак, каждый раз без особых усилий партия берет верх над армией. Несмотря на это, очень многие в Москве перед приходом к власти Горбачева открыто говорили, что лучше военные взяли бы все в свои руки и навели хоть какой-нибудь порядок. Об этом особенно много говорили, когда грызня внутри ЦК к концу весьма короткого правления тов. Черненко резко усилилась.

Это пока разговоры. Военные несколько подмочили свою репутацию: никак не могут справиться с „бандами душманов” и ведут против них войну в два раза дольше, чем мы вели войну с немцами в 1941—45 гг. Сегодня нет политической проблемы в СССР, которая не была бы тесно связана с Афганской войной.

Афганская война

Афганскую войну начали при Брежневле. Скорее всего по его личному решению. Он оставил ее в наследство трем генсекам. В Афганистане убито или превращено в инвалидов около одного миллиона афганцев. Около 5 миллионов бежало со своей Родины. Там же пало около 15 тысяч советских солдат и офицеров.

Увязнув в „маленькой войне”, советские руководители не могут из нее выбраться. Это их позорит, унижает, вызывает к ним презрение даже внутри страны. Афганская война стала влиять на настроение населения мусульманских окраин. Дело дошло до того, что афганцы переходят границу, нападают на советские заставы и даже распространяют листовки на территории СССР. Именно эти действия тревожат советское руководство больше, чем потери танков и самолетов в афганских горах.

Дело вовсе не в том, как уйти из Афганистана. Ныне кое-кто так полагает. Дело в том, как в нем остаться. Если уж коммунисты готовы пригласить из эмиграции короля Афганистана и вернуть ему „королевскую должность” (как выразился один лектор), то их дела очень плохи. Так плохи, что монарх вряд ли решится связать с ними свою судьбу.

Полный крах в Афганистане и уход из него вызовут в империи события, которые (пусть не сразу) поведут к свержению нынешних правителей империи. Всем станет ясно, что басурмане взяли верх над „непобедимой Советской армией”. Отвод войск из

Афганистана означает поражение, разгром. Какое ликование это вызовет в мусульманских республиках, какую надежду! „Аллах помог сокрушить неверных, может быть, он поможет и нам”. Нет, на это советское руководство не может пойти.

Вся нынешняя кампания „национального примирения” — лишь попытка затянуть время. Особенно, когда стало ясно, что военное решение не удалось. Ранее советское руководство пыталось решить афганскую проблему старым колониальным способом: вызывать восстание племен, враждебных своему врагу. Но восстание пограничных племен в Пакистане, организованное советской агентурой, пока ничего не дало.

После того как Горбачев укрепил свое положение, он решился провести какое-то замещение в Афганистане. Создать нечто вроде коалиционного правительства типа „Чехословацкого варианта” до 1948 г. Потом можно решить дело, как и „решили” в 1948 г. Сейчас бы лишь утихомирить... Однако эти афганцы, видимо, не „восточные демократы”: они на такую приманку не попались.

Американские ракеты „Стингер” разят советские самолеты и вертолеты. Утверждают, что с середины октября 1986 г. до середины февраля 1987 г. было сбито 46 самолетов и вертолетов. Пока у Советской армии нет ответа на „Стингер”. И активность авиации в Афганистане резко снизилась. По утверждениям всех западных свидетелей, Советская армия лишилась главного преимущества — господства в воздухе — и не может воевать как раньше. Это тоже вынуждает советское руководство скорее найти какое-нибудь приемлемое для себя решение Афганской войны. В июне-июле этого года положение даже ухудшилось. Западные корреспонденты у афганских партизан утверждают, что теперь советские потери составляют один вертолет или самолет в день. А если американцы начнут поставлять партизанам больше ракет „Стингер”? Советская военная машина не может себе позволить такие потери. Война стала очень дорогой.

Да если бы они победили в этой „маленькой войне”, то тогда не сложилась бы такая опасная для них ситуация. Но победы нет... А обстановка внутри страны непрерывно меняется. И никто не может сказать, каково будет положение даже через год.

За восемь лет войны советское руководство не посмело нанести решающий удар сво-

ему, ставшему столь опасным противнику — напасть на базу афганских партизан, на лагерь на территории Пакистана и Ирана. Только в этом случае они могли уменьшить силу повстанцев, разгромив их базы, изгнав оттуда беженцев, истребив активную часть сопротивления. Так они действовали всегда на протяжении 70 лет их владычества.

После того как попытка нанести удары по базам партизан чужими руками (т. е. сраиванием племен) не удалась, они перешли к тактике „комариных укусов”. Пытаются уничтожать отдельных наиболее опасных для них руководителей и координаторов (модное ныне словечко) партизан. Стали чаще организовывать взрывы в городах Пакистана, нередко весьма отдаленных от пограничных районов. Афганские повстанцы твердо убеждены, что все эти террористические акты организованы коммунистами.

Даже если советское руководство в два раза увеличит свой экспедиционный корпус и доведет его численность до 250 тыс., то и тогда победы не добьются. Единственное, что в этом трудном положении оно может предпринять в расчете на успех, — нанести решительный удар по базам и в Иране, и в Пакистане. Совершить операцию, сходную с действиями Израиля против Ливана. Вступление на территорию страны крупными силами; до этого — высадка десанта и операция по уничтожению средств ПВО. Потери были бы большими, так как налетам советской авиации противостояли бы не только партизаны со „Стингерами” — которых все равно не удалось бы уничтожить никакими налетами, — но и достаточно боеспособная пакистанская авиация.

Афганскую проблему вероятно можно разрешить войной с полным разгромом Пакистана. Но сделать это можно только с участием Индии, с которой у советских руководителей есть официальный договор о дружбе 1971 г. Советский Союз может выступать только как союзник Индии. Разгром Пакистана и присоединение части его территории лежит в интересах Индии и Афганского марионеточного режима. Пакистан об этом знает и в отчаянии стремится создать свою А-бомбу.

Но Индия находится в сложном положении из-за сикхской проблемы. Сикхи готовы создать свое государство. Для Индии разрешение и этой проблемы может лежать в войне с Пакистаном, который она обвиняет в

подстрекательстве сикхских сепаратистов. Сообщения о концентрации индийских войск и авиации в пограничных с Пакистаном районах лишь усиливают худшие подозрения Пакистана.

В этот узел завязан и Иран, поддерживающий афганских партизан и ведущий многолетнюю тяжелую борьбу с Ираком, вооружение которого на 80 процентов поставляется из СССР.

Иранский вопрос

Подлинная причина вторжения в Афганистан пока неизвестна.

Например, говорят, что Брежнев и его подручные решили вторгнуться в Афганистан из-за боязни американского влияния в этой стране. Опасались, что американцы после национально-религиозной революции в Иране займут Афганистан. Американцы же утверждали, что у Брежнева еще в 1980 г. были планы вторжения в Иран. Для этой цели была даже создана ударная группа войск. Американцы сумели вычислить ее при помощи радиоперехватов.

Индийские специалисты считают, что Иран снова должен занять место в геополитической стратегии США. Действительно, американцы старались наладить отношения с Ираном. Поставки ему запчастей для самолетов и некоторого количества вооружения (например, через турок) доказывают это. В ноябре 1986 г. Хантер, зам. директора ближневосточного проекта Центра стратегических и международных исследований при Джорджтаунском университете (Вашингтон), писал в газете „Крисчен сайенс монитор“: „Недавние контакты с Ираном наводят на мысль, что американцы и иранцы сломали психологический барьер, мешавший им иметь дело друг с другом... Поворот Ирана в сторону СССР стал бы крупной стратегической потерей для США”

Летом 1987 г. положение драматически осложнилось. Американцы начали конвоировать танкеры с нефтью по Персидскому заливу. Сделано это было по просьбе правительства Кувейта. Затем произошло событие, вызвавшее кризис. Иракский самолет, вроде как по ошибке, атаковал американский боевой корабль. Действительно ли случайно это было сделано? В СССР многие считают, что Ирак сделал это уммышленно и даже по чьему-то совету. Но кому был нужен повод для

нападения на Иран? Тому, вероятно, кто очень боится, что религиозное возрождение в Иране повлияет на быстро растущее население советской Средней Азии.

Обстановка продолжала обостряться: Франция разорвала дипломатические отношения с Ираном, ухудшились отношения Ирана с Англией. Дело перешло в ООН. Страх перед возможной ядерной войной объединил всех. Совет безопасности удивил редким единодушием. Но советское руководство действует очень осторожно и даже намекает на возможность улучшения отношений с Ираном. Однако в советской прессе и в телевидении отношение к Ирану вырабатывается отрицательное. Прямо нигде не говорится, что Иран плохой. Скорее идет создание антииранского настроения. Совершенно не упоминается о том, что Ирак напал на Иран и является безусловным агрессором. Тогда, следовательно, по советским правилам, Иран ведет освободительную, справедливую войну против агрессора.

Безусловно для советских руководителей Иран враждебен, ибо он поддерживает афганских партизан. И если в результате нынешнего кризиса США решатся высадить войска на территории Ирана, то советское руководство охотно участвовало бы в совместной акции против Ирана и ввело бы на его территорию свои войска, даже в самых ограниченных размерах, лишь бы нанести удар по лагерям и базам афганских беженцев.

Советские войска уже стояли в северном Иране в 1941—45 гг. Их туда пригласили западные демократии. Ушли же они оттуда с большим трудом и только после настоятельных напоминаний союзников. Да и то пытались там организовать марионеточное правительство. Об Иране Молотов вел переговоры с Гитлером в ноябре 1940 г. в Берлине. Делили тогда шкуру еще не убитого британского льва. Стоит напомнить и о том, что законное правительство Российской империи получило от правительства Великобритании полное согласие на преобладающее влияние в Северном Иране во время Первой мировой войны. Признано это было и правительством Франции. С 1915 г. и до февраля 1917 г. это неоднократно подтверждалось обоими союзниками России.

Китай, видимо, видит возможные последствия конфликта в Иране и поэтому призывает Иран прекратить войну с Ираком, чтобы предотвратить вторжение СССР и США в

Иран. А вдруг сверхдержавы договорятся и полюбовно разделят „добычу“?

Но может быть, Иран спровоцирует войну? После августовских событий в г. Мекке, где были убиты сотни иранских паломников, по всей стране прошли невиданные демонстрации в поддержку мусульманских руководителей, а Хомейни начал говорить о возможном использовании камикадзе против США и Саудовской Аравии.

Впрочем, любая война в Иране с участием США и СССР неизбежно приведет к расширению плацдарма. В нее будут втянуты и сверхдержавы, и Индия, и Пакистан.

Война и без того медленно и неуклонно расплзается... Афганистан, нападение Ирака на Иран, гражданская война на Шри-Ланке, в которой уже участвует Индия. Мир вдруг обнаружил себя на пороге всеобщей войны, исход которой никто не может предсказать.

Вот такова международная обстановка в год „великих преобразований и реформ“.

„На внутреннем фронте“

На „внутреннем фронте“ идет „война“ за урожай и за повышение производительности труда в сельском хозяйстве. „Войну“ эту ведет без всякого успеха вот уже скоро 70 лет. Никогда ни одна страна не ввозила продовольствие в таких колоссальных размерах как советская империя. Некоторые полагают, что положение настолько плохое и позорное, что правители могут решиться на возврат земли крестьянам. В принципе это возможно.

Горбачев 5 августа, на встрече с колхозниками в Подмоскowie (встречу, естественно, показывали по телевидению), сказал о такой возможности. „А если вам все передать, товарищи?“, спросил он одну семью, взявшую семейный подряд в колхозе. Речь шла о земле и о технике. Об этом уже сравнительно давно поговаривают в Москве. Мол, надо постепенно, без особого шума все вернуть тем, кто на земле работает.

Сначала убили 30 миллионов русских крестьян, а теперь вот „вернуть“. Надо еще, чтобы мужик взял землю! Взял обратно то, что было отнято часто вместе с жизнью.

Да и когда они еще на это решатся? Пока это, как обычно, болтовня.

В этом же выступлении Горбачев азартно обсуждал вместе с „народом“ (говорил-то

преимущественно он) проблему нехватки... сахара. Его все труднее и труднее доставать в небольших городах, численностью до 200 тысяч душ, не говоря уж о сельских районах. Горбачев утверждал, что, мол, мы много сахара потребляем. А это вредно. В Европе всего по 34-35 кг на душу потребляют, а у нас по 44 кг. „Пора это кончать, товарищи. Никакого сахара на вас, дорогие товарищи, не хватит. Мы, дорогие товарищи, знаем, куда сахар девается! На самогонку перевозите!“ — красочно говорил товарищ Горбачев.

Во многих городах автор наблюдал одну и ту же картину — бесконечные очереди за сахаром. Там, где несколько лет назад он выдавался свободно, теперь, отстояв два-три часа, получишь „в одни руки“ 5 кг. Это предел. Вот и решение продовольственной программы. Рассуждение о том, что варят мол проклятую самогонку, верно лишь отчасти. Много сахара стало уходить на варку варенья и повидла. Импортные джемы не достать, а отечественные столь низкого качества, что их есть небезопасно. Вот и стало расти количество потребляемого сахара. И как всегда советская система оказалась неспособна. Она не может обеспечить страну сахаром.

Утверждения западных корреспондентов о том, что после прихода к власти Горбачева продовольственное положение в империи улучшилось — неверны. Новому правительству удалось добиться только улучшения снабжения и распределения, т. е. продовольствие быстрее поступает в магазины, меньше залеживается на базах, меньше портится. Резко возросли цены на некоторые виды продуктов. Например, колбаса некоторых сортов может стоить свыше 14 руб. за кг, естественно, что при такой цене люди берут только по 100-200 г. Значительно увеличены закупки овощей, консервированных продуктов, фруктов за границей. Но все это касается только столичных городов. В областных городах Сибири, Дальнего Востока, Казахстана все осталось почти без изменений.

На автора крайне тяжелое впечатление произвела встреча Горбачева с колхозниками, о которой мы упоминали выше. Она напомнила общение с народом Никиты Сергеевича. Как Мих. Ив. Калинин любил говорить, что белый хлеб мол вреден, так и Никита Сергеевич рассуждал о том, что русский человек склонен много есть. И теперь новый

хозяин пускается в рассуждения перед глазами сотен миллионов людей, что сами мол виноваты, что сахара нет. Вот таковы пока изменения в хозяйственной и повседневной жизни при перестройке.

Что же касается сферы идеологии, то вся „идеология” в том, что нет такого распоряжения и нововведения в СССР, которое нельзя отменить в 24 часа.

Теперь основное: о более свободной жизни в империи, об облегчении контактов между людьми, о свободе передвижения. Повторю то, что известно каждому, от таежного охотника до начальника московского отделения милиции: правила не только передвижения, но и всей жизни в империи регулируются „Положением о паспортах”. Вот это закон так закон. Советский закон! И сегодня, как и в сталинское время, он действует „железно”. Вот только мало кто читал это самое „Положение...” хотя выдержки из него есть в каждом паспорте гражданина СССР (кто имеет паспорт, конечно). За семью замками прячет хозяева это самое „Положение...”, закрестившее людей хуже, чем в XVII веке.

Суть „Положения” — прописка, которая дает возможность контролировать любое перемещение любого человека. Без паспорта ты — не человек, а колхозник. Не можешь выехать за пределы своей деревни. В городе без паспорта ты жить, конечно, не можешь. Из здесь ничего не изменилось, и не собираются менять. Уже после исчезновения „отца народов” прописка была существенно усовершенствована „законом о тунеядцах”. Издал его „либерал” Хрущев.

Этот „закон” позволяет легко расправиться с любым человеком, если его нельзя посадить по другому поводу. Данное лицо увольняют, неважно зачем или почему... за чрезмерное религиозное рвение, за выступление на собрании о воре-парторге, за подачу заявления с просьбой о выезде из „самой прекрасной страны мира”. Затем его никто не принимает на работу, даже грузчиком. После увольнения его предупреждают о необходимости немедленно устроиться на работу. А затем, по истечении 90 суток, его могут посадить в лагерь. Вот и все. Это самый важный рычаг запугивания населения и расправы с любым человеком.

Дополнительным контрольным рычагом, при помощи которого советская тирания осуществляет свою власть, является и трудо-

вая книжка, где регистрируются все места работы каждого человека. Вся жизнь его как на ладони, никуда не спрячешься. Найдут. Да без трудовой книжки и на работу не примут. А захотят уволить — все будет записано в этой книжке. Например, „уволен по недоверию коллектива — регулярно посещает церковь”. Автор этих строк видел книжки с подобными записями.

Никто и не собирается отменять прописку, регистрацию, обязательность трудовой книжки или „Положение о паспортах”. Любому ясно, что пока эти рычаги существуют, ничего не изменилось в империи со сталинских времен.

Итак, очевидно, что ничего существенно не изменилось. А внутренняя обстановка далека от стабильности. Конечно, события в Казахстане не первый звонок. Но теперь все видят — взрыватель национальной бомбы включен. Когда она взорвется, трудно сказать, но она срывается неотвратимо. События в Алма-Ате крайне важны и тем, что это первые крупные беспорядки, организованные... членом Политбюро. Товарищ Кунаев нанес удар отчаяния. Вряд ли он мог даже помыслить о каком-то успехе. Просто решил отомстить, расплачиваясь чужими жизнями. И своих, и русских.

Национальный вопрос в СССР никогда не пытались решать, а лишь использовали. Каждый новый хозяин — в своих интересах. И вот дело дошло до того, что после декабря 1986 г. в Казахстане приняли решение провести выборы в местные советы (и, вероятно, в Верховный совет) на основе национального представительства, пропорционального, как писала газета „Казахстанская правда” 20.01.1987 г. Иначе говоря, представителей данной национальности избирать строго на основании численности данной национальности. Ничего это не изменит... Да, кстати, вот тов. Рашидов, самый „верный ленинец”, был член высшего советского руководства, а провозжали его в последний путь строго по мусульманскому обряду. Вот и все.

Может ли национальная бомба взорваться неожиданно? Да, вне всякого сомнения. Но нам кажется, что для этого необходимо несколько условий. И прежде всего — быстрая и полная неудача того, что принято называть „гласность” и „перестройка”.

Кроме того, на внезапные изменения можно рассчитывать при неудачах на внешнеполитических фронтах, в особенности — в Ника-

рагуа. Если повстанцам удастся свергнуть коммунистический режим, то это повлияет на внутреннее положение в СССР. Советское руководство слишком много вложило в этот режим, в эту пешку, которую они так сильно продвинули в расположение своего главного противника.

Развитие событий в Югославии тоже может сыграть роль, особенно если гниющий коммунистический режим в Югославии окончательно рухнет. Это важно потому, что Югославия единственное место в Европе (за пределами „социалистического лагеря”), где советское руководство может применить прямую силу.

Учитывая все эти обстоятельства, можно утверждать — крупные неудачи на внешнеполитической арене быстро покончат с „перестройкой”.

Вот так и приближается к своему 70-летию „самое справедливое и миролюбивое общество”.

Приближается, ведя уже 8 лет из этих семидесяти войну против бедных крестьян и пастухов, которые готовы умереть, но не превратиться в рабов.

Приближается с огромной империей, которая не может существовать без колоссальных и постоянных поставок продовольствия из других стран, которые собственно и кормят ее население.

Приближается, превратив всю империю в один лагерь, опутанный проволокой и окруженный минными полями, потому что жители этой империи готовы бежать куда угодно.

Приближается со 120 миллионами людей, лишенных человеческого жилья и прозябающих в бараках, общежитиях, коммунальных квартирах.

Приближается...

Что еще? И сколько еще?

Москва

Сентябрь 1987.

Наше СОИ

Александр ЮГОВ

Высокомерие или практицизм?

Не каждый глава государства или правительства (даже неофициальный) встречается с преподавателями своего языка из других стран. Горбачев, однако, нашел время. 7 августа 1987 года он встретился с группой преподавателей русского языка из США. Их беседа, а затем и, естественно, большая речь Горбачева опубликованы, тоже естественно, во всех газетах страны. Беседой это, впрочем, назвать трудно. Горбачев на своем родном языке говорил то, что наметил. Американские русисты на чужом языке, стараясь, чтобы фразы были попроще, говорили комплименты и пожелания.

Оговорюсь сразу: я далек от „эмигрантских” придиорок и злопыхательства. В конце концов, тон Горбачева в разговоре с представителями Америки — разумный, рассудительный и даже дружелюбный — может вызывать только симпатии. Но почему-то именно этот тон как бы оттеняет разрыв между новым языком и старыми делами, между красивыми фразами и гораздо менее красивой советской практикой. Он как бы углубляет

ров между ними, и ров этот так и тянет забросать иронией и насмешками. Хотя, если задуматься, все это совсем не смешно.

Из беседы выясняется, что в США сейчас 8 тысяч школьников, изучающих русский язык. Да в университетах еще изучают его 28 тысяч американцев. Зато в СССР, как гордо объявил Горбачев, „50% учащихся с 4-го по 10-й класс изучают английский язык”. Добавим сюда миллионы студентов. Разница, конечно, внушительная. Но в чем причины? Глубокомысленный вывод Горбачева:

„... то, что у вас так мало изучают русский язык, не показывает ли это, я подумал, что вы слишком высокомерны, зазнались?”

С равным успехом этот упрек можно адресовать англичанам, французам, испанцам, немцам (западным). Они тоже учат русский язык в процентном отношении много меньше, чем их языки изучаются в Советском Союзе. Что же, они тоже все зазнались, стали по отношению к русским высокомерными?

Думается, что дело гораздо проще. А зачем им учить русский язык? В условиях сво-

бодного выбора (а здесь именно так, в отличие от стран „социалистического лагеря“) выбирают тот язык, который скорее может пригодиться. Русский язык тут, увы, не на первых местах...

Вот начинается гала-представление в „Казино де Пари“. Звезда французской эстрады Лин Рено на двадцати пяти языках приветствует иностранных туристов. Русского среди них нет. Что это — высокомерие французов или политический протест? Ни то, ни другое. Просто, зачем актрисе зря учить лишнюю фразу? Туристов из советской России здесь не будет, это ведь не самые дешевые магазины Тати. Греки, норвежцы, португальцы — другое дело, тут стоит потрудиться.

Гид-автомат во флорентийском соборе записан на семи языках, включая голландский и японский. Русского, конечно, нет. Итальянцев уж никак не обвинишь в пренебрежительном отношении к России и к русскому языку. Но для кого тут делать русский перевод? Для редких эмигрантов?

Автомобильного индивидуального туризма из СССР практически нет. В оживленнейших туристических центрах Европы еще иногда можно увидеть машины с польскими или чешскими опознавательными знаками, с советскими же — никогда. Разве что дипломатические номера. Даже в близкой Вене автомашина с советским номером — сенсация. Туристов перегружают с теплоходов Дунайского пароходства на автобусы и — „Товарищи, быстрее, быстрее! Не разбредаться!". По этой картинке „русских" узнают всюду. Смешно и стыдно. При таком автобусно-строеном общении (АСО) знание языков (в обе стороны) совершенно не нужно. Есть гид Интуриста, он все что надо объяснит.

Когда русские путешествовали

А ведь так было не всегда. Например, в маленьком немецком курортном городке Бад-Киссинген в 1907 году из общего числа 28 170 посетителей было 4 355 русских, то есть 15%*. Высокое „русское присутствие" отмечалось в начале века и в других „бадах" — Карлсбаде, Висбадене, Бад-Хомбурге, Бад-Наухайме, Баден-Бадене... В курортах — Ницце, Канне, Меране, Сан-Ремо... Не случайно

во всех перечисленных курортах был православный храм, выстроенный в XIX — начале XX века, и в сезон он бывал полон. А сколько русских, российских людей бродило в те годы по Вене, Риму, Парижу!

Это советские сказки, отложившиеся за долгие годы в нашем сознании, что до революции 1917 года за границу выезжали лишь высшие аристократы, а жили там подолгу лишь революционеры-эмигранты. Беспристрастная статистика опровергает этот назойливый стереотип. Десятки и даже сотни тысяч за один сезон безусловно включают представителей тогдашнего „среднего класса". Не забудем, что это было 75-80 лет назад. Вряд ли даже англичане, туристы наиболее богатые и любознательные, в те годы путешествовали по Европе в больших количествах. До того как коммунисты заперли страну на „двойной замок", спрятав ключ от него в ленинско-сталинский френч, Россия была одной из наиболее „выездных" стран мира.

Ну, а сегодня? Несколько лет назад мне довелось быть свидетелем такого эпизода. В Канн зашло советское парусное учебное судно. Курсантов вывели на берег. Шли они по набережной, естественно, группами, во главе с офицером, стараясь не очень пялиться на витрины магазинов. Так французы высказывали из кафе, чтобы посмотреть на них. Сенсация! Русские в Канне!! И это в городе, где красивейший бульвар носит имя Александра III, где еще в начале века построен великолепный православный собор, где часто наталкиваешься на следы русского присутствия, — конечно, „дооктябрьских" времен. Еще в большей степени это все можно сказать по адресу соседней Ниццы. Сегодня по всей французской Ривьере (собственно, как и по итальянской) туристов из России практически нет. Русская речь если и слышна, то — достаточно-эмигрантская.

Америка виновата

„Великое это дело — общение, прямое общение людей — сообщает американским гостям Горбачев. — Без него политика тоже много не даст — без широкого общения и взаимопонимания между народами. А в этом деле много заборов построено со стороны Америки".

Америка, значит, виновата. А Советский Союз так стремится к безбарьерному обще-

* Gleb Rahr. Die russische Kirche in Bad Kissingen. Bad Kissingen: BRATSTWO, 1984.

нию, так стремится!.. Горбачев, наверное, плохо читает советские газеты. Например, „Московские новости“. Поздно, должно быть, встает, в киосках уже раскуплены. Там за месяц до его гимна иностранному общению под кокетливо-наивным заголовком „Характеристика туристу — зачем?“ редакция поместила письмо Елены Катасоновой. Человек нерядовой — „переводчик книг, автор трех повестей и множества статей, член Союза журналистов СССР с 1965 г. и Союза писателей СССР с 1984 г.“. Проблем информационных (где „выдают“ туристические путевки?), коммуникабельных (через кого записаться на очередь?) и материальных (где взять деньги на весьма недешевую путевку?) у нее, видимо, нет. Тем не менее, она тоже не понимает: кому и зачем нужна „выматывающая процедура“ оформления?

„Объясните мне, почему я, человек беспартийный, чтобы поехать в Англию и посмотреть ее за свои деньги, должна получить что-то рекомендацию? Не они же меня посылают, не в награду за что-то. Я никого, кроме себя, туриста, не представляю. Почему же моя поездка зависит от них?“ („Московские новости“ № 28, 12.7.1987).

Ниже помещено другое письмо в редакцию, где автор вносит временные уточнения:

„Но, скажет читатель, это ведь было раньше, не во время перестройки, борьбы с бюрократизмом, не сегодня, когда во главу угла ставится забота о человеке, уважении его прав и конституционных свобод. Нет, читатель, еще ничего не изменилось, наоборот, кое-где сегодня даже усложнили „в духе времени“ процедуру получения характеристики. На моих глазах там не приняли к рассмотрению характеристику для поездки человека на отдых в Болгарию, так как помимо профкома и партбюро она не была рассмотрена еще и на общем собрании трудового коллектива (120 человек!)“.

Автор письма Олег Лабецкий не уточняет, где это, „там“ — в райкоме, горкоме, ОВИРе, в „сборной“ комиссии по выезду (в отпуск). И в каком городе это происходило. Впрочем, какая разница...

„Во всех городах и во всех „работают“ комиссии по выезду, в которые в масштабах страны отвлечены значительные людские ресурсы, словно им нельзя найти лучшего применения. И вот работники всех предприятий и уровней, ветераны стоят в очередях в эти комиссии для проверки их идеологической зрелости. Идут коммунисты, идут беспартий-

ные, идут рабочие и крестьяне, школьники и профессоры. Почему люди должны тратить часы, которые складываются в человеко-дни, человеко-месяцы, человеко-годы, когда необходимо бороться за каждую минуту, чтобы лучше ее использовать для труда и отдыха?“

Наивные вопросы. Автор и редакция „МН“ как будто не понимают, что это Америка виновата. Она, эта империалистическая Америка, понастроила заборов, преград к общению, повывдумывала многостраничные анкеты, автобиографии, характеристики, рекомендации, подписи „троек“ и общие собрания производственных коллективов. Это она создала ОВИРы в каждом штате и партийные комиссии по выезду в каждом городе. Это она назначает спекулятивные государственные цены за турпутевки — в зависимости от „качества“ страны, куда американец хочет поехать. И это она обменивает каждому выезжающему за пределы США строго ограниченное количество долларов, обрекая своих граждан на полуголодное существование, зависимость от родственников или знакомых и на необходимость спекуляции.

А нам уже все это приходится у Америки перенимать...

Впрочем, июльские публикации „МН“ были не такими уж наивно-смелыми, как это может сначала показаться. Редактор безусловно знал, что на верхах сейчас решаются „послабления“ для выезда за границу. В августе эти „послабления“ были опубликованы. Касаются они только выезда в социальные страны. Теперь часто выезжающие по службе в страны „народной демократии“ могут получать многоразовые визы. Могут переезжать из одной соцстраны в другую, не возвращаясь промежуточно в СССР. Так и тянет сравнить с послаблениями в зоне: разрешено переходить из одного барака в другой.

Характеристики и рекомендации для „частных“ туристов, однако, остались. Правда, получать партийные характеристики должны теперь только члены партии, зато члены ВЛКСМ — в комитетах комсомола, а беспартийные — в профкомах предприятий или учреждений. В отношении же „настоящих“ стран все осталось без изменений. Такая вот перестройка по части интенсификации общения.

Нужно признать, что не только империалистическая Америка мешает полнокровному общению, но и пассивность собственной молодежи. Отвыкли от инициативы за годы безвременья. Вот свидетельство иностранца — француз Оливье Ролен, записки „В России“, главы опубликованы в еженедельнике „Русская мысль“. Молодой француз описывает свои встречи со сверстниками в Москве и Ленинграде. Вот одно из таких застолий на окраине Москвы. Молодая студентка архитектуры Ольга.

„Иностранец, Запад — это ее чарует, но зачем, говорит она мне, как Ваня в Ленинграде, зачем мне учить языки, если я знаю, что никогда не поеду дальше Казани? Саша, химик, внезапно взрывается: „Чтобы поехать за границу, я должен сначала купить путевку, это дорого, но допустим. А что дальше? А дальше по десять раз являться на вопросы к людям, которых я презираю: а есть ли у вас родственники в этой стране? а друзья? а если нет, то почему вы туда собрались? а что вы ответите, если вам скажут, что в Советском Союзе нет свободы? И так далее. И это — невозможно, я предпочитаю всю жизнь сиднем на месте просидеть“ („Русская мысль“ № 3686, 14.8.1987).

Вот как: зачем им учить языки, сиднем на одном месте они будут сидеть!.. А где же инициатива, упорство, настойчивость в преодолении трудностей? Инертная какая-то молодежь, несоциалистическая. Ведь социализм и есть героическое преодоление трудностей, которые он сам воздвигает. Вот и осуществляй с такими революционную перестройку!

Конечно, все эти Оли, Вани, Саши тоже учили в школе английский язык. Или немецкий, или французский. И в институте — сдавали зачеты, знаки, странички. А в результате, через несколько лет ничего не помнят. Ибо без практики, без общения все это официальное изучение — пустое дело. Так что горбачевские „миллионы изучающих“ — сплошные приписки и очковитительство. Как советская мелиорация: объемы работ миллиардные, а урожаи все такие же низкие.

Из этого языкового „вала“ нужно, правда, исключить „специализированный ассортимент“, который обучают языкам по-настоящему. Московский институт международных отношений, Московская дипломатическая академия, Московский институт иностранных языков, Институт журналистики

(зарубежное отделение), специализированные курсы КГБ и ГРУ. Выпускники этих заведений (иногда по совместительству двух сразу) владеют языками хорошо. Так ведь и смысл есть! Именно они представляют страну за рубежом, именно для них стараются организовать как можно больше „общения“, если не постоянного, то хотя бы временного, „по обмену“. А что иностранные правительства, не один раз обжегшись, настороженно смотрят на подобные обмены — так это они заборы воздвигают!

Как в заповеднике

Если Горбачев на самом деле так страстно желает контактов и общения, то ведь этого очень легко достигнуть. Нужно лишь открыть границы, ликвидировать характеристики и рекомендации — и молодежь повалит со своими рюкзаками. На них даже валюты тратить не надо: на месте заработают. Как это делают молодые поляки в той же Швеции или Бельгии. Правда, тоже не совсем легально...

И обратный поток иностранцев в Советский Союз легко организовать. Облегчить и ускорить выдачу виз, молодежи предоставить возможность самого некомфортабельного ночлега в общежитиях и спортивных залах — и число зарубежных туристов, без сомнения, умножится. Выгодно ведь — живая валюта! И русский язык активно учить станут, сразу улучшатся „показатели“! В чем дело, собственно? Почему условия „обмена“, группами по 25 человек, нужно оговаривать на высшем уровне, на встрече глав государств? Нужно всего лишь снять искусственные барьеры. И чтобы молодые действительно были школьниками, студентами и рабочими, а не „молодежью целевого назначения“. Больше дела, меньше красивых слов о пользе обменов и общения. А то ведь, как совершенно справедливо говорит Горбачев, практическое дело перестройки можно утопить в болтовне и длинных речах с трибуны.

Может быть, для открытия границы „туда“ валюты не хватает? Все-таки неудобно отправлять за границу туристов без гроша в кармане, а твердая валюта нужна для более важных вещей, например, ежегодно зерно покупать. Хорошо, но почему тогда так затруднен туристический поток „сюда“, почему так много рогаток на пути индивидуального туриста в Советский Союз? Дефицит

гостиниц? Но почему тогда в гостиницах заставляют жить даже того, у кого есть родственники или знакомые в данном городе и он мог бы жить сколько угодно у них? Дефицит интуристовских ресторанов? Но почему же тогда туризм в СССР почти исключительно групповой с ежедневным трехразовым питанием? Пусть бы туристы и кормились где хотят, хоть в рабочих столовых и магазинах (представить эту картинку!). Вместо красивых речей о пользе общения взять бы и увеличить потоки туристов „туда” и „сюда”. Для этого ничего не нужно, кроме как снять преграды, воздвигнутые исключительно развитым социализмом. Сейчас, когда социализм в СССР стал уже не „развитым”, а „развивающимся” (секретарь ЦК КПСС А. Н. Яковлев), он мог бы позволить себе роскошь демонтировать возведенные преграды. Или до этого он еще не развился?

Дело так же, как и в других сферах, не только в количестве, но и в качестве. Желанного общения не получится, если будет доминировать сегодняшняя практика Интуриста. Иностранцы туристы живут в отдельных гостиницах, питаются в отдельных ресторанах, пьют напитки в отдельных барах, покупки делают в специальных „Березках”. Все дни расписаны на „мероприятия”, все время группой, на автобусе, с гидом Интуриста. Никаких своих переводчиков. За долгие годы работы „гидша” уже наизусть знает, как на какие вопросы положено отвечать. Если в группе попадает человек, знающий русский язык, то к нему отношение настолько, а порой даже прямая слежка „компетентных товарищей”. Знание русского языка — нежелательный элемент, и его по возможности стараются скрыть.

Дело дошло до того, что у „твердовалютников”, отдыхающих на курортах Сочи или Ялты, не только свои интуристовские гостиницы, рестораны и бассейны, но даже свои огороженные участки пляжа, на которые аборигенам вход воспрещен. Сидит вахтер и разъясняет буквально по-Высоцкому: „Это — иностранцы! А вы, прошу прощения, кто такие?” Дообщаться можно только через колючую проволоку.

В условиях такого интуристско-заповедного общения (ИЗО) совершенствовать свой иностранный язык могут только две, говоря словами Заславской, социальные группы —

фарцовщики и проститутки. Да и то больше по части числительных...

Снаружи — АСО, внутри — ИЗО, такие вот нормативы реального социализма. А потом будут разводить руками: откуда, мол, этот стойкий комплекс неполноценности у простого советского человека? Откуда эти две его крайности — злобная ненависть и лстивая угодливость?

А ведь ничего не изменилось!

„Нам не хватает общения, — говорит Горбачев, — понимая друг друга, уважительности даже не хватает. Очень много тут поработали известные (!) силы. Не будем их сейчас вспоминать, перечислять, не будем говорить, какая сторона внесла в это дело больший „вклад”.

Вспоминать? Все эти „силы”, выходит, действовали в прошлом, сейчас их нет. А какие это „силы” внимательно следят, чтобы москвичи не очень-то шлялись к проживающим на Кутузовском проспекте иностранцам? А какая это „нечистая сила” устраивает слежку за охотно общающимися иностранцами? А кто это продолжает ставить бюрократические рогадки перед аккредитованными журналистами, в первую очередь теми, кто знает русский язык и может общаться самостоятельно? А если это не помогает, то устраивает провокации (вспомнить хотя бы недавнее „дело” американского журналиста Данилова), запугивая тем самым всю журналистическую братию? Говоря „поработали”, Горбачев дает изучающим русский язык плохой пример пользования глагольными временами.

Качество общения прямо зависит от установленных государственных порядков. А они за 2,5 „горбачевских” года ничуть не изменились. Все так же сотни городов и областей Советского Союза напрочь закрыты от иностранного глаза по „режимным” соображениям. А может быть, просто стыдно показывать слишком уж непрезентабельную глубинку? Во всяком случае, живого иностранца в этих районах и в глаза не видели. Все так же западные посольства и консульства охраняются от проникновения туда советского человека внушительными „силами” в мундирах и в штатском. А тех, кто пытается перелезть через забор, увозят „в психиатрическое направление”. Все так же дипломатические и торговые представители

СССР в западных столицах живут со своими семьями в наглухо огороженных жилых комплексах. Как в хорошо защищенных крепостях посреди чужой территории. Жители этих крепостей, анонимные снаружи и тщательно прослеживаемые изнутри, общаются выходят разве что в супермаркет. Иностраный язык при этом, увы, не потренируешь, так как „отовариваться” в западных супермаркетах можно практически без единого слова.

„Тюрьма” и „светоч”

В докоммунистической России отношение к иностранцам, на время, а тем более насосем приезжавшим в страну, было совсем иным. Лишь хронические недоброжелатели России и всего русского пытаются распространить на все времена средневековые записи маркиза де Кюстина о настороженно-подозрительном отношении русских к иностранцам. После Петра Россия становилась все более открытой страной, охотно принимавшей как политических, так и экономических эмигрантов. Причем, не было ассимиляционного давления, присущего другим европейским странам. Известны немецкие, греческие, сербские, болгарские поселения, которые очень долго, иногда века, сохраняли родной язык. Но тем, кто хотел делать карьеру, иностранная фамилия никак не мешала, скорее наоборот. Русская военная история, наука и культура пестрят голландскими, немецкими, шведскими, датскими, французскими, итальянскими фамилиями. Весь XIX век французский язык был фактически вторым государственным языком. Конечно, это относилось лишь к дворянской элите, но ведь в других странах тогда и этого не было. В начале XX века все более распространенными становятся англофильские настроения, все активнее изучается английский язык. В страну постоянно приезжали французские, английские, немецкие девушки „из хороших семей”: работать гувернантками, учить детей языкам. „Немецкое засилие” в царском окружении, в правительстве, в армейском командовании было притчей во языцех. Доходило до анекдота: в войне с немцами 1914—17 гг. командующих крупными и средними армейскими соединениями с немецкими фамилиями (в русской армии!) было чуть ли не столько же, сколько с русскими. В следующей войне с немцами, через 25 лет интерна-

ционального коммунистического воспитания, с немецкой фамилией нельзя было найти даже командира взвода. Все немцы подчистую были выслены в Сибирь или степи Средней Азии. Пользуясь сходством фамилий, кое-кто из немцев пытался выдать себя за еврея, — чтобы через 10 лет горько об этом пожалеть и запроситься „обратно”.

Остервенелая до идиотизма кампания борьбы против „низкопоклонства перед Западом” была бы невозможна в „отсталой” царской России: ее тут же осудило бы общественное мнение, высмеяли все газеты, заклеямили все „властители дум”. В „прогрессивном” Советском Союзе эта кампания бушевала несколько лет, с последующими неоднократными рецидивами. Деятели науки или культуры, неосторожно обладавшие иностранной фамилией (преимущественно еврейской, но не только), становились как бы гражданами второго сорта, а то и попросту теряли работу. Особенно, если она относилась к „идеологическому фронту”.

Царская Россия, которую Ленин называл „тюрьмой народов”, прекрасно интегрировала переселенцев из других стран. Уже во втором поколении они считали себя русскими, были горячими патриотами России и даже порой русскими националистами. О возвращении на „историческую родину”, тем более массовом, вопрос никогда не ставился. Ну, а как тут выглядит СССР, этот „светоч дружбы народов”?

Стремление немцев (по паспорту) возвратиться на свою „историческую родину” все растет. Хотя именно перед ними „заборы” стоят весьма высокие. Причем интересно: хотя уже десятки поколений немцы жили в России, но все они отлично помнят, что их историческая родина находилась на территории Федеративной Республики Германии, но никак не ГДР. В братскую ГДР никто из них ехать почему-то не хочет.

Еврейское население Советского Союза неуклонно тает. Несмотря на то, что по процентной доле людей с высшим образованием евреи могут считаться привилегированной нацией. А вот в той же Америке еврейское население непрерывно растет. Наверное, его там окружают забором и заставляют размножаться...

В последние 10-15 лет из страны выехало на родину 200.000 греков. Как „старых” поселенцев, так и десятки тысяч семей бывших коммунистических партизан Маркоса.

А ведь Греция — самая, пожалуй, бедная страна Европы. Вдуматься в этот факт: убежденные коммунисты после 30 лет жизни на „родине пролетариата“ везут своих детей и внуков в буржуазную Грецию! Большинство этих старых партизан стало убежденными антикоммунистами: их перевоспитание в Средней Азии прошло весьма успешно.

Или еще один характерный феномен — „испанские дети“. Десятки тысяч детей коммунистов и левых республиканцев, вывезенных в Советский Союз в середине 1930-х годов. Уж они-то воспитывались в сугубо коммунистическом духе детдомов и спецшкол, без всякого буржуазного влияния мам и бабушек. И что же? Возврат „испанских детей“ в Испанию начался еще при Франко, а в середине семидесятых годов, после сорока лет жизни в СССР, этот возврат принял массовый характер. Сейчас в СССР „испанских детей“ практически не осталось.

„Тюрма народов“ успешно абсорбировала иммигрантов, переселенцев и колонистов.

Владимир Кормер НАСЛЕДСТВО

Сложный полифонический роман московского писателя Владимира Кормера (1939 — 1986) «Наследство» — магистральное произведение этого интересного, безвременно ушедшего от нас автора. Он дает широкую панораму жизни столичной интеллигенции 60-70-х гг.

Острый «криминальный» сюжет, многоступенчатая фабула, то уводящая повествование в мир старой русской эмиграции, то выходящая в жгучую современность, — сопрягаются здесь с глубинными размышлениями о выживании человеческого духа и совести в трагических условиях тоталитарного мира.

1987

386 с.

38 н.м.

На протяжении веков в Россию больше въезжали, чем выезжали из нее. На рубеже последних столетий в Америку, правда, переселились отдельные религиозные и национальные группы. Но из каких стран тогда в Америку не уезжали? Зато уезжали они свободно, без „борьбы за выезд“, а если кто из них возвращался, то он не считался „изменником“ и „перекати-поле“. Снисходительное отношение к тем, кто за свой счет ищет лучшей доли, — признак внутренней силы государства.

А вот „светоч дружбы народов“ производит исключительно эмигрантов. Со дня его создания и по сей день миллионные волны эмиграции захлестывают чужие берега. А сколько бы миллионов еще было, если бы страна не была сразу огорожена железным занавесом, а „наши славные пограничники“ не занимались бы главным образом теми „нарушителями“, кто хотел убежать „туда“! Подавляющее большинство народов и народностей страны ведь не имеет счастливо подвернувшейся „исторической родины“, где родились их далекие (или даже близкие) предки. Поэтому бежать приходилось, так сказать, в неорганизованном порядке.

Вот и поддержите!

Именно миллионам эмигрантов Россия обязана тем, что русский язык и русская культура не спустились окончательно в разряд второстепенных, провинциальных, локально замкнутых. Все 70 лет закрытого общества и закрытых границ эмигранты были хранителями и проводниками русской культуры, живительной связью с мировой культурой. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Да и сегодня, посмотреть хотя бы, как много выходцев из эмигрантских семей среди славистов Европы и Америки! Вот и в числе американских преподавателей русского языка, встречавшихся с Горбачевым, было несколько человек русского происхождения, дети, внуки, а может быть, уже и правнуки эмигрантов из коммунистической России.

Сохранить в детях русский язык в иноязычной среде очень нелегко, это всегда требовало от эмигрантов много труда и сил. Церкви и семинарии, издательства и библио-

теки, книги и журналы, сезонные курсы и самодельные ансамбли — все эти форпосты русского языка на Западе требовали от эмигрантов не только, говоря модным языком, самоуправления и самофинансирования, но зачастую и самопожертвования. Если перестроившееся советское руководство искренне озабочено популяризацией русского языка в Америке и других странах, то почему бы ему материально не поддерживать все эти форпосты в их трудной, но очень важной национально-культурной деятельности? Без всяких, разумеется, политических, цензурных и юрисдикционных условий. Стоимости трех-четырех сокращаемых ракет вполне бы на это благородное дело хватило. А что — перестраиваться так перестраиваться!

Автор, конечно, шутит. Он понимает, что до такой степени новизны „новое мышление“ еще не дошло. В наиболее „гласных“ советских газетах, правда, появились призывы к плюрализму, но — к социалистическому плюрализму, а это не то же самое.

Механизм разобщения

Но ведь и с другой стороны посмотреть. Как же Горбачев рассчитывает на серьезное восприятие его призывов к обменам, контактам и общению при такой явно двойной бухгалтерии? Советское руководство уверяет американцев, что, несмотря на идеологические расхождения, Америка и Россия могут жить в мире и даже дружбе. А граждане СССР и США могут беспрепятственно общаться. Но когда какой-либо конкретный русский начинает мыслить, как средний американец, или даже менее „реакционно“, то его вытравливают из страны, а по прибытии в ту же Америку лишают советского гражданства „за действия, несовместимые с...“. И никакого потом ему общения, ни ему, ни всем его родственникам, близким и дальним. Ни в России, ни в Америке. Почему какого-нибудь английского тори соблазняют купить путевку и съездить в Советский Союз, а его соседу, эмигранту „брежневского призыва“, в визе отказывают? Хотя у него уже такой же английский паспорт, он платит теми же фунтами и даже взгляды у него более либеральные? Почему вообще идет тщательная селекция — как среди бывших эмигрантов, желающих навестить своих родственников в СССР, так и среди родственников,

желающих съездить за границу? И при этом советское руководство хочет убедить мир, что идеологические расхождения — не препятствия для общения? Или они не препятствие только для тех, кто не знает русского языка?

Любой нормальный человек понимает, что если своего, родного, говорящего на родном русском языке инакомыслящего всяческими способами стараются изолировать, если контакты и общение с ним не поощряются и даже наказуемы, то призывы к общению с таким же инакомыслящим, но иностранцем не могут звучать искренне. Это красивые жесты для приобретения финансовой и политической прибыли. Провезли на автобусе одних — получили рубли, провезли других — получили валюту. Пожили под наблюдением 20 гостей у нас, одновременно пожили 20 отобранных товарищей у них — можно поставить галочку по обмену. Культурно пообщались, с избытком поулыбались друг другу. Вот видите, мы — нормальная страна, нормально общаемся с иностранцами. Можно уже организовывать совместную советско-иностранную фирму по общению под сладким названием СОК — социалистические обмены и контакты.

И вообще пора уже вводить в жизнь новое понятие — социалистическое общение с иностранцами, СОИ. Включает в себя АСО, ИЗО и СОК. СОИ — то же самое, что и нормальное общение, только (прошу прощения за сходство с известным анекдотом) не с кем слова сказать. Приоритет тут полностью наш, другие соцстраны лишь пошли по проторенному пути. Тем не менее, на копирайт и премию за новое определение автор не претендует: опасается мести налогоплательщиков. Ведь наше СОИ обходится нам гораздо дороже, чем американцам их СОИ. Те потерянные человеко-годы, о которых скорбит читатель „Московских новостей“, — лишь небольшая часть государственных расходов на наше СОИ.

Новое понятие вполне укладывается в ряду таких же — социалистическая гласность, социалистический гуманизм, социалистический плюрализм, предстоящие социалистический рынок и социалистическая конкуренция. Или вот еще — социалистическая демократия. Ведь задолго до Горбачева было известно, что есть просто демократия, а есть социалистическая демократия. И это — диктатура.

Советское СОИ — механизм разобщения.

Гласность – Ускорение – Перестройка

Роман РЕДЛИХ

Перестройка, конечно, нужна. Слов о ней сказано немало. Запущена машина критики и самокритики. Задействована госприемка. Налажена борьба с пьянством. Машиностроение сведено в единый мощный узел под руководством созданного специально для этого Бюро по машиностроению при СМ СССР. Создан Агропром с задачей разрешить наконец неизбежный сельскохозяйственный кризис. Принят закон об индивидуальной трудовой деятельности. Принят закон о социалистическом предпринятии. Произведены серьезные перестановки в составе руководящих органов партии и правительства. Проявлена воля к разоружению. Делаются попытки покончить с войной в Афганистане.

И тем не менее, думается нам, Горбачев напрасно назвал свою перестройку „революционной“. Она всего лишь очередной этап в развале системы реального социализма. Не более, но и не менее. Не более, потому что она задумана и осуществляется под черкнуто „в рамках системы“. Но и не менее, потому что каждая „перестройка“ (раньше этот феномен назывался иначе) влечет за собой ослабление, если не полную потерю того или иного элемента первоначального большевистского замысла. Так случилось с отстройкой сталинского „советского патриотизма“, сильно потеснившего первоначальный „пролетарский интернационализм“. Так случилось с хрущевской „борьбой с культом“ и „оттепелью“ после которой возврат к сталинской системе превентивного террора стал невозможен. Так будет, вероятно, и с горбачевской „перестройкой“ и „гласностью“. Закрывать Бюро по машиностроению и Агропром, в случае обратного хода, вполне возможно. Но утверждать, что партия это „ум, честь и совесть эпохи“ и что партийное руководство никогда и ни в чем не ошибалось, заведомо не удастся, даже если бы возможный грядущий заморозок оказался крепче брежневского.

Процесс освобождения от созданного Сталиным тоталитарного режима носит пульсирующий характер. Воля к власти в руководящем ядре КПСС не иссякла. Но иссякло

питавшее ее идеократическое начало — с его верховными ценностями возведенного в абсолют принудительного властвования и вытекающей из него активной несвободы. Почти тотчас после смерти Сталина оно было подменено интересами оставшегося без единоголичного и всемогущего Хозяина властвующего бюрократического аппарата, в руках которого оказалась монополия управления всей организационной и экономической жизнью и всей системой информации и пропаганды. Анализировать эти интересы мы здесь не будем. Они оказались вполне человеческими, хоть зачастую и низменными, и сконцентрировались в желании сохранить могущество советского государства и свое положение в нем.

Став полем борьбы человеческих интересов, созданный Сталиным тоталитарный режим начал очеловечиваться. Отнюдь не добровольно, но наследникам Сталина пришлось отказаться от абсолютизации тоталитарных начал в полученном ими наследстве. Орвелловский кошмар не стал реальностью. Сталинский тоталитаризм остался недостроенным. Начался процесс распада и развала, который власть способна тормозить, но не остановить.

Во внешней политике советская власть и после Сталина может похвастать определенными успехами. Число социалистических государств продолжает увеличиваться. Борьба за мир расширяется по всему свету. Но о монолитном единстве лагеря социализма не может быть и речи. Ни Хоннекера, ни Гусака, ни Чаушеку объявленная Горбачевым перестройка не устраивает. В своих последних беседах с ними Горбачев в этом убедился. Собственные пути к социализму, запущенные уже при Хрущеве, расходятся все дальше и дальше друг от друга.

Гласность

Феномен, обозначенный Горбачевым словом „гласность“, при всей его двусмысленности, важнейшее из всего, что случилось за

первые два с лишним года его правления. Понимаемая, — по аналогии с юридическим понятием „гласности судопроизводства“, — как право народа на незамедлительную правдивую и полную информацию о происходящем, обеспеченную правом каждого собирать и распространять любую фактически правильную информацию, горбачевская гласность, конечно, очень ущербна. Достаточно вспомнить о том, как в мае 1986 г. подавались сообщения о катастрофе на Чернобыльской АЭС или как были поданы сообщения о посадке 28 мая 1987 г. на Красной площади спортивного самолета из ФРГ. Замалчивание и искажение фактов государственными информационными агентствами продолжается, и партия, очевидно, не намерена отказываться от этих методов воздействия на общественное мнение.

Но дело не в информации. Гораздо важнее тот факт, что под знаком „гласности“, как в хрущевское время под знаком „борьбы с култом“ скрывается вынужденный отказ от принудительного исповедания некоторых, ставших ненужными мифов и фикций, попытка заменить активную несвободу высказываний реальным влиянием на умы, с целью вернуть государственной власти хотя бы часть народного доверия, растерянного за десятилетия неустанной пропагандной лжи.

Понятая таким образом гласность означает ускоренное раскрепощение научного и художественного творчества. Что понятие „буржуазной лженауки“ оказалось недолговечным и физики, а за ними и остальные естествоиспытатели стали обходиться без диалектического материализма, не сняло, однако, с искусства его пропагандную нагрузку и не избавило работников пера от обязанности быть „инженерами душ“ и постоянно оглядываться на главлит. Похоже, что это кончается. Научный атеизм и социалистический реализм тоже постепенно выводятся на пенсию. Растабушировано немало не допускавшихся прежде художественных приемов и запретных тем. Напечатать обещают не только пастернаковского „Доктора Живаго“. Читателю „вернули“ Гумилева. На экраны вышли залежавшиеся было в запасниках фильмы. Назовем хотя бы „Покаяние“ и „Легко ли быть молодым?“. Все время появляются произведения, которые не печатали раньше. Под давлением общественного мнения отказались от пово-

рота рек. Стало интересно читать газеты и журналы.

Слова о светлых вершинах коммунистического общества получили издевательское звучание. Миф о научности марксистской теории вышел из моды. Никому, кроме преподавателей марксизма-ленинизма, и в голову не придет сказать, что „учение диалектического материализма всесильно и верно, потому что дает правильное понимание закономерностей развития объективной действительности“. Повторять это положение вне предназначенных для этого аудиторий стало ненужно и неприлично. Но то же можно сказать об осуществленном или реальном социализме, якобы обеспечившем советским людям морально-политическое единство и счастливую зажиточную жизнь. Трудно найти людей, убежденных в превосходстве советского экономического строя и в трудовом энтузиазме советского народа. Еще на хрущевском витке ленинский миф о капиталистическом окружении, готовящемся раздавить советскую республику, был свернут до фикции империалистических кругов, с которыми можно, однако, мирно сосуществовать и вести переговоры о разоружении. Из сталинского набора фикций в силе осталось лишь утверждение критики и самокритики как движущей силы социалистического общества. На горбачевском витке только критика и самокритика по-прежнему „являются основой нашего партийного действия... душой большевистского метода и воспитания кадров“.

Пороки системы, — чем выше, тем хлещче, — бичуются беспощадно. Банкротство строительства социализма и коммунизма, как его вели Сталин, Хрущев и Брежнев, больше не засекречено. Оно видно всем. Эта горькая правда прорывается даже в „Правду“. На страницах печати внимательный читатель может найти и немало серьезных и дельных конструктивных предложений.

Но „воз и ныне там“. Продолжается грязная колониальная война в Афганистане. Миллиарды рублей идут на вооружение и поддержку шатающихся социалистических режимов в Анголе и Никарагуа. Госконтроль и борьба за качество не дают ожидаемых результатов. Трудящиеся по-прежнему глухи к призывам укрепить дисциплину и повысить производительность труда.

„В начале было слово”. Это верно. Но слово без дела мертво бывает; не превращенное в дело, оно становится пустословием.

Ускорение

Дело здесь в том, что, потеряв идейно-информационную монополию, потеснившись и вызвав несомненное оживление в культурной и духовной жизни, а вместе с ним подъем ожиданий, требований и надежд, Горбачев не хочет или не смеет коснуться экономической, а тем более организационной монополии партии. Добиться же ускорения в деле повышения производительности труда и рентабельности социалистического производства и перейти с экстенсивного на интенсивный путь развития путем словесных понуканий и бюрократических перестроек пока что не удается.

В эпоху первоначального строительства социализма, когда диктатура над экономикой еще не была расштана эгоистическими интересами партийной номенклатуры, большевикам удавалось добиться ускорений путем элементарного принуждения и добровольно-принудительного энтузиазма. Отношение людей к труду было еще традиционно добросовестным. Эксплуатация миллионов заключенных и колхозников не была ни производительной, ни рентабельной, но эффект все же давала. Хищническая эксплуатация природных ресурсов и человеческого труда, несмотря на всю бесхозяйственность, позволила развернуть промышленное производство и сделать СССР сильнейшей военной державой.

Внеэкономическое принуждение, однако, предполагает применение насилия. Без него оно теряет действенность. И вполне понятно, что произведенное Хрущевым освобождение миллионов эзков не осталось без последствий. Сформулированные в статье 12 сталинской „Конституции СССР” принципы социализма „кто не работает, тот не ест” и „от каждого по его способностям, каждому по его труду”, позволяющие государственной власти принудить каждого гражданина трудиться там, где ему будет указано, и столько, сколько ему будет указано, — стали расшатываться.

В брежневской „Конституции” 1977 года принцип „от каждого по способностям, каждому по труду” (ст. 14) сохранился. Но к действительности он потерял всякое отношение. Так называемая „вторая” или „теневая”

экономическая жизнь в стране — настолько общеизвестный феномен, что описывать его нет надобности. Казалось бы, командные выгоды экономики по-прежнему в руках государственной власти и собственности на средства производства остается по-прежнему государственной (или колхозно-кооперативной, что то же самое). По-прежнему план — это закон, но не прибегая к спасительной „второй” экономике, никакого плана не выполнишь. Где и как хозяйственник достанет сырье, как и чем за него расплатится — местная инициатива, осуществляемая методами коррупции и спекуляции. Здесь работает принцип „мы — вам, вы — нам”, создается система в системе. Незаконные операции производятся, конечно, и в личных интересах, но не только. Они стали немаловажным условием выполнения государственных заданий.

Тем не менее, вторую экономику отнюдь нельзя считать здоровым явлением. Честная коммерческая деятельность, направленная на получение справедливого барыша путем добросовестного обслуживания и удовлетворения спроса на товары и услуги, заблокирована все тем же планом. И не случайно, уже внизу, в торговой сети, где слово имеет непосредственный потребитель, глаголы „продать”, „купить” и „заплатить” подменяются всякого рода условными выражениями. Товар не „предлагают”, его „выбрасывают”, не „покупают”, а „вырывают”. Свой вклад в коммерческое дело (а попросту говоря, регулярную взятку) не „вносят” и не „дают”, а „отстегивают”. Простая человеческая речь подменяется воровским жаргоном, торговля — спекуляцией.

Новый закон об индивидуальной трудовой деятельности заведомо недостаточен для того, чтобы хоть на низах, хоть отчасти узаконить воцарившееся хаотическое беззаконие. Сохраняя за собой монопольное владение всеми средствами производства, партия уже не в состоянии остановить незаконное пользование ими и теряет реальное управление экономикой. Заведомо недостаточен и Закон о социалистическом предприятии.

Трагическое отставание нашей страны от научных и технических достижений передовых индустриальных держав, нашу неспособность „идти в ногу с веком” современной экономики, следует объяснять не бездарностью нашей технической интеллигенции и не глупостью наших хозяйственников, а отсут-

ствием здоровой социальной инфраструктуры, которую можно создать, лишь отказавшись от экономической монополии, раскрепостив хозяйственную деятельность, укрепив коммерческую мораль и прекратив таким образом расточительное растаскивание и возбрасывание производственных средств и возможностей.

Расширение прав директоров, Агропром и Бюро по машиностроению могут помочь здесь не больше, чем хрущевские совнархозы и брежневский „деловой настрой“. Ускорения они не принесут. Потому что, — как сказано в составленном уже в 1982 году по поручению Совета НТС документе „К проблемам обновления народного хозяйства СССР“, — „дело вовсе не в нормах, дисциплине или ошибках руководства. Причины создавшегося положения заложены в самом механизме директивной экономики. Именно поэтому практикующиеся у нас методы хозяйствования по самой своей природе не могут дать существенно других результатов. Действительно, по команде из центра можно было строить дома, плотины или распахивать целину. Но по команде из Москвы невозможно эффективно наладить производство и распределение десятка миллионов различных видов продукции, выпускаемых сегодня советским хозяйством“. Здесь нужна подлинная реформа, наметка которой и дана в только что процитированном документе.

Перестройка

Горбачевская гласность облегчила обмен информацией, размышлениями, идеями, внесла оживление в духовную жизнь народа, поставила на обсуждение вопрос „как будем жить дальше?“, породила немало сомнений, надежд и требований. Но если в результате этой гласности от идейной монополии партии остались (или скоро останутся), как говорится, „рожки да ножки“, если на пути оздоровления экономики, пусть хоть и сильно расшатанная, стоит монополия партии на средства производства, то обновление общественной жизни затрудняется главным образом партийной монополией на средства массовой информации, печать, телевидение и радио.

Формально партия по-прежнему остается „руководящим ядром всех организаций трудящихся как общественных, так и государ-

ственных“. „Конституция СССР“ (ст. 6) предоставляет советскому гражданину возможность вступать в так называемые „общественные организации“, которые, однако, отличаются от государственных только названием: и в тех и в других руководящей и направляющей силой является одна и та же партия. В течение целого полувека общественную жизнь в советской стране можно было сравнивать с растением, изуродованным ножницами садовника. Все, что можно было видеть над землей, подчинялось партийной указке. И только недоступный насильственному воздействию интимный корень общения — чувства взаимной симпатии, вырастающие из общего стремления к общим ценностям и солидаризирующие „я“ и „ты“ в первоединстве „мы“ — продолжали жить, давая все новые и новые побеги.

Элементы искренней, непринужденной солидарности можно было наблюдать в России и в тяжелейшие годы сталинского террора. С ослаблением террористического подавления, уже в ходе хрущевской оттепели, единомышленники стали объединяться в сообщества, поначалу мало задумываясь об их организационном оформлении. Начавшийся в то же время и продолжавшийся при Брежневеве распад идейной и информационной монополии партии стимулировал этот процесс, и хрущевская, а теперь и горбачевская „оттепель“ не случайно воспринимается многими как раскрепощение творческих сил.

Теряя идейное водительство, да по сути дела и вообще всякое влияние на умы, партия, однако прочно держит в руках средства массовой информации и пропаганды, с основанием видя в них важнейшее средство для удержания по крайней мере широких публичных выступлений в рамках допущенной гласности. Попытки создания хотя бы полунезависимой самостоятельной печати были пока безуспешны.

Складывающиеся явочным порядком творческие содружества вынуждены в силу этого либо встраиваться в государственные псевдообщественные организации, либо существовать, как говорится, „на птичьих правах“, в полной зависимости от произвола надзорных органов и последней спущенной директивы.

Не будем говорить о связанных общим материальным интересом самоорганизовавшихся группах в области второй экономики.

Они многочисленны, широко разветвлены и проявляют, как правило, изумительную предприимчивость и изворотливость, работая совершенно вне рамок действующих законов. Погромы, которые время от времени устраивает им власть, входят для них в сферу калькулированного риска. Разгромленные, они исчезают, чтобы снова возникнуть в новом составе и новой комбинации.

На тех же „птичьих правах“ существуют и пользуются успехом у публики музыкальные ансамбли и содружества непризнанных художников, дискуссионные клубы, религиозные кружки и секты, союзы защиты природы и памятников старины. Число разбросанных неформальных вольных ассоциаций, так называемых „неформалов“, включая молодежные „номы“ (неформальные объединения молодежи), непрерывно растет и достигло, вероятно, уже многих десятков тысяч.

*

Идейная растерянность партийного руководства и возможность достаточно прямо высказать свое мнение и договориться с единомышленниками открывает возможность солидаризоваться в неформальные, но направленные к той или иной общей цели дисциплинированные объединения. Широко распространившееся среди порядочных людей презрительное отношение к стукачам и подхалимам позволяет создать невидимый, но эффективный заслон от проникновения в них нежелательных или опасных лиц. Шанс этот несомненно используется при образовании политических групп и объединений, что чувствительно затрудняет работу ГБ, несмотря даже на неумение многих из их участников соблюдать элементарные правила конспирации.

Задуманная как средство получить доверие народа, гласность послужила мощным толчком к раскрепощению общества. Ненаказуемость обмена мыслями привела к солидаризации единомышленников, и всякого рода неформальные объединения стали расти как грибы после дождя. Атомизированная, разобщенная стихия советского общества кристаллизуется в этих объединениях. Окончательно добывая марксизм-ленинизм, на глазах теряющей инициативу власти образуется широкий спектр разнообразнейших философских, научных, художественных, но и политических настроений в проявлении сим-

патий и антипатий, в готовности оказать ту или иную поддержку в том или ином вопросе, в более или менее регулярной взаимной информации, в проверенном на практике доверии друг к другу, в декларациях, петициях и демонстрациях.

Наше общество становится плюралистическим.

Главные трудности

Динамика плюралистического общества, занимающая современную социологию, у нас еще только начинает складываться. Вопросы гармонизации деятельности разнокачественных союзов, обществ, ассоциаций и корпораций, проблемы их деловой и политической ориентации, их отношений с государственной властью, их соучастия в выработке политических решений, трудности, вытекающие из задач сочетания их, зачастую противоречивых, стремлений с тем, что по традиции именуется общенациональными или общегосударственными интересами, незнакомы советским людям.

Мы привыкли к тому, что от нас ничего не зависит, что все пожелания и требования надо направлять к власти, что все зависит от власти имущих, от государства, от партии. В своем „Письме вождям“ Солженицын в 1974 году писал: „Наша интеллигенция единоклубна в представлении о желанном будущем нашей страны (самые широкие свободы), но так же единоклубна она и в полном бездействии для этого будущего. Все заморожено ждуть, не случится ли что само. Нет, не случится“.

Диктаторская власть порождает гражданскую пассивность. Это вполне естественно. Хуже того, в годы, когда писал свое „Письмо“ Солженицын, в нашем обществе можно было наблюдать некий антиорганизационный синдром, очень отчетливо выразившийся в поведении многих участников политической оппозиции 1960—70 гг.

Мы не имеем, разумеется, в виду подпольную деятельность НТС или Всероссийского Социал-Христианского Союза Освобождения Народа (ВСХСОН), создавшего разгромленную в 1967 году политическую организацию, или других, — в том числе и религиозных, — объединений. Но именно антиорганизационный синдром господствовал в более широком оппозиционном движении: „диссидент-

ском", „демократическом", „правозащитном", „инакомыслящем"... В умах многих участников этого движения бытовала примерно такая схема:

Любая партийная организация — зло, потому что всякая партия рвется к власти, а при удаче устанавливает свою диктатуру. Так случилось не только в 1917 году в России, когда большевики во главе с Лениным захватили власть, но так случилось и в Италии, Германии, Испании, так бывает и ныне в Африке, Америке и Азии. Партия — это организация, создаваемая для захвата, а затем для удержания власти. Своих обещаний партии, как правило, не исполняют. Демагогия — излюбленный партийный прием. Отстраивать партийного типа организацию, чтобы бороться с большевистским режимом, бессмысленно, потому что такая организация непременно уподобится большевистской, будет действовать насилием и обманом и в случае победы введет порядки наподобие сталинских. Борьбу за права и свободу надо вести поэтому без организации.

В этих соображениях не трудно узнать несколько утрированную логику „отцов американской демократии" Вашингтона и Мэдисона, предостерегавших своих сограждан от стремящихся к власти фракций, „полных духом интриги". Но отталкивание от партийности у диссидентов питалось, кроме того, пониманием ленинской и сталинской тактики, а еще: фрондирующим интеллигентским вольнолюбием, не желающим вообще ничему подчиняться.

Десятилетиями покоряясь, почти всегда против собственной воли, партийным приказам, люди разучились сознательно принимать на себя обязательства и поддерживать дисциплину, необходимую для достижения любой поставленной цели. Устраивая демонстрации, издавая „Хронику", создав самиздат и внося, таким образом, немалый вклад в духовную жизнь России, движение не только разбило миф об отсутствии в СССР самой возможности высказать свое несогласие с режимом. Оно еще и показало всю глубину и обоснованность этого несогласия и подготовило сегодняшнюю гласность.

Стимулированный гласностью выход множества неформальных — и в подавляющем большинстве неполитических — групп на передний край общественной жизни лишает органы надзора возможности применять к ним, как прежде, тактику игнорирования

или подавления и заставляет искать более дифференцированный подход.

В их руках остаются мощные рычаги давления. Это, разумеется, полицейские меры, применение которых власть может дозировать по усмотрению; это печать, радио и телевидение, в которых можно травить неудобные группы и хвалить удобные; это юридическое оформление и материальная поддержка (предоставление, например, помещений, открытый или полукрытый доступ к множительным средствам и т. п.); это, наконец, создание собственных, ручных объединений, как, например, объединение „Зеленый мир" при Советском комитете мира.

В создавшемся положении задача власти поставить возникающие вольные ассоциации себе на службу; задача ассоциаций — сохранить как можно большую самостоятельность и служить тем целям, ради которых они возникли. На стороне власти здесь все материальные средства и огромнейший опыт подавления и принуждения; на стороне ассоциаций — общественная стихия, созревавшая для отклика на требования эпохи. Решающую роль призваны сыграть здесь те, кого мы называем носителями конструктивных сил в правящем слое, работники партийного и государственного аппарата, чуткие к зову времени, понимающие, что перестройка, объявленная сверху, послужила сигналом для необъявленной перестройки нашего общества снизу. Справятся ли они с этой ролью, покажет будущее.

ЛЕВИЦКИЙ Сергей

Очерки по истории русской философской и общественной мысли. В двух томах.

1983, т. 1, 2-е изд., больш. форм., 216 с. 22 мм
От Киевской Руси до XIX века: Киевская и Московская Русь. Первый церковно-идеологический конфликт. XVIII век. Ранние славянофилы. Западники-гуманитисты. Западники-отрицатели. Шестидесятники. Русское „просвещенство". Почвенники. Ф. М. Достоевский. Философия жизни и смерти у Л. Толстого. Идеология народничества. Владимир Соловьев.

1981, т. 2, больш. форм., 232 с. 22 мм
В книге следующие главы: Ближайшие последователи Вл. Соловьева. — Русские пантеисты. — Нерофимство и ранний марксизм. — Русский религиозно-философский Ренессанс и сборник „Вопль". — Инициаторы Ренессанса. — Классики Ренессанса. — Советский марксизм.

Каратели не сдаются

А. КОРЯГИН

Преследование инакомыслящих в СССР с помощью психиатрии, этот изуверский метод репрессий — был порожден самим характером советской системы, всем ходом ее исторического развития.

Советский тоталитаризм, прямо провозгласивший одним из пунктов своей внутренней политики „непримиримую борьбу с чуждой советскому строю идеологией”, никогда не терпел никакого инакомыслия. Заключение в лагерь или убийство — вот методы, которые применял КГБ в эпоху сталинизма к тем, кто хоть как-то осмеливался выразить свое несогласие или неповиновение.

Крушение сталинского режима и частичное разоблачение методов его правления сделало неизбежным появление в стране легального диссидентства. Хрущевское Политбюро и КГБ очень скоро убедились в этом. Резко увеличился поток жалоб и заявлений с критикой негативных явлений жизни, порождаемых самой советской системой, объявились авторы, требующие публикаций на „запретные” темы и вскоре возник самиздат.

Перед КГБ, лишенным возможности действовать с помощью прежних сталинских методов террора, возникла необходимость разработки новой стратегии репрессий, задача — найти способы подавления инакомыслия, которые внешне не походили бы на сталинские по своей жестокости, но были бы вместе с тем не менее эффективными.

Объявление инакомыслящих психически больными и заключение их в психбольницы как нельзя лучше отвечало этим требованиям по нескольким причинам. Во-первых, маскировалась сама репрессивная акция в отношении личности. Перекладывалась ответственность на врачей-психиатров, КГБ формально был в стороне. Во-вторых, достигалась возможность бессрочной изоляции диссидента в условиях, где произвол морального и физического воздействия на него не ограничивался никакими законами, кроме личной воли врачей-карателей. В-третьих, статистика показывала увеличение числа психобольных в стране, но никак не инакомыслящих.

В начале 60-х годов в советской психиатрии шла борьба за влияние между двумя школами психиатров. Ленинградскую школу возглавлял очень заслуженный и известный психиатр проф. Случевский, московскую — выдвигенец в психиатрии проф. Снежневский. Ленинградцы стояли за ограничения понятия „шизофрения” рамками, приданными ему классиками психиатрии Э. Крепилином и Э. Блейлером. Школа проф. Снежневского, напротив, опираясь на созданную им классификацию шизофрении (в основу этой классификации был положен принцип течения болезни), ратовала за расширение понятия „шизофрения”, по сути — до неограниченных размеров.

Безусловно, проициательный КГБ не мог не оценить всей практической ценности для себя теоретического уклона проф. Снежневского. Его классификация несказанно облегчала возможность подводить под нее инакомыслящих, среди которых, как правило, были личности незаурядные, нестандартные, с ярко выраженными индивидуальными особенностями. Это и понятно, поскольку личность „средняя”, заурядная, в условиях советской диктатуры попросту не способна на публичное выражение протеста. Врачу-карателю, решающему вопрос о диагнозе для диссидента, при составлении медицинской документации стоило лишь поставить акцент на его индивидуальных особенностях, придать им гипертрофированные, уродливые формы, и этого человека уже можно было по новой классификации проф. Снежневского считать шизофреником.

Трудно предполагать, чтобы проф. Снежневский совместно с работниками ЦК и КГБ участвовал в разработке нового способа решения глобальной проблемы — борьбы с инакомыслием при помощи психиатрии, тем не менее такие мысли появляются, если учесть, как быстро московское направление утвердилось в советской психиатрии, а также поразительное совпадение взглядов самого Снежневского и его приверженцев с теми, что однажды выразил публично Хрущев: „В СССР нет никаких инакомыслящих, а

есть психически ненормальные люди, порочащие советский строй. Нормальный человек не может выступать против социализма". Судебный психиатр А. П. Филатова, проводя в г. Курске экспертизу диссиденту А. Бутко, изрекла: „Нормальный человек не может выступать против государства рабочих и крестьян". Буквально то же самое слышали от своих мучителей многие жертвы советской карательной психиатрии. Не знакомство ли с единой секретной инструкцией, которыми так часто пользуются в СССР при решении проблем государственных масштабов, рождает такое поразительное единство взглядов на психическую неполноценность?

Таким образом, уже при Хрущеве заработал новый конвейер репрессий. В числе первых, кого истязали в психобольницах за инакомыслие, следует назвать известного писателя В. Тарсиса и генерала П. Григоренко, людей, психическое здоровье которых не только не вызывало сомнений, но позволило каждому из них далеко превзойти уровень современников. А сколько их, никому не известных протестантов, за упорство, сочетание с чувством собственного достоинства, было осуждено на бессрочное пребывание в застенках по психиатрическим приговорам: „латентная", „психопатоподобная", „неврозоподобная" или еще чему-то подобная шизофрения! Психиатры, вооруженные теорией проф. Снежневского, рассматривали всякую готовность личности на протест, как нарушение способности к социальной адаптации у психически больного. Интересно, какой диагноз они установили бы Ленину, окажись он их современником?

Брежневское ГБ развернуло новый вид репрессий по всей стране. Диссидентов бросали в психотюрьмы и подвергали „лечению" порой без какого-либо суда и следствия, даже без проведения судебно-психиатрической экспертизы.

В начале 60-х годов, работая молодым врачом-психиатром в сибирской глубинке, я на себе почувствовал, какое давление на врачей оказывали в то время КГБ, прокуратура, органы власти. Партийные деятели и юристы не раз пытались внушить мне, психиатру, что наличие психического заболевания у того или иного их подопечного не вызывает никакого сомнения и обследование его у врача — всего лишь досадная для них формальность. В каждом конкретном случае, чтобы не идти на поводу у „компетентных органов", при-

ходило наотрез отказываться от дачи индивидуального врачебного заключения и требовать проведения комиссионного обследования или судебно-психиатрической экспертизы. Не каждый мог возразить в подобных случаях. Делая то, что от него требовали, врач становился пособником карателей, вынося диагноз здоровому.

Особую, ведущую роль в „присуждении" инакомыслящим психиатрической койки играл институт судебной психиатрии им. Сербского, быстро стаявший себе зловещую популярность. Количества выносимых им „психиатрических приговоров" тем, кто вступил в конфликт с режимом, и шаблонность диагностических формулировок („бредовый синдром") исключают саму мысль о допущении каких-то случайных врачебных ошибок в этой области. Творцы новой политики репрессий возложили на этот головной институт роль основного поставщика для „психушек" (так окрестили карательные психобольницы общественной), „социально неполноценного" человеческого материала и руководство данного советского учреждения мобилизовало его коллектив на выполнение этого „ответственного задания". Психиатры-каратели: Снежневский, Морозов, Лунс, Ландау, Тальце и др. своим вкладом в борьбу с инакомыслием нискали широкую, но позорную славу даже за пределами своей страны.

Истязания в психотюрьмах проводились с помощью всего арсенала известных науке лечебных средств: нейролептики, инсулиновые комы, электрошоки, сульфазин и др. в сочетании с самыми изощренными методами моральной тирании. Все это обрушивалось на психику здорового человека, приговоренного к бессрочному пребыванию в кошмаре беспокойной психиатрической палаты, с единственной целью — принудить его отказаться от прежнего образа мыслей или действий.

Психиатрические репрессии в СССР всегда осуществлялись под прямым контролем КГБ. Сотрудники этого ведомства возбуждали против инакомыслящих дела, присутствовали при проведении судебно-психиатрической экспертизы, диктовали свою волю в суде, контролировали своих „подопечных" в „психушках", выписка оттуда могла произойти только с их разрешения. Многих таким образом удалось сломить, заставить отказаться от своих убеждений, переступить через себя.

После выписки — над меченной психиатрическим диагнозом жертвой тяготела опасность в любое время повторно оказаться в руках психиатров. Нередко, однако, наблюдались случаи, когда, убедившись в бесполезности попыток „исправить” человека с помощью психиатрии, с него после нескольких госпитализаций снимали диагноз и отправляли в концлагерь. Иногда такие дела шли перед выездом диссидента за границу.

Активность КГБ на ниве психиатрии не осталась незамеченной для правозащитников внутри страны и международной общественности. Возникло движение в защиту узников „психушек”. Скандальные разоблачения советской карательной психиатрии привели к публичному осуждению этого вида репрессий на съезде ВПА в Гонулулу в 1977 г. Репрессии после этого продолжались с неослабевающей силой. При этом советские власти, спекулируя темой „разрядки” и обвиняя весь мир во лжи, требовали прекратить критику.

Защищая столь удобный для себя метод расправы, КГБ с бешеной злобой боролся против тех, кто разоблачал его. За огласку истории болезни генерала Григоренко был брошен за решетку врач С. Глузман; позже осужден написавший книгу „Карательная медицина” А. Подрабинец; поочередно отправлены в концлагерь все члены правозащитной организации „Комиссия по расследованию злоупотреблений психиатрией в политических целях в СССР”; последним судили меня за публикацию статьи „Пациенты поневоле”, в которой я вскрывал механизм психиатрических репрессий.

Во всем мире врачи-психиатры с возмущением выступали против преступной практики советских карателей от психиатрии, против расправ над теми, кто не мирясь с этим, протестовал в самом Советском Союзе. Опасаясь исключения из ВПА, которое уже намечалось на съезде в 1983 г., советские психиатры позорно бежали из нее сами. Оставаясь достойными своих партнеров по репрессиям, они, как раз в стиле КГБ, обвинили ВПА в клевете и политизации (!) психиатрии. С тех пор, несколько изменив, однако, тактику, в СССР продолжали карать инакомыслящих с помощью психиатрической науки без оглядки на Запад.

...Все же в институте Сербского перестали, как прежде, бесцеремонно приклеивать диагнозы, особенно осторожно стали обращаться

с теми, кто был как-то известен в диссидентских кругах или на Западе. Во время обследования намекали испытуемому на возможность избежать концлагеря, если он не возражает против признания его психобольным. Зато на периферии активность карательной психиатрии резко возросла. КГБ старался „обезвредить” протестующего еще до того, как он смог заявить о себе. Еще не сформировавшись как диссидент, еще только ищущий пути и возможности для выражения протеста человек — уже попадал в сети психиатрического ГУЛАГа, откуда выходил или сломленным, или не выходил вовсе.

*

В эпоху „гласности” пропагандистская машина СССР усиленно насаждает мнение, что причиной всех негативных явлений советского образа жизни являются ошибки отдельных личностей, недобросовестно относящихся к своим обязанностям. Эту официальную формулу нашла очень удобной для оправдания своих преступлений карательная психиатрия.

В последние месяцы в советской прессе появилось несколько статей на тему о злоупотреблениях психиатрией в стране. Но о каких злоупотреблениях идет в них речь? Пишут о некоторых психиатрах-преступниках, которые, используя свое служебное положение в корыстных целях, с помощью психиатрического диагноза помогали уголовникам за взятку избежать заключения в лагерь. Сообщается даже о том, как милиция обманным путем помещала в психобольницы здоровых людей, а врачи-психиатры устанавливали им фальшивые диагнозы, и о том, какую активность проявляет психиатрическая служба, преследуя неугодных властям лиц.

Эти признания, безусловно, очень ценны, но ведь цель всех этих публикаций — свести представление о злоупотреблениях психиатрией в СССР к отдельным случаям нарушения своего профессионального долга некоторыми недобросовестными психиатрами и работниками административных учреждений.

Советская пропаганда всеми силами старается отрицать, что общезвестные факты психиатрических преследований в СССР — это спланированная карательным аппаратом стратегия политических репрессий, проводимая в государственных масштабах и уже имеющая свою мрачную историю.

Чисто по-советски оправдываются заставляя самих карателей. Эти, стараясь за себя и КГБ, перед которым они всегда пресмыкались, если не были его сотрудниками, способны, увлекшись, заявить даже, что Запад не имеет фактов их преступной деятельности. Будто и не жили и не живут на Западе их бывшие жертвы: В. Тарсис, П. Григоренко, Л. Плющ, Н. Горбаневская, Ю. Белов, В. Давыдов, Н. Ахметов и др., будто сейчас еще не истязают в „психушках“ нейрорепрессиями известных всему миру В. Клебанова, В. Титова*, С. Белова и многих других узников совести, которых давно уже могли показать западным психиатрам.

Нет! Палачи в белых халатах настойчиво калечат психику этих людей, терпеливо ожидая, когда эта психика потеряет способность и дальше выдерживать немислимые нагрузки. И вот тогда, когда удастся разрушить барьер ее сопротивляемости, они покажут свою жертву западным психиатрам и даже выпустят ее за границу. Психиатрам-каателям хорошо известно, что никто никогда не проводил таких изуверских опытов над здоровыми людьми, к каким можно приравнять их манипуляции с психикой инакомыслящих в условиях психобольниц, потому они уверены, что искалеченных психически людей трудно будет прямо называть жертвами их преступной практики.

Исследования этого вопроса — дело будущего, но уже сейчас можно говорить о расстройстве, спровоцированных длительным воздействием на психику сверхстрессовой ситуации и психотропами.

*

Что взять с какого-то Вартаняна, штатного адвоката советских карателей от психиатрии, или Тальце, которой совесть до сих пор еще позволяет называть психобольным многострадального А. Никитина? Их поведение напоминает наглость преступников, которым уже нечего терять. Вызывает недоумение, что некоторые западные психиатры, хоть и не высказываются в духе советских авторов, тем не менее, ведут разговоры о том, чтобы предоставить возможность совет-

ским психиатрам возвратиться в ВПА. Неужели президент этой организации К. Стефанис прельщается похвалой Г. Морозова, переданной ему прямо через печать?!

Что же это такое, господа? Кому из нас не известно, что и сейчас психиатрические репрессии в СССР не прекращаются? Совсем недавно до меня дошли сведения о насильственной госпитализации из Президиума Верховного совета СССР супругов Кутявиных, жалоба Мироновой, которой через несколько дней после незаконной госпитализации в психобольницу ее сына возвратили его изуродованный труп. Сейчас, в эти дни, зверски истязают в психобольницах кришнаитов, которых принуждают к публичному отречению от своей веры. В июне 1987 г. прорвались на волю заявления В. Титова и В. Клебанова о том, как их сейчас содержат в психобольницах.

И при всем этом считать, что советская психиатрия достойна стоять рядом с другими ассоциациями, всегда осуждавшими карателей? Быть может, самим западным психиатрам виднее, с кем им стоять рядом, но можно быть уверенным, что как только советские психиатры войдут в ВПА снова, они получат возможность громко заявить, что вышли из этой организации в 1983 г. добровольно по причине недостойного обращения с ними со стороны психиатров всего мира. Таким образом, ВПА еще окажется виновной. Во имя чего готова она принять на себя чужую вину? Вину карателей!

Неужели кто-то еще не понимает, что, принимая в ВПА советских психиатров, западная психиатрия подписывает карт-бланш советским карателям и что положение узников совести в психобольницах СССР станет после этого безнадежным? Последствия такого шага падут тяжкой (и уже настоящей!) виной на тех, кто примет это решение.

Но существует ведь возможность принять советских психиатров в ВПА на каких-то условиях. Некоторые даже формулируют эти условия „... если советские психиатры докажут, что с психиатрическими репрессиями в их стране покончено“. Не сомневайтесь, господа, это вам доказать смогут. И вот каким образом. Сверху спустят всем карательным подразделениям, например, такую директиву: „В течение такого-то времени выпустить из психобольниц всех инакомыслящих и на такое-то время прекратить преследования с помощью психиатрии“. Приказ может быть отдан даже в устной форме

* Перед публикацией статьи А. Корягина из страны были получены сведения, что В. Титов и В. Клебанов — отпущены из психозаключения. В. Титов выехал за границу. — Р е д.

и будет выполнен в считанные дни. И все увидят, что с этим злом в СССР уже „покончено”. Но вот надолго ли? Пока не поступит приказ начать все сначала. И такой приказ поступит. Когда основные цели советской пропаганды и советской карательной психиатрии будут уже достигнуты. Попробуйте тогда протестовать, господа.

Как врач-психиатр и правозащитник считаю своим долгом выразить личное мнение об условиях, на которых советских психиатров можно было бы принять в ВПА.

1. Советские психиатры должны признать, что в СССР имели и имеют место преследования инакомыслящих с использованием психиатрии и осудить этот вид репрессий.

2. Должны быть освобождены все, кто находится в психобольницах по политическим мотивам.

3. Советские психиатры принимают обязательное участие в созданном при ВПА „Комитете по расследованию злоупотреблений психиатрией”.

Самой собой понятно, что твердые гарантии, касающиеся деятельности „Комитета” на территории СССР, должно обеспечить советское правительство.

О ДЕКЛАРАЦИИ ПРАВ УМСТВЕННО ОТСТАЛЫХ ЛИЦ

Цитата из статьи юриста Ф. Незнанского „Казни-мые сумасшествием” в „Посеве” № 11/1987:

20 декабря 1971 г. Генеральной ассамблеей ООН была провозглашена Декларация о правах умственно отсталых лиц — на надлежащее медицинское обслуживание и лечение, образование, обучение, восстановление трудоспособности и покровительство. По международным законам умственно отсталое лицо имеет право (слышите, товарищ Чазов!) пользоваться услугами опекуна, право на защиту от эксплуатации, злоупотребе-

ния и унижительного обращения! А в заключительной седьмой статье Декларации сказано, что если вследствие инвалидности человек не может осуществлять свои права, то процедура, применяемая в целях ограничения его прав, должна предусматривать гарантии от любых злоупотреблений, а также предусматривать пересмотр и право на апелляцию в высшие инстанции.

Национальное законодательство СССР, определяющее правовой статус душевнобольных и слабоумных граждан, и практика его применения должны быть срочно пересмотрены и приведены в соответствие с международными нормами.

Согласно ст. 34 Конституции СССР советские граждане равны перед законом независимо от происхождения, социального, имущественного положения и других обстоятельств. Однако состояние здоровья граждан прямо не называется в числе „других обстоятельств”. Необходимо внести в Конституцию СССР указание, что граждане страны должны быть признаны равными перед законом независимо и от состояния здоровья, в том числе и психического.

Гражданин, который вследствие душевной болезни или слабоумия не может понимать значение своих действий или руководить ими, может быть признан судом недееспособным. Признание гражданина недееспособным влечет за собой изменение его правового статуса не только в аспекте гражданского, брачно-семейного и гражданского-процессуального, но и конституционного законодательства. Как гласит ст. 96 Конституции СССР; все граждане, достигшие 18 лет, имеют право избирать и быть избранными, за исключением лиц, признанных в установленном законом порядке умалишенными. А на основании ст. 19 Закона СССР о выборах в списки избирателей не включаются граждане, признанные умалишенными по решению суда. Таким образом, *вынесение решения суда о признании гражданина недееспособным порождает для него ряд весьма серьезных правовых последствий, в том числе — политических!* Поэтому правовые нормы, регламентирующие порядок рассмотрения таких дел, должны полностью исключить судебные ошибки. Только такая постановка вопроса будет до конца отвечать требованиям Декларации о правах умственно отсталых лиц.

Не бойтесь обогащаться!

В рубрике „Письма из России“, „Посев“ № 8, 1987, один из авторов, обеспокоенный возможным нарушением социального равновесия при новых экономических отношениях, ставит такие вопросы:

„Позвольте не согласиться с некоторыми моментами экономической программы НТС. В частности, хотелось бы обратить ваше внимание на то, что, на наш взгляд, именно форма собственности является решающим фактором в формировании общественных отношений и всех средств их регулирования, а не „процесс принятия решений“, как вы утверждаете. Далее, по вашему мнению, реформы хозяйственного механизма в стране должны привести к неуклонному развитию эффективности народного хозяйства. И нам думается, что именно так и будет. Предприятия в основной массе будут работать рентабельно, с прибылью. Но не приведет ли это к обогащению отдельных лиц и групп людей, в ведении которых будут находиться эти предприятия? И к их стремлению навязать другим свою волю через их экономическое порабощение? Вопрос этот, на наш взгляд, является принципиальным и в теоретическом и в чисто практическом аспекте. И вот почему.

Безусловно, реформа экономики будет начинаться при разных уровнях технического и организационного развития хозяйственных единиц. Следовательно, одни единицы будут находиться в лучших условиях и иметь более высокие доходы, а другие в менее благоприятных и иметь доходы более низкие. Объективные условия существования окраинных предприятий более сложные, нежели в центральных районах страны. Поэтому следует ожидать их менее интенсивное развитие. Смогут ли государственный механизм регулировать эти негативные моменты, которые могут возникнуть в общественных отношениях, исходя из принципов солидаризма? Если сможет, то как это будет осуществляться?

Нам кажется, что мы значительно продвинулись во взаимопонимании. Однако стало возникать и больше вопросов. Эти вопросы возникают из желания найти эффективные пути улучшения жизни людей“.

Мы попросили нашего сотрудника И. Березина высказаться по этим вопросам. Но сама тема — отстройка реальных форм социальных и государственных механизмов, в частности „исходя из принципов солидаризма“, — настолько важна и объемна, что дальнейшее обсуждение этих проблем (в статьях, письмах) необходимо. В других письмах из России будут, естественно, ставиться другие, не менее важные, проблемы. Мы приветствуем участие наших читателей, особенно в стране, в обсуждении подобных вопросов, выдвигаемых жизнью и реальным переломом в нашем общественном сознании.

В связи с намечающимися в стране изменениями в экономике, в частности: переходом предприятий на полную самоокупаемость, некоторыми послаблениями в сфере частного предпринимательства и т. п., — в письмах из России к нам, за границу, и в письмах читателей в редакции советских газет заметна некоторая обеспокоенность возможными отрицательными последствиями большей экономической свободы.

Что же, повод для подобных опасений есть: то, что раньше называлось „нетрудовыми доходами“, „рвачеством“ и т. д., частично „реабилитировано“ и довольно большое количество людей уже вполне легально зарабатывают намного больше, чем простой рабочий или служащий. Не все в состоянии, по тем или иным причинам, принять участие в этом процессе „обогащения“, что, естественно, возбуждает в некоторых гражданах зависть, а нередко — и прямое сопротивление этому процессу в виде публичных доносов, прикрывающихся личиной „защиты завоеваний социализма от пособников капитализма“. „За что мы проливали кровь в 17-м году?“ — возмущенно вопрошают (нет, не только те, которым по службе положено)

простые трудящиеся. И уже в совершенно непотребных выражениях добиваются наказания „коммерсантов“ (чья национальная принадлежность как-то сразу бросается в глаза) и возвращения к старым, добрым временам. К временам, когда: „массовыми явлениями стали апатия и безразличие, воровство, неуважение к честному труду и одновременно агрессивная зависть к тем, кто много зарабатывает“.* Это совершенно правильное замечание нуждается только в одной существенной поправке, а именно: подобные явления возникли не в результате „периода застоя“, то есть за последние 20 лет, а за все 70 лет „социалистического способа производства“ (произвола), обещавшего всем „по потребностям“ в обход элементарных экономических законов, в частности — стремления людей хорошо зарабатывать.

Есть, правда, одна форма „обогащения“, достойная не только общественного порицания, но и уголовного наказания: воровство, коррупция, грабеж. Но не об этом речь. Несколько сложнее определить свое

* Н. Шмелев. „Авансы и долги“. „Новый мир“ № 6, 1987.

отношение к „обогащению” тех граждан, которые, воспользовавшись одной из характерных сторон советской действительности — вечным дефицитом, — извлекают максимальную прибыль из продажи дефицитных товаров, часто за счет потребителя, которому и деваться некуда: хочешь нормально питаться и обуваться, гони деньги. Кто эти люди — „рвачи”, „хапуги”, „спекулянты”? Несомненно, элемент спекуляции, бесстыдной эксплуатации плохо обеспеченного рядового советского гражданина тут есть. Но этим проблема не исчерпана. Кто виноват? Совершенно ясно, что не „спекулянт”, а дефицит. Откуда этот дефицит? „Социалистический способ производства и распределения”.

Отрицательное отношение к слову „обогащение” в этом контексте понятно и даже в какой-то мере оправданно. А если отвлечься от „суровой” советской действительности? В таком случае понятие „обогащение” принимает совершенно другое значение — справедливое вознаграждение за честный и эффективный труд. Степень обогащения определяется желанием потребителя приобрести данный продукт предприятия, то есть конкурентоспособностью последнего.

Естественно, что в обществе, основным принципом существования которого является свободное предпринимательство и конкуренция и распределение национального дохода по принципу эффективности вложенного труда, — возникает неравенство. Такое неравенство, однако, не только справедливо, но и желательно: оно является неким мощным механизмом, способствующим возникновению интенсивного соревнования членов общества за наибольший доход, и, в конечном итоге, определяющим степень благосостояния всего общества.

Было бы, однако, неправильно во всем и вся полагаться на чудодейственный механизм свободного рынка. И он имеет много существенных недостатков, особенно в сфере обеспечения социальной справедливости. Последовательное проведение в жизнь чисто рыночных отношений автоматически приводит к так называемому принципу „естественного отбора” лучших, особенно в условиях сегодняшней технической революции, требующей высококвалифицированных специалистов. Некоторые члены общества в силу ряда причин (врожденный талант, лучшее образование, благоприятная социальная среда, наличие стартового капитала и т. д.) имеют больше шансов добиться желаемого резуль-

тата. Таким образом, менее способные, но желающие принимать участие в экономической и политической жизни государства становятся „лишними”. Ни одно современное общество, тем более общество демократическое, не может себе позволить объявить этих людей вне общества уже из чисто практических соображений: опасности социальных взрывов, радикализации части населения и других явлений, парализующих нормальную жизнь государства.

В большинстве западных государств отрицательные явления такого рода исправляются социальным законодательством, в основе которого лежит принцип солидарности всех членов общества: каждый гражданин своим вкладом оказывает поддержку тем, кто в силу определенных причин не в состоянии обеспечить себе достаточный уровень жизни.

Обещание полной застрахованности от всех невзгод жизни, однако, не может дать ни одно государство. Подобное обещание — всего лишь демагогический прием в политической борьбе, обращающийся к наиболее необразованной части населения. Речь может идти только о застрахованности от издержек чисто рыночного хозяйства, т. е. обеспечения нормального уровня жизни тем, кто не в состоянии сделать этого по независящим от них причинам — инвалидам, умственно и физически неполноценным и проч. Пособия получают и те, чей труд в данный момент не требуется: безработные, больные. Помощь этим людям имеет временный характер: оказывается она как „помощь для самопомощи”, то есть выдается на преодоление временных трудностей и для поиска места работы...

Помощь оказывается также тем, кто в силу ряда причин (многодетность, низкооплачиваемая должность) не в состоянии полностью нести бремя расходов.

Можно привести еще больше примеров исправления социально негативных последствий свободного рынка — пособия учащимся, страховка по болезни и т. д., и описать это более подробно с учетом специфики переходного периода от плановой экономики к свободному рынку...

Так что не надо бояться понятий „обогащение” и „социальная несправедливость” — эти явления суть признак „нормальности” государственного механизма. Они естественны.

И. Березин

Принцип оптимальной поддержки

Роман РЕДЛИХ

„Определение понятия. — Наименование 'принцип субсидиарности' взято с латинского понятия 'субсидиум' — помощь, поддержка. Отсюда заглавие этой второй части книги — 'Оптимальная поддержка'. Подразумевается, что общество для того и существует, чтобы оказывать поддержку своим членам, предоставлять им преимущества и приносить пользу. Следовательно оно должно делать то, что на самом деле приносит им реальную пользу, причем именно это и только это; то, что приносит им страдания, ущерб и вред, недопустимо. В этом сразу же выражаются обе стороны принципа оптимальной поддержки: положительная, указующая и требующая (аффирмативная, позитивная), и отрицательная, отвергающая и обороняющая (негативная). Глядя с положительной стороны, к обществу ставится требование оказывать активную помощь. Отрицательная сторона представляет собой обратную или, как говорится, 'другую' сторону медали: общество не должно предпринимать ничего, что было бы противоположностью помощи и поддержки, ничего, что ничем не способствует, а напротив вредит его членам”.

Так начинается вторая часть книги Освальда фон Нелль-Брейнинга „Построение общества”, перевод которой вышел в издательстве „Посев”*. Автор — прямой последователь австрийского солидариста Генриха Пеша, виднейший из ныне живущих теоретиков солидаризма, доктор богословских и юридических наук, профессор высшего богословского училища св. Георгия и профессор университета во Франкфурте-на-Майне, с 1948 по 1965 год — советник возглавлявшегося тогда Людвигом Эрхардом министерства хозяйства новорожденной ФРГ, соавтор доктрины социально-рыночной экономики, участвовавший в создании послевоенного, так называемого, „немецкого чуда” — восстановления разрушенной после войны экономической жизни ФРГ и превращения ее в одну из ведущих индустриальных держав. Мы думаем, что немалое значение в этом восстановлении имело применение разработанного

и представленного им солидаристического принципа оптимальной поддержки — с его требованием *благого состояния для всех*.

Нелль-Брейнинг заканчивает свое определение данного понятия словами: „Каждый разумный человек, казалось бы, должен понять это и согласиться с этим, находя это само собой разумеющимся”. Верно. Однако еще Аристотель в своей „Метафизике” отметил, что труднее всего понять простейшие истины, и труд, посвященный анализу, казалось бы, само собой разумеющегося принципа стоит на наш взгляд читательского внимания. Ибо по словам самого Брейнинга:

„Голое утверждение, что весь состав общества всегда должен быть источником действенной поддержки для его членов и ни в коем случае не помехой или причиной ущерба, мало что дает на практике. Тут нужен еще и отличительный признак, масштаб оценки, по которому можно определить, будет ли то, что собирается предпринять то или иное сообщество, полезной поддержкой для его членов или наоборот — оно будет лишь отягощать их, станет для них помехой или принесет им ущерб. Если мы лишь впоследствии устанавливаем: данное мероприятие было благом для членов объединения, а другое принесло им вред, то это слишком поздно. Нужен отличительный признак, ориентир, по которому мы могли бы судить вперед: вот это мероприятие, — если, разумеется, оно удастся, — обещает послужить на пользу каждому члену сообщества, а вот это — можно заранее сказать — не принесет никакой пользы, но напротив будет им только помехой. Имея такой ориентир, можно вовремя и верно решить, следует ли предпринять или отбросить предлагаемое действие”.

Ориентир заключается в том, что поддержка должна быть именно оптимальной, ибо не всякая помощь всегда и везде нужна. Иной раз она и вредна. *Помощь отнюдь не должна превращаться в опеку*, ущемляющую самостоятельность личности. По Нелль-Брейнингу —

„содержание принципа оптимальной поддержки тотчас же уясняется, если выразить его в форме предположения:

Если отдельный человек (или отдельный коллектив), предоставленный самому себе, не в состоянии справиться с превышающей его силы задачей и вы-

* Освальд фон Нелль-Брейнинг. Построение общества. Пер. с нем. Р. Н. Редлиха. Посев. Австралия, 1987.

нужден искать опоры в охватывающем его обществе, то это общество обязано оказать ему необходимую поддержку, которая будет тогда подлинным проявлением солидарности.

Если же отдельный человек (или коллектив) способен сам справиться со своими делами, то охватывающее его общество не должно вмешиваться в его деятельность, навязывая ему свою помощь, потому что такая помощь будет не оптимальной поддержкой, но напротив умалением его самостоятельности”.

В этой формулировке выражены еще раз две решающих стороны принципа оптимальной поддержки, положительная и отрицательная, на которые Нелль-Брейнинг с основанием указывает в своем определении понятия этой поддержки. Для нас, русских, в наших условиях загнивающего социализма и разваливающейся партийной опеки, гораздо важнее, конечно, отрицательная или, говоря словами Брейнинга, „отвергающая и обороняющая” сторона принципа оптимальной поддержки. Нам важно прежде всего избавиться от неотступной парализующей партийно-государственной опеки, нам нужнее всего возможность инициативной самостоятельной деятельности, без руководящих указаний, без государственных задач и заданий.

Такая позиция не означает, конечно, отрицания государства. Говоря словами Нелль-Брейнинга:

„чтобы вести упорядоченный образ жизни в мире и безопасности, зная права и обязанности каждого, не обходим ясный правопорядок; в него входит конституция и законы; в него входит судоговорение и многое другое. Законодательствовать не может, однако, отдельный человек, законодательствовать может только общество. В силу этого оно имеет право и обязано издавать необходимые законы и учреждать суды, которым и надлежит выносить решения там, где возникают споры в истолковании закона или когда закон нарушается и нужно принять меры против нарушителя. Отдельные участники уличного движения не могут самовольно диктовать право преимущественного выезда на перекресток; это должно устанавливаться властью общества в общеобязательном порядке. Или: отдельный гражданин не может бороться с распространением заразных заболеваний или вредителей сельского хозяйства; он нуждается для этого в мероприятиях, которые должны проводиться везде и для всех, и могут быть введены поэтому только господствующей на данной территории государственной властью.

Таких примеров можно привести множество. Каждый знает, что публичными организациями

(государством, местными властями или иным начальством) принимается множество мер, в силу того, что по самой своей природе такие меры не могут быть предприняты, а зачастую даже немыслимы для отдельного члена общества”.

Во многих, если не просто в большинстве случаев, однако, задачи, непосильные для отдельных лиц, могут с успехом разрешаться вольными гражданскими ассоциациями либо самостоятельно, либо с помощью государственной власти, но не под прямым государственным управлением. И здесь Нелль-Брейнинг приводит убедительные примеры:

„Так, ученый хочет произвести научное исследование, скажем, нового метода лечения рака. Такого рода исследование по силам выдающемуся специалисту с большим опытом, но даже и величайший ученый не может вести его в одиночестве; он нуждается в помощи ассистентов, научных, технических и иных сотрудников и в материальных средствах (в соответствии оборудованной лаборатории). Эту помощь может оказать ему общество. Во многих случаях это делает государство, но с солидаристической точки зрения лучше, если это сделают вольные общественные организации, как, например, в ФРГ Союз благотворительных фондов немецкого народного хозяйства. Или: в периоды жилищного кризиса государство вызывает поддержку в форме дотлат и дешевых кредитов тем, кто хочет построить себе жилище. Без этой поддержки многие желающие не смогли бы осуществить свои строительные замыслы. Эта помощь не снимает с них, однако, заботу об индивидуальном или кооперативном строительстве: государство не берется строить для них жилище, но своей поддержкой создает им возможность построить его и жить в нем”.

Не говоря о народном хозяйстве, которое во всех трех секторах (государственном, общественном и частном) должно развиваться собственными силами на основе самоокупаемости и не рассчитывать на субсидии из государственных средств, задача солидаристической политики, особенно в России (когда она станет демократической, конечно), добиваться максимальной самостоятельности не только хозяйственных предприятий, но и любых свободных ассоциаций везде, где это возможно. *И принцип оптимальной поддержки, как конкретное выражение идеи солидарности, становится здесь важнейшим ориентиром.* Этот принцип не возлагает на государство и его органы обязанность выплачивать субсидии частным благотворительным организациям, частным курсам и школам,

театрам, издательствам, музеям или ассоциациям молодежи. Однако такие субсидии нередко желательны, а в иных случаях и просто необходимы, хоть в них и заложен, конечно, риск, что руководители субсидирующей инстанции невольно, а порой даже не отдавая себе в этом отчета, начнут выступать в роли опекунов, а там, глядишь, и хозяев субсидируемой ими ассоциации.

И тут приходится обратиться к отрицательному сдерживающему аспекту принципа оптимальной поддержки, означаемому в первую очередь защиту самостоятельности граждан и создаваемых ими вольных ассоциаций от вмешательства в их решения и в их деятельность, путем пусть благоприятной, но чрезмерной поддержки. Анализируя это явление, Нелль-Брейнинг пишет, что соблазн тут заложен

„в свойственной человеку лени, в том, что получить помощь со стороны бывает удобней и проще, нежели потрудиться самому. Распространившийся в наше время обычай при малейшем затруднении требовать помощи со стороны и в частности поддержки государства прямо противоречит принципу оптимальной поддержки. Государство, поддающееся такого рода требованиям, — а в ходе предвыборных кампаний это стало теперь просто правилом, — и раздающее направо и налево или, по крайней мере, обещающее денежную и иную помощь — грешит еще больше. Когда граждане, вместо того чтобы быть опорой государственной власти, цепляются за нее, как ребенок за юбку матери, то это свидетельствует о разложении гражданской этики и грозит распадом государственности. Принцип оптимальной поддержки в его негативной функции отказа от излишней помощи проявляется здесь как фактор защиты здоровых гражданских начал"... „Не только профессиональным политикам, но и каждому сознательному гражданину следовало бы не только время от времени вспоминать о пределах разумной помощи, но постоянно иметь их в виду и мерить все, что совершается государственной властью и общественными организациями, масштабом субсидиарности".

*

В своей книге Нелль-Брейнинг описывает три случая, когда в ходе отстройки демократической государственности в послегитлеровской Германии принцип оптимальной поддержки был предметом широкой общественной дискуссии, в которой он участвовал в качестве эксперта. Это было, во-первых, при обсуждении вопроса помощи мно-

годетным семьям, во-вторых, при обсуждении системы социального обеспечения и, в-третьих, при обсуждении вопроса о внешкольном воспитании молодежи. Для солидариста Нелль-Брейнинга в такого рода обсуждениях прежде всего важно решить вопрос об определении компетенций государственных и муниципальных властей, так как совершенно естественно, что эти власти склонны расширять круг своих полномочий, отнесясь на задний план деятельность вольных ассоциаций. Элементарным же требованием — не перенимать у свободных гражданских объединений то, с чем они могут справиться сами, дело не решается, хотя бы уже потому, что *объем их возможностей в очень значительной мере зависит от политики государственной власти*. Как правило, они тем больше, чем демократичнее государственное устройство. У нас — при диктатуре КПСС — как в свое время в гитлеровской Германии, они практически сводятся к нулю.

Приведем примеры, которые Нелль-Брейнинг черпает из собственного опыта отстройки свободной общественности, разрушенной было гитлеровской системой национал-социализма:

„Так, например, — пишет Нелль-Брейнинг, — увеличивая налоговое обложение до такой степени, что у граждан остается слишком мало денег для поддержки благотворительных организаций, государство чувствительно затрудняет деятельность последних. И разумеется, что, действуя таким образом, государственная власть не имеет права заявлять, обращаясь к добровольным благотворителям: раз вы не в состоянии выполнить ваши задачи, я сама займусь ими. То же самое получается, если государство поднимает свои требования к благотворительным обществам выше их сил (например, в материальном обеспечении занятых в них работников) или начинает выпускать сложнейшие предписания, разобраться в которых могут лишь квалифицированные профессионалы и исполнение которых невозможно обеспечить без принудительных мер"... „Идушему во вред делу (благотворительности, воспитанию юношества и т. п.), неправомерному употреблению власти со стороны центральных или местных органов государства — должен быть поставлен предел. Для этого не нужна даже ссылка на принцип оптимальной поддержки. Превышению власти надо противостоять везде и всегда. И когда законодатель урезывает полномочия исполнительной власти на местах даже больше, чем это подсказывает принцип оптимальной поддержки (как это сделал, например, парламент ФРГ созыва 1957–61 гг.), то это имеет под собой солидные основания. Немалый опыт последних де-

сятилетий дает полное право признать, что такое ограничение полномочий — единственное реальное средство против возможных злоупотреблений. Принимаемые законодателем такого рода решения сводятся к тому, чтобы закрепить за вольными ассоциациями и церквями преимущественное право не только там, где у них уже есть готовые организации, кадры и средства для их создания. Достаточно уже, если имеется воля к их созданию и не хватает только финансовых возможностей. В таких случаях задача местной власти не самой устраивать нужный объект, но предоставить добровольной ассоциации необходимую поддержку, разумеется, при условии, что эта ассоциация хочет и может ею воспользоваться. В этом случае, в противоположность тому, что годами делалось и делается во многих странах, закон обязывает местную власть путем *оптимальной поддержки расширять возможности деятельности вольных ассоциаций*. Таким образом, за ассоциациями закрепляется не только то, что они уже делают, но и то, что они могут сделать”.

Сказанное действительно, разумеется, и для распределения компетенций центральной и местной власти, особенно при отстройке федеративной государственности, без сомнения лучше всего отвечающей требованиям свободной солидарности. Но оно же действительно и для интернациональной взаимопомощи, в первую очередь, для поддержки, которую передовые высокоразвитые страны могут и должны оказать так называемому „третьему миру”. Здесь тоже, очевидно, нужна не столько собственная предприимчивость и отнюдь не так называемая „незаинтересованная помощь без всяких условий”, передаваемая правительственным инстанциям, сколько оптимальная поддержка начал гражданской самостоятельности везде, где они начинают пробуждаться.

*

Главная ценность книги Нелль-Брейнинга о двух принципах общественного строительства заключается, на наш взгляд, не только в социологическом рассмотрении принципа солидарности, которому посвящена первая часть его труда. Принципиальные основы солидаризма рассматривались и до него — не только его прямым предшественником Генрихом Пешем, но и рядом французских солидаристов, начиная с Пьера Леруа и Леона Буржуа, а еще лучше и философски глубже — русским философом Семеном Франком в

его замечательной книге „Духовные основы общества”.

Оригинален и чрезвычайно ценен у Нелль-Брейнинга изложенный во второй части его книги, оснащенный целым рядом примеров из политической практики — анализ принципа оптимальной поддержки, который мы и попытались воспроизвести здесь в повневоле лаконичной форме короткой журнальной статьи.

Нам кажется, что в результате этого разностороннего и вдумчивого анализа Нелль-Брейнингу удалось показать, что требование оптимальной поддержки есть конкретное приложение идеи солидаризма к управлению общественной и государственной деятельностью, *методологический прием, с помощью которого можно найти солидаристическое решение если не всех, то многих проблем общественного строительства*, во всяком случае, там, где дело касается взаимоотношений государства и общества. По его собственным словам:

„Принцип оптимальной поддержки требует, чтобы вопросы общего и, в этом смысле, общественно-го значения, насколько это возможно, перепоручались общественным (негосударственным) организациям, освобождая от них государственные органы и передавая их таким образом тем, кого они непосредственно касаются. Такой подход непосредственно связан с достижением общего блага, а тем самым — с принципом солидарности. Там, где людям приходится заботиться об общем достоянии, им ведь приходится проявлять солидарность. Объединившись друг с другом и образовав таким образом дееспособное сообщество, они становятся способны применить к поставленной задаче и принцип оптимальной поддержки. Если до сих пор той или иной задачей занималось государство, то оно должно было бы передать ее теперь вольным общественным ассоциациям. Можно себе представить и можно считать желательной передачу для этого вольным сообществам не только хозяйственных, но и многих других дел, за исключением тех, которые в силу своего политического характера должны оставаться в компетенции государственной власти, перед которой вольные сообщества продолжают нести ответственность как перед высшим арбитром общественного блага”.

В настоящее время мир (а особенно наша страна) еще очень далек от такого положения вещей, но именно к нему стремится солидаризм, в котором мы видим идею нашего будущего.

Возможна ли перестройка отношения к религии?

Михаил НАЗАРОВ

Специальных заявлений о каком-либо новом отношении к религии советские руководители пока не делали. В выступлениях Горбачева, например, на „переломном“ XXVII съезде КПСС, конечно, можно найти упоминание о необходимости улучшения атеистического воспитания. Однако оно втиснуто в стандартную фразу в числе прочих пожеланий: улучшить воспитание „трудовое, нравственное, идейно-политическое“ — все это соседствует в одном предложении. На фоне энергичных требований генерального секретаря в других областях „перестройки“ создается даже впечатление, что он не придает борьбе с так называемыми „религиозными пережитками“ сколько-нибудь принципиального значения.

Наиболее резкое антирелигиозное заявление Горбачева, когда он потребовал „решительной и бескомпромиссной борьбы с религиозными проявлениями“, было сделано в ноябре 1986 года во время беседы с руководителями Узбекистана. Но и это выступление вряд ли показательное, поскольку оно касается республики, провинившейся в годы „застоя“ — в связи с делом Рашидова — больше других. Всего за несколько дней до этого, в интервью индийскому телевидению, Горбачев похвалил роман Чингиза Айтматова „Плаха“, ставший, как нам кажется, прецедентом положительного отношения к христианству. При этом не забудем, что цензура сделала попытку приостановить публикацию „Плахи“ после появления ее первой части в „Новом мире“ № 6 за 1986 г. (следующие части романа были напечатаны с перерывом в месяц — в №№ 8 и 9).

„Гласность“ и религия

Такая сдержанность высшего руководства в отношении религии тем более интересна, что в советской прессе наблюдается совершенно иная картина. Введение „гласности“ коснулось и религиозной темы. Впервые на

страницах целого ряда центральных изданий — сначала все из-за той же „Плахи“ — завязались жаркие дискуссии о религии, о ее месте в жизни социалистического общества.

В количественном отношении число атеистических публикаций, несомненно, перевешивает число попыток защитить культурную и нравственную ценность религии. Но и здесь трудно усмотреть признак целенаправленной антирелигиозной кампании. Скорее это выглядит как оборонительные бои воинствующих атеистов. И вряд ли имеет практическое значение количество набивших оскомину „классовых аргументов“ со ссылками на Маркса и Ленина. Атеисты проигрывают эту дискуссию хотя бы уже потому, что им нечего сказать нового. Тогда как впервые открывшаяся возможность более откровенной трактовки религиозных вопросов привлекает внимание читателей своей новизной и смелостью. Таковы, помимо „Плахи“, и другие материалы в „Новом мире“ (например, статья А. Нуйкина „Новое богословие и старые догмы“ в № 4, 1987); религиозное ощущение присуще многим произведениям, опубликованным в этом журнале, и не только в нем. Разумеется, это заслуга литераторов, а не партийного руководства, но возможно такое только при „пустительстве“ сверху.

Впервые появились в советской прессе и материалы об ущемлении прав верующих. Например, газета „Московские новости“ (25.1.87) с явной симпатией к группе православных описала их безуспешную борьбу за регистрацию своего церковного прихода. Аналогичный материал о борьбе за ремонт храма поместила „Литературная газета“ (15.7.87).

Особенно откровенна третья, обнаруженная нами статья на эту тему, заголовок которой говорит сам за себя: „Мнение против закона“. Журналист Александр Нежный пишет в „Московских новостях“ от 16.8.87:

„ДО 1962 ГОДА в Кирове было два православных религиозных общества и две действующие

церкви — Федоровская и Серафимовская. В 1962 году в соответствии с принятой в те времена установкой, что в недалекий уже коммунизм следует вступать без верующих или по крайней мере с минимальным их количеством, Федоровская церковь была закрыта, а ее община перестала существовать. Поскольку городские власти были, кроме того, охвачены великими планами реконструкции набережной, то церковь, расположенную на высоком берегу Вятки, снесли. На ее месте предполагалось воздвигнуть монумент в честь 600-летия города, однако эта заманчивая идея воплотилась пока что в грубую бетонную плиту, под которой покоится капсула с посланием к потомкам...

Зато выстроили городской туалет, причем секретарь горисполкома стеной встала за то, „чтобы туалет находился непременно возле главного входа в Серафимовскую церковь”. Она, единственная в городе, всегда набита битком, „руки не поднять, чтобы перекреститься”. Местный Совет по делам религий и прокурор, вместо того, чтобы „охранять” (!) права верующих, поддерживали противозаконное „мнение” горисполкома о „нецелесообразности” открытия нового прихода.

И вот в ходе „перестройки” „верующие старинного русского города, честные труженики, обнаружили в себе чувство гражданской полноценности” и направили Генеральному прокурору СССР 42-е по счету обращение с жалобой на препятствия местных властей открытию нового прихода. Результат — пока лишь эта публикация в „Московских новостях”, но с далеко идущим выводом:

„Глубочайшая мысль перестройки состоит, если хотите, в том, что мы лишь тогда сможем вывести экономику страны из ее нынешнего предкризисного состояния, когда уважение к закону и безусловное соблюдение прав человека — в том числе и права на свободу совести — станет абсолютной нормой нашей жизни”.

Такие статьи, несомненно, могут служить опорой для десятков других групп мирян, борющихся за открытие новых приходов.

Конечно, официальные органы печати далеки от того, чтобы поощрять граждан на борьбу за открытие храмов. Эти случаи описаны в порядке укрепления общей „социалистической законности”. Однако, если власти хотя бы начнут соблюдать свои законы, в данном случае это будет шаг к улучшению положения верующих. Ведь существующий закон о том, что группа в 20 верующих име-

ет право на открытие храма, — и по сей день фиктивен.

„....Откликнуться на зов нуждающегося в тебе Отечества”

Все более частым явлением становятся интервью религиозных деятелей советским средствам массовой информации, начало которому положило интервью польского примаса кардинала Юзефа Глемпа „Литературной газете”. Ранее такого не бывало, чтобы по центральному телевидению мог выступить митрополит и отвечать на телефонные звонки телезрителей — это произошло 16 июня 1987 г. в программе „Резонанс” с участием митрополита Минского и Белорусского Филарета. С конца июля по первой программе намечено регулярное проведение тележурнала „Религия и политика”, в которой будут дискутировать верующие и неверующие.

Включившийся в „перестройку” главный надзиратель за религией в СССР, председатель Совета по делам религий при СМ СССР К. Харчев объясняет эти новшества так:

„...если мы говорим сегодня о необходимости новых подходов к источникам застарелых конфликтов, это в полной мере относится и к конфликтам на религиозной почве... Верующих в нашей стране меньшинство, и нам надо позаботиться, чтобы это меньшинство не чувствовало себя в изоляции; чтобы рассеять предрассудки и предубеждения в отношении друг друга. [...] В первые годы Советской власти публичные обмены мнениями подобного рода были в порядке вещей — можно вспомнить дискуссии наркома просвещения Анатолия Луначарского с митрополитом Александром Введенским. Сейчас эта традиция возрождается” („Московские новости”, 26.7.87).

Надо полагать, что при этом не возродится „традиция” расстреливать митрополитов, тоже существовавшая в первые годы советской власти. Но как ни относиться к подобным речам об „уважении чувств верующих”, — а слышать их можно было много и в годы усиления гонений, — все же в общем контексте всех приведенных фактов слова Харчева свидетельствуют о наметившейся большей терпимости к религии. Видимо, „меньшинство” верующих составляет все же немалую часть общества, с которой нельзя больше не считаться. В какой-то мере это отражено и в статье А. Проханова в „Литературной России” (3.4.87), в которой „церковники и де-

мохристиане", „уповающие на примиряющую, очистительную роль церкви в общественной жизни", „радующиеся все более частому появлению клубка на телевизионных экранах" — упомянуты как составная часть сложного общественно-политического спектра в стране, которая тоже должна откликнуться „на зов нуждающегося в тебе Отечества".

Крещение Руси: новые акценты

Особенно заметно изменение отношения к Церкви в средствах информации, предназначенных для заграницы. Все чаще в материалах ТАСС или АПН можно найти положительные оценки православия в русской истории и Церкви в сегодняшней борьбе за мир. Например, в мае АПН взяло интервью на эти темы у митрополита Киевского и Галицкого Филарета; в июле на пресс-конференции в МИД СССР выступил митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим. Увеличению количества таких материалов способствует и предстоящее 1000-летие Крещения Руси, однако нападки на это событие, подобные переиздаваемым в стране книгам Гордиенко, на Запад не передаются. Это своим гражданам можно по инерции твердить о реакционности исторического христианства. На Западе же и партийным функционерам порою хочется выглядеть представителями страны с тысячелетней христианской культурной традицией.

Впрочем, и внутри страны в этом отношении все больше утверждается компромиссная формулировка, отраженная и в выступлении секретаря ЦК КПСС А. Яковлева 17 апреля на совещании ученых-обществоведов в Академии наук СССР:

„Понятно, что принятие христианства способствовало связям Киевской Руси с тогдашними центрами цивилизации, прежде всего в культурной сфере и политической жизни. В этом, как и в некоторые другие периоды истории, особенно до начала книгопечатания, церковь сыграла определенную просветительскую роль, умалять которую нет оснований. Но, как говорится, богу — богово, церкви — церковное, а нам, марксистам — полнота правды. И с этих позиций должны быть отвергнуты любые попытки изобразить христианство как „мать" русской культуры. Князь Владимир пригласил христианство не в плещу первобытного племени, а в сложившееся государство, уже обладавшее самобытной культурой..." („Вестник Академии наук СССР" № 6, 1987).

Отповедь „попыткам изобразить" направлена здесь неизвестно в чей адрес, ибо существование самобытной русской культуры до принятия христианства никто не отрицает. Но интересно, что автор этого высказывания, теперь уже член Политбюро ЦК КПСС, положительной роли христианства не отрицает тоже...

Избегая прямого ответа на вопросы: „Пробуждать и поддерживать религиозность или, напротив, научное мировоззрение? Возвеличивать церковь, царей, эксплуататорские классы или, наоборот, в согласии с истиной воспитывать уважение к прошлому народа, его творчеству, великим эстетическим творениям?" — А. Яковлев предлагает „нашим историкам-марксистам сказать свое твердое слово по этой проблеме". Как будто марксизм тут до сих пор не высказался. Разве что по-настоящему „перестроившиеся" историки когда-нибудь откроют действительно „полноту правды": что все противопоставления здесь, в том числе религии и науки, — надуманные. Однако в странной — вопросительной — форме стали даваться руководящие указания по отношению к краеугольным камням марксистской теории.

Нельзя не заметить и того, что иерархов Русской православной Церкви, выезжающих за границу, стали чаще приглашать на дипломатические приемы в советские посольства*, например, в США. Когда епископы посещают Нью-Йорк, они наносят там визиты и постоянно представителю СССР при ООН. В Западной Германии в этом году советское посольство объявило о предстоящем бесплатном распространении журнала „Религия в СССР" на немецком языке и, впервые за все время своего существования, устроило прием для западногерманских церковных деятелей с показом фильма о монастыре на Украине (хорошо, что территории, на которых только и сохранились, в основном, действующие монастыри, до 1939 года были вне сферы влияния „победившего социализма", а то пришлось бы показывать старые фотографии...).

Это стремление советских дипломатов выглядеть представителями цивилизованной державы, конечно, соответствует пропагандным целям режима. Особенно это бросается

* Такие факты приводит сотрудница исследовательского отдела радио „Свобода" О. Антич в бюллетене РС 75/87.

в глаза в связи с той неподобающе назойливой и необъективной политической ролью „борца за мир” (т. е. против *западного* вооружения), которую власти навязывают Церкви в ее внешних сношениях. Эта плата Церкви за повышение своего общественно-политического престижа тягостна. Однако у нее есть и другая сторона, несомненно осознаваемая церковным руководством: это дает возможность Церкви добиваться и от власти каких-то уступок. Вот только используют ли возглавители Церкви для этого все возможности? Возврат Даниловского монастыря — не слишком крупная победа, чтобы убедительно ответить на нередкие упреки паствы, что на высших весах такие компромиссы иерархов больше дискредитируют Церковь, чем ее укрепляют...

„Советы кесарю”

Руководство КПСС пошло на некоторое повышение общественного статуса Церкви не от хорошей жизни. Еще Сталин в трудные военные времена продемонстрировал, что партии бывает нужен моральный авторитет Церкви. Тогда это понадобилось для поднятия патристических чувств, теперь это скорее элемент более динамичной внешней политики. Но, может быть, и внутриполитические задачи, в частности, возрождение нравственности народа, примиряют какую-то часть советского руководства с деятельностью Церкви?

Однако отмечаемые нами признаки изменения отношения властей к Церкви объясняются не только упорочием „социалистической законности”, стремлением использовать моральный авторитет Церкви во внешней и внутренней политике, и не только пропагандой. Думается, что в основе всего этого лежит молчаливое осознание партий того обстоятельства, что долгие годы гонений на религию в Советском Союзе не дали желаемых результатов. Можно сказать, что коммунистическая идеология проиграла войну с Богом. В советском обществе уже давно проявилась все усиливающаяся тяга к религии — достаточно указать на творчество наиболее авторитетных современных писателей. Религия, после 70 лет борьбы с ней атеистического государства, оказалась неискоренимой духовной реальностью в жизни общества. Пока жив человек, будет жива

и религия. Ибо мысль о Боге, хотя бы в определенных моментах жизни, не может не приходиться на ум — такова природа мира и природа человека. Хочется надеяться, что хотя бы часть советского руководства, пусть в своих прагматических целях, будет больше считаться с этим.

Основания для таких надежд дает и практика других социалистических стран, где отношение компартий к религии более терпимо. По сравнению с ними КПСС сама загнала себя в угол: чем догматичнее идеология, тем более враждебными воспринимаются ею иные мнения. Даже, в сущности, не опасные и не политические явления, как, например, творчество художников-нонконформистов — такой догматизм превращал в политического врага. И стоило прекратить „бульдозерный” отпор этим художникам, как они перестали своим существованием угрожать власти.

Конечно, с религиозным делом сложнее: она противостоит коммунистическому материализму и опровергает всю его систему ценностей. Но так ли уж дорожит сегодня советское руководство этими „ценностями”? Не превратились ли они в мертвый груз, который новое руководство переняло по наследству и продолжает его тащить в основном потому, что он — единственная легитимизация его власти? Нет ли здесь для партии возможности использовать опыт других стран и, уменьшив собственный догматизм, превратить религию из „злого политического врага” в неискоренимую даже тоталитаризмом реальность, с которой власть могла бы заключить новый, прагматический, модус вивенди? Нет ли здесь возможности де факто „перестроить” советское общество в такую модель, когда действительно (вспомним цитату А. Яковлева) отдается „Богу — Боже, а кесарю — кесарево”?

Правда, для этого как минимум нужен кесарь, не делающий из себя языческого идола с титулом „Ум, Честь и Совет Нашей Эпохи”. Кесарь, который, пусть не смея отказываться от легитимирующей его власть социалистической терминологии, стал бы наполнять ее иным содержанием. Который бы действительно хотел оздоровления страны не меньше, чем сохранения своей власти, сознавая, что это возможно только в исторически новой форме и что необходимая предпосылка для того и другого — большая степень свободы общества.

Пока что эти „советы кесарю” — из области футурологии, которая есть интуитивная смесь возможного и утопического. К сожалению, практика дает нам мало точек опоры для более оптимистичеких суждений. Все положительные сдвиги в отношении власти к религии, отмеченные выше, пока что не вышли за словесно-пропагандные рамки. В стране по-прежнему преследуется миссионерская деятельность, издание и распространение религиозной литературы, религиозное воспитание детей, запрещена общественная активность Церкви. И отстаивание этих естественных для нормального государства прав в Советском Союзе все еще требует мужества.

Усиление активности религиозной общественности

В последние месяцы, в ходе происшедшего оживления независимой общественной инициативы, громче зазвучали и требования религиозной общественности. 28 мая 1987 г. в Москве состоялась пресс-конференция группы религиозных деятелей, на которой были оглашены открытые письма Горбачеву и руководству Московской патриархии (тексты этих писем и выступлений участников пресс-конференции о. Глеба Якунина, Андрея Бессмертного и Владимира Зелинского опубликованы в „Русской мысли” №№ 3676, 3680 и 3682). Приведем ниже отрывок из еще одного самиздатского документа — из обращения (от 4 июля 1987 г.) Стефана Красовицкого к Патриарху Пимену:

„...Так как каждый христианин обязан проявлять посильную заботу о Церкви и ее репутации в мире, то и я, хотя и не принадлежу к клиру, но являюсь давно уже сознательным членом Православной Церкви, дерзаю предложить Вашему вниманию ряд мероприятий, означающих, на мой взгляд, первоначальные и самые необходимые шаги, которые позволили бы церковной политике не отстать слишком от так называемой перестройки, но пойти, по возможности, с нею в ногу:

1. Договориться с властями о следующем:

а) Вернуть мощи святых из музеев в храмы и открыть Киево-Печерскую Лавру.

б) Выпускать и продавать в киосках при храмах достаточное количество религиозной литературы — Священное Писание, молитвенники, труды Святых Отцов.

в) Организовать при храмах школы для обучения Закону Божьему детей христианских семей.

2. Призвать к участию в Соборе 1988 года, посвященном 1000-летию Крещения Руси, представителей всех юрисдикций Русской православной церкви в целях восстановления единства Церкви.

3. В качестве основы отношений Церкви и государства заменить декларацию митрополита Сергия от 16 (29) июля 1927 года, принятую под давлением сталинского аппарата, документом, близким по духу декларации, составленной архиереями нашей Церкви, сосланными на Соловки, о чем сделать уведомление в Журнале Московской Патриархии публикацией текста означенного документа.

4. Поставить вопрос о канонизации христиан, ставших жертвами произвола и гонений. Церковь не может забыть того печального факта, что в течение ряда лет ее представители превозносили до обожествления человека, чьи злоупотребления теперь вскрываются властями. Истина должна восторжествовать в Церкви. „Ибо открывается гнев Божий с неба на всякое нечестие и неправду человеков, подавляющих истину неправдою” (Рим. 1:18).

Вряд ли сегодня нужно еще что-либо добавлять к этим словам. Выполнение требований хотя бы первого пункта обращения Стефана Красовицкого могло бы стать первым практическим доказательством „перестройки” в отношении к религии. Но, может быть, „перестройку” следует понимать так, что вместо ожидания доказательств общественные силы, в том числе Церкви, уже могут включаться в нее сами, без специального на то разрешения?

Религиозная общественность, как мы видим, к этому готова. Но читая ее обращения — а сколько их было! — к все тому же Патриарху и вслушиваясь в его ответное молчание, немало верующих задают себе вопрос: а способно ли вообще сформировавшееся руководство Церкви „не упустить уникальный исторический шанс, который Господь посылает нашей родине и нашей матери-Церкви”? — к чему призвали Патриарха о. Глеб Якунин и другие участники пресс-конференции. Чтобы „не отстать от перестройки”, не должна ли произойти „перестройка” в составе самого церковного руководства, которому в такие решающие времена нужны не только личные добродетели, но и гражданская смелость и политическая мудрость?

Эти „дерзкие вопросы” не раз ставились в беседах с русскими священнослужителями. Многие из них связывают надежды с намеченным на год Крещения Руси поместным Собором, на котором могут произойти важные персональные перемены. На Соборе дол-

жен быть принят новый Устав Церкви*. Несколько лет уже идут разговоры о необходимости разработки нового закона, определяющего отношения Церкви и государства. Косвенное подтверждение тому заметка, опубликованная в „Журнале Московской Патриархии“ № 1, 1986 г., в которой, однако, еще много неясных мест. Показательно, однако, что впервые после ленинского декрета 1918 года говорится о предоставлении права юридического лица, если не всей Церкви, то

* Согласно сообщению ТАСС — управляющий делами Московской патриархии митрополит Одесский и Херсонский Сергей сказал в своем интервью (24.6.1987), что „на Поместном Соборе будут приняты решения по некоторым вопросам дальнейшей жизни Церкви на новое тысячелетие“.

● КУЛЬТУРА, ЛИТЕРАТУРА, НАУКА

Русские писатели — в споре со временем

Ю. КУБЛАНОВСКИЙ

Еще культурология Серебряного века нашего (900-е—10-е гг.) — указывала, что история отечественной культуры и литературы как правило вульгаризируется и подается сквозь призму радикальной идеологии. В сущности ортодоксальных „божков“ тогда было не так уж много: Салтыков, Некрасов, Чернышевский (вообще попавший в писатели по недоразумению, случай клинический), но клеветы их — усердная журналистика — диктовали общий гуманитарный климат, делали, как говорится, *погоду*: превозносили своих сторонников, замалчивали, а то и травили — противников. Писателя оценивали по степени его близости — к расхожим схемам, атеистическим, прогрессистским (классические примеры такого рода — труды Пыпина, поздней — Милукова) ...

Советское литературоведение продолжило именно эту традицию: великие русские писатели загонялись в рамки Освободительного движения, а не вмещавшихся в них — критиковали и забывали, как это умеют делать только в тоталитарном обществе: упомянем

Л. А. Аннинский „Лесковское ожерелье“, из-во „Книга“, Москва, 1986; Ю. М. Лошиц „Гончаров“, Серия ЖЗЛ, „Молодая гвардия“, Москва, 1986.

хотя бы ее части — приходам, в лице двадцаток.

Но уже теперь идущие в стране перемены дают возможность верующим больше проявлять *самостоятельную инициативу* по образованию новых приходов, ремонту храмов, изданию своих органов печати*, созданию *братств* для практической общественной деятельности мирян. Некоторый исторический опыт в этом отношении Русская православная Церковь имеет. Хочется надеяться, что мы будем слышать о таких инициативах все чаще и чаще — независимо от линии поведения церковного руководства.

* Отметим выход в Москве в июле 1987 г. под редакцией А. Огородникова первого выпуска „Бюллетеня христианской общественности“.

многолетнюю опалу произведений Достоевского, хлестаковские нотации о поэзии Фета, об Ап. Григорьеве и др. Смятенный того или иного рода спекуляциями вариант вульгарной социологии 20-х гг. — безраздельно царил буквально до последнего десятилетия, попытка Серебряного века взглянуть на нашу культуру без идеологических шор, казалось, оборвалась безвозвратно...

Но вот, кажется, пробует проявиться вновь. Вышедшие в последнее время в популярной серии ЖЗЛ книги Игоря Золотуского о Гоголе, Виктора Афанасьева о Жуковском, Юрия Лошица о Гончарове и ряд других — дают нам новый образ русской литературы, свободный от социалистических искажений.

Вспомним, что десятилетиями Гончаров, например, трактовался как разоблачитель дворянского паразитизма, апологет прагматической цивилизации и здравого смысла. Все невмещавшееся в эту схему (например, маниакальную неприязнь к Тургеневу и т. п.) — старались затушевать. Лошиц дает другую картину: Гончаров — ортодоксальный христианин, враг нигилизма, человек с ярко выраженным консервативным началом.

В замечательном письме от 4 июня 1878 г. — к Екатерине Никитенко (письме никогда прежде не публиковавшемся, но как точно комментирует Лошиц "одном из самых значительных по охвату мировоззренческих проблем", без чего непредставим "облик позднего Гончарова") он писал:

"С ужасом видишь, что нередко добрые, заботливые, даже сами в душе религиозные родители — в деле неослабного поддержания религии в детях бывают как-то слабы, равнодушны /.../, думая что после, когда дети созреют, так настанет время воспринять будто бы прямо дух религии, минуя буквы, а то-де из них, пожалуй, выйдут *клерикалы*, начнут таскаться по церквям, ставить свечи, икать и воздыхать о тяжких грехах, есть постное и это считать за религию /.../. В дух закона помимо буквы попасть нельзя, и что не приучать детей к познанию и восприятию истин Евангелия путем правильного и непрерывного изучения свящ. догматов церкви, с применением к делу и жизни — т. е. с посещением церкви — значит отводить малопомалу детей и от духа.

Ведь не веровать — легче всего /.../. Легче всего взять шапку, выбежать на улицу и сказать — "я не верую" — и потом плыть по ветру, куда потянет /.../. Таково большинство неверующих шалопаев, лентяев, недоучек и т. д. /.../. Их не учили добрые родители *букве*: это оттого вначале, а потом помогли уже умники неверующие, скептики, натурфилософы /.../."

Лошиц точно сближает мироощущение поздних Гончарова и Достоевского, ниже следующее мы могли бы встретить и в "Дневнике писателя":

"Мне так странно и непостижима эта слепота гордых умов, что я серьезно иногда думаю, глядя на всякого усердно молящегося простого мужика или бабу, что тот и другая умнее, например, Шопенгауэра, Гартмана и других изобретателей систем для объяснения начала всех вещей. Право умнее!

Впрочем, величайшие из мыслителей, истинные гении — и верили прежде и теперь веруют. /.../ Они глубоко проникают в материю создания, исследуют ее всячески, делают великие открытия, но на Творца не посягают. Посягают только прихвостни науки, лишенные самого священного, творческого огня, да своевольные неучи, а их, к несчастью, легион".

"Конгениален" этому письму и комментарий к нему первого его публикатора Ю. Лошица (свидетельствующий о том, что человек внутренне свободный и смелый имеет ныне в СССР шанс пробить в печать мысли, независимые от марксистской догматики):

"Гончаровский идеализм — пишет Лошиц — вовсе не восходит к какой-либо из систем новоевропейской философской мысли (кантианство, гегельянство и т. д.), а ориентируется на этику православнохристианского учения. В свете этой этики "любовь" осознается не как естественно-стихийная привязанность человека к человеку /.../ и не как самодейтельное альтруистическое, филантропическое поведение, но как объективный, независимый от человеческой воли закон бытия ("Бог есть любовь"), который распространяется на всю сотворенную природу /.../. Этот закон универсален, но — в условиях исторической повседневности — не всемогущ, поскольку здесь он вступает в соприкосновение с другим божественным законом — свободы воли. Собственно, свобода воли — в духе подобного мироотношения — и есть предельное проявление божественной любви к человеку, дарование ему полной духовной самостоятельности /.../. Вот почему всякому человеку приходится заново, с азав начинать свой путь к стяжанию любви".

В свете нашего разговора не менее интересна (хотя и написанная в другом ключе человеком другого мироощущения) и книга Льва Аннинского — о Николае Лескове.

Ныне Лесков признан классиком отечественной литературы — наряду с Тургеневым, Толстым, Достоевским — как младший в блестящей этой плеяде. Но так было далеко не всегда. Аннинский цитирует, что писали, например, о Лескове в 1931 году — к столетию юбилею со дня рождения писателя: "Скандальная репутация, с первой до последней минуты сопровождавшая литературную жизнь Лескова, заменила ему посмертную славу, с тем он и вошел в учебники".

...Наиболее актуальны и поучительны страницы монографии Аннинского, посвященные истории создания, публикации и последующей реакции общества на антиингилистический роман Лескова "Некуда", написанный в 1864 году, когда в связи с отменой крепостного права и резким скачком в ли-

берализации общества махровым цветом расцвели нигилисты и демагоги, и отдаленно не понимавшие той колоссальной ответственности, которая легла на Россию на новом витке свободы (что в конце концов и привело к разгулу терроризма и убийству великого императора).

Притчей во языцех стало преследование русской литературы царской цензурой. Но была еще цензура иная, очевидно, морально более жесткая: цензура радикальной части общественного мнения, которой "лояльно" (или трусливо?) подчинялись даже умеренные. За русским писателем отрицалось право на свободное творчество, на собственный оригинальный взгляд на жизненные явления: все должно было быть подчинено "социальному служению" в его утопической нигилистической версии. Отсюда успех бульварного "Что делать?" и травля Лескова за "Некуда", за неортодоксальное изображение нигилистов — вплоть до обвинения его в сотрудничестве с охранкой. (В само слово "охранка" и поныне вкладывается едва ли не inferнальный смысл, а задуматься — что в нем страшного? Кустарное, патриархальное и настолько неэффективное учреждение — что государь в 70-е гг. в собственной столице жил как загоняемый на охоте зверь). Писарев, властитель тогдашних дум, попросту... отлучил Лескова от русской литературы. "На таких джельтменов — писал этот фанатик нигилистического прогресса — как гг. Писемский и Лесков все здравомыслящие люди смотрят как на людей отпетых. С ними не рассуждают о направлениях, их обходят с той же осторожностью, с какой благоразумный путник обходит очень топкое болото"*.

В этом писаревском "обличении" легко узнается интонация советских присяжных критиков, столь же погромно разносивших романы Пастернака, Солженицына и многих других...

...Правда, в отличие от своих последователей и эпитонов Писарев был небесталанен и по-своему честен. Аннинский делает тон-

* Писарев же пророчил, что в будущем стихи Фета книготорговцы "продадут пудами для оклеивания комнат под обои и завертывания салыных свечей, мешерского сыра или копченой рыбы" (цитирую по любопытной книге Е. А. Динерштейна "Фабрикант читателей А. Ф. Маркс", изд-во "Книга", Москва, 1986 г., с. 137).

кое замечание: "Предпринятое Писаревым по отношению к русской литературе решительное разрушение эстетики — есть не что иное, как бунт вывернувшегося наизнанку точного художественного сознания. Писарев приносит это сознание в жертву". Здесь Аннинский ставит точку, но мы добавим — в жертву идеологии.

Так еще в XIX столетии — закладывается в нашу литературу рассмотрение ее под догматическим, идеологическим углом зрения... Но литературная критика — не прокурор и не суровый наставник. Ее обязанность — *раскрывать*, а не снисходительно поучать. Не в нотациях и обличениях нуждается настоящий писатель, но в аналитичном и нелицеприятном подспорье.

И не только писатель ныне живущий. Творчество автора давно умершего, даже если он уж и "классик" — подчас особенно беззащитно перед спекулятивными построениями.

...Лишь в одном месте своего интересного исследования "Лесковское ожерелье" Аннинский допустил "паровозную", как говорится, фразу, лживое и дурное клише: "За шестьдесят лет Советская власть научила множество людей уважать себя как личности".

Это где ж научила? В лагерях на лесоповале? Или в обыденности, где процвели карьеризм и осведомительство?

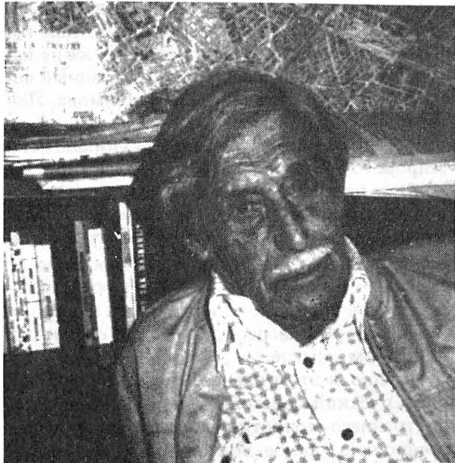
Будем надеяться, что впредь Аннинскому не придется унижать себя подобными паровозными утверждениями, граничащими с кощунством над многомиллионными российскими жертвами.

Освальд фон Нелль-Брейнинг ПОСТРОЕНИЕ ОБЩЕСТВА

Книга является блестящим пособием для первоначального ознакомления с идеями солидаризма в изложении Нелль-Брейнинга, активного участника так называемого «немецкого чуда» — восстановления разгромленной в результате войны и гитлеровщины общественной жизни и экономической мощи Федеративной Республики Германии.

Русский советский писатель

В Париже, в городе, где прошло его раннее детство и где довелось ему провести последние тринадцать лет своей жизни, скончался писатель и замечательный человек Виктор Платонович Некрасов.

Памяти В. П. Некрасова
(1911 — 1987)

„Краткая литературная энциклопедия” на букву „Н” (1968) еще и сегодня содержит полторы колонки биографических и литературно-критических данных о нем. И, надо надеяться, при сегодняшнем течении обстоятельств эта колонка не исчезнет при переиздании энциклопедии, быть может, только пополнившись более поздними данными о нем. Какими и в какой интерпретации, это уже другой вопрос.

В. П. Некрасов родился в июне 1911 года, в Киеве, который занимал в его сердце, если и не большее место, то во всяком случае сравнимое с Парижем. В 1936 году закончил архитектурный факультет Киевского строительного института. Одновременно учился в театральной студии при Киевском театре русской драмы. В 1941–44 был на фронте. Закончил войну гвардейским капитаном. Участник Сталинградской битвы. После ранения и демобилизации в 1945 году стал журналистом. А в 1946 году уже была написана первая книга „Сталинград”, в следующем переиздании ставшая „В окопах Сталин-

града”. За эту свою первую книгу был удостоен Сталинской премии...

Вот на таком своего рода идеологическом сбое вошел в советскую литературу 35-летний фронтовик, член партии с 1944 года, архитектор по образованию, человек с несомненными артистическими данными Виктор Некрасов.

А „сбой” определенно был. В 1946 году, по всеобщему мнению, такие премии присуждались за откровенно верноподданнические произведения а ля Семен Бабаевский или Лысенко, если говорить о науке. Открытые *верноподданные* считали, что так и должно быть, а скрытые по лагерям и ссылкам или ушедшие во „внутреннюю эмиграцию” *неверноподданные* — что другого и не может быть. И вдруг августейшей премией удостоивается произведение, в котором от лозунга военных лет „за Родину, за Сталина” остается только первая его часть. Война, победа, доставшаяся ужасающими жертвами, а с этим и власть вдруг приобрели человеческое лицо. Это стоило государственной премии!

Военная тема уже никогда не ушла окончательно из творчества Некрасова. В ней он взял на себя именно, выразившись сегодняшним языком, „человеческий фактор”: трудности и тяготы войны, мужество, героизм, скромность, честность рядового ли солдата, обыкновенного ли офицера, фронтовую дружбу, которую уже ничто не в состоянии разрушить, горечь потерь... Всякие там политические аспекты войны, ее „справедливость” или „несправедливость”, классовость или надклассовость — все это отходило на задний план. Военная проза Некрасова — это не выражение бесхребетного ремарковского пацифизма. По Некрасову, война — это прежде всего дело чести солдата и офицера. Войны надо выигрывать, а солдата надо беречь как на войне, так и в мирное время.

Некрасова можно назвать писателем счастливой судьбы как у себя на родине, так и в эмиграции. В СССР было опубликовано все, что он там написал: это и военные рассказы „Рядовой Лютиков” (1948), „Сенька” (1956) „Судак” (1958), „Посвящается Хемингуэю” (1959), „Вторая ночь” (1960), „Новичок” (1963), это и повесть „В родном

городе" (1954), и зарубежные очерки „Первое знакомство" (1958), „По обе стороны океана" (1962), „Месяц во Франции" (1965), „За двенадцать тысяч километров" (1965).^{*} Как раз очерки подверглись критике в печати, но что такое критика в печати в незабвенные 60-е — бальзам на читательские раны.

Он был „выездным" писателем, причем таким, кого, как говорится, не стыдно было показать. Он не говорил цитатами из последнего доклада очередного генсека, в ответ на упреки к советской власти не отвечал грубым невпад: „А у вас негров вешают". Конечно, он мог отметить, к примеру (хотя, может, и не отмечал), и грязь Нью-Йорка, и его архитектурную и социальную безалаберность, но всего лишь в нескольких строчках, чтобы потом посвятить несколько страниц какому-нибудь чуду инженерной техники вроде моста Дж. Вашингтона или еще большему — Золотому мосту Сан-Франциско. Про Францию же свою любимую мог говорить и писать так проникновенно, что читатель уже было все равно до всех правительств на свете, а уж до своего и вовсе.

В СССР ставились фильмы по его книгам и его сценариям. Даже его общественная деятельность по увековечиванию памяти жертв фашизма, погибших в Бабьем Яру („Литературная газета" 10 окт. 1959 г.), или воинов, павших под Сталинградом, удостоилась чести быть упомянутой в „Литературной энциклопедии". Как говорится, знай наших!

Написанное Некрасовым в эмиграции тоже все было опубликовано. Его книги, новые и переиздания, появились в издательствах „Посев" и „Оверсиз", статьи регулярно публиковались в „Гранях", „Континенте", в газетах „Русская мысль", „Новое русское слово", передачи по „Свободе" шли прямо в СССР.**

После его смерти некрологи и соболезнования опубликовали все эмигрантские издания, но и родина не обошла его кончину молчанием — рупор сегодняшней „пере-

стройки" и „гласности", газета „Московские новости", не преминула сделать попытку „присвоить" Некрасова себе ли, власти, стране ли по принципу: с одной стороны, так, а с другой, конечно, но все же... Ах, как им нужен сегодня такой, как Некрасов, с его искренностью, человечностью, с его таким родным и близким патриотизмом, не квасным, не гроящим, а таким ясным и человечным... Ведь он никогда не был, как им кажется, принципиально против, он же не какой-то там „отщепенец" или „отрезанный ломоть" вроде Солженицына, Максимова, Любимова...

В. Некрасов — представитель уникального мирового явления. Дилемма „власть и творец" — вечная и банальная, как вечна и банальна сама жизнь с ее проблемами, но никогда еще творец, независимо от его величины и значения, не стоял перед проблемой: кесарю — кесарево, но и твое — тоже кесарево, т. е. не проблемой „или — или", а перед — „и, и". Некрасов пытался решать ее именно во втором смысле.

Именно в этом плане вынесенное в заглавие „русский советский" не вызывает того внутреннего сопротивления перед противоречивостью, какое должно было бы вызывать. Его писательское счастье в том и состоит, что он хотел, умел и, как казалось, ему даже удавалось временами снимать противоречивость „и, и", а трагедия в том, что это метафизически невозможно. Доказал своей эмиграцией и могилой на русском кладбище Парижа.

Е. Самсонова

Виктор Некрасов СТАЛИНГРАД

В книгу входят: повесть „В окопах Сталинграда" и все рассказы, написанные о Сталинградской битве. Мы предлагаем читателю эту книгу не только, чтобы отметить 70-летие ее автора и 40-летие со дня начала Отечественной войны, но еще и потому, что произведения Виктора Некрасова изъяты из библиотек.

Большой формат, твердый переплет 456 с. 42 н. м.

Possev-Verlag, Flurschaidweg 15,
D-6230 Frankfurt a. M.—80

^{*} Полный без купюр и изменений этот очерк был опубликован в журнале „Грани" № 74, 1969 под названием „О вулканах, отшельниках и прочем".

^{**} „Записки зеваки" („Посев", 1976), „Кира Георгиевна" („Славянский ин-т", 1978), „Сталинград", Сборник („Посев", 1981), „Сапернипопет" („Оверсиз", 1983), „По обе стороны океана" („Ефорект", 1984), „Маленькая печальная повесть" („Оверсиз", 1986).

Будущее – в прошедшем

(„Март семнадцатого” А. Солженицына)

Мария ШНЕЕРСОН

Чтение исторических романов — особый род чтения. В отличие от произведений, где о судьбах вымышленных героев мы узнаём, лишь закрыв последнюю страницу, историческое повествование на всем протяжении неизбежно включает в себя тему будущего. Так, читая в „Воине и мире” о Наполеоне, торжествующем над русскими под Аустерлицем или предвещающем победу под Бородином, мы видим его не только в данный момент, но и знаем, что случится с ним в Москве, под Ватерлоо, на острове св. Елены. Это знание не может не влиять на наше восприятие людей и событий, изображенных писателем.

Тем более ни на минуту нельзя забыть о будущем, когда читаешь „Март семнадцатого” (Узел третий „Красного колеса”). Произведение это, основанное на тщательном изучении документальных материалов, рисует главным образом исторических деятелей. Силой своего огромного таланта Солженицын воскрешает прошлое настолько живо, что у читателя создается иллюзия присутствия, чуть ли не соучастия в событиях семидесятилетней давности. Мы находимся в толпе на улицах Петрограда в конце февраля — начале марта 1917 года, в мятежных казармах, в Таврическом дворце, мы как бы влетаем в шкуру самых различных персонажей, проникаемся их взглядами, чувствами, настроениями.

Сроки в „Марте” ограничены лишь несколькими днями (даты и время суток обозначаются на каждой странице), но о каких бы сиюминутных событиях ни шла речь, неизменно в нашем сознании присутствует будущее — то, что должно неминуемо случиться с историческими лицами, страной, народом. Читаем ли мы о наивных иллюзиях монархиста Шульгина, уверенного, что после отречения царя от престола „будет хорошо и безопасно, и России, и самому Государю” (XVI, 741); читаем ли о Ленине, который, живя в Цюрихе, думает поднимать революцию в Швеции, не подозревая, что она совер-

шилась в России; читаем ли о Николае II, которому внушили, что отречение от престола спасет страну от гражданской войны и от поражения в мировой, а ему даст возможность с семьей доживать свой век в Ливадии — о ком бы мы ни читали, в нашем воображении возникают картины будущего: захват власти Лениным и кровавый кошмар гражданской войны; екатеринбургская трагедия, десятилетия сталинского террора...

И если наше знание судеб Наполеона и Кутузова — всего лишь знание далеких исторических событий, то будущее в эпопее Солженицына — это жизнь и судьба наших родителей, старших друзей, да и наш горький опыт, ибо и наши тела корчились под красным колесом истории. Вот почему невозможно бесстрастно читать „Март семнадцатого”.

Безмерную горечь вызывают страницы, рисующие ликование на улицах Петрограда. Ведь мы, как „причастный тайнам” ребенок из блоковского стихотворения, знаем, что радости не будет, что „никто не придет назад”. Но этого не знают персонажи „Марта”.

Вот одна из радостных, а по сути трагических сцен. Вера Воротынцева вместе с читателями Публичной библиотеки ощущает пьянящее счастье: кончился „черный кошмар” — „и вдруг залило всех нечто светлее солнца. Все люди — братья, и хочется обнять и любить весь мир. Милые, радостные, верящие лица... Огненные все будет строиться на любви и правде! Будущее открывается — невероятное, невозможное, неметанное... Преобразится Европа, преобразится вся планета... Да, это будет впервые на Руси — народная власть, все для народа” (XVI, 393—394).

Или другой коротенький эпизод: „Мама взяла маленькую дочь за голову (запомнилось): „Ты будешь счастливая! Счаст-ли-вая!’ Водила дочку на манифестацию” (XVI, 573). Читаю эти строки и думаю: а ведь и мои родители так же ликовали... Сестра помнит, как ходила с ней мать по запруженным народом улицам, помнит красные ленточки,

приколотые к пальто, счастливые оживление вокруг. И что же! Мать, начиная с 1921 года, скиталась с отчимом по сылкам, всю жизнь боялась ареста; отчим погиб в сталинских лагерях; и отец мой, и брат сгинули там. Каково же нам читать о тех, кто приветствовал „наступившую целую эру свободы... из которой уже не будет пути назад, во мрак!“ (XVI, 740).

Прямых высказываний писателя о бедах, ожидающих страну и отдельных персонажей, в „Марте“ мы не найдем. Но предчувствие грядущего кошмара возникает в сознании некоторых героев. Поразителен сон, приснившийся Козьме Гвоздеву. Рассказ о нем (Глава 69) по своему стилю напоминает народные духовные легенды, древние сказания, и это указывает на всеобъемлющий смысл вещего сна. Тайнственно и торжественно звучит простая речь:

„Увидел: на большом белом камне сидит в посконном, хорошо выстиранном, свежем — седой дед в лаптях... И — плачет дед. Да так горюче, так сокрушно — старуху ли скоронил? избил ли ему сожгли? все гнездо перебили?“ По глазам деда догадывается Козьма: „дед-то — не простой, дед — святой“. И понимает, что „плачет он — не по себе, а — его, Козьму, жалеет“. Но чем горше рыдает дед, тем яснее чувствует Козьма: „да может он — и не по мне и не? По мне одному никак столько слез быть не может. А — по ком же?.. Такого и сердце не вместиает“ (XVI, 338).

Смысл этого сна определяется и его местом в эпосе: он помещен между главами, в которых рисуется начало революции — бунт 2-й роты Вольнского полка, решившей „супротив народа не идти“ и отказавшейся „людскую кровушку лить“ (XVI, 339).

О судьбе-то народа, о крови, которой суждено литься потоками, о гибели Земли Русской и плачет святой дед в пророческом сне Гвоздева.

Смутно предугадывают будущее и некоторые другие персонажи. Так, В. Маклаков говорит: „Все мы чувствовали, что идем к какому-то рубикону. И вот дошли. А если уж раскачается Россия — никакая сила ее не оставит...“ (XVI, 690). И Шульгин начинает казаться: „Все это неслось куда-то в пропасть...“ (XVI, 423). И Родзянко „схватило как судорогой, не разведешь: что нашло на Россию некое великое Помрачение. (Как и сказано было, кажется, у кого-то из пророков...)“ (XVI, 499). И некий старик Евсей Макарыч из Углича предсказывает: „...скоро

наступят для всей России горькие времена-бремена... И будет голод много лет. И людей будут опустошать и уничтожать многими тысячами. Сначала будет плохо одним, потом плохо другим, потом плохо всем“ (XVI, 266).

Но суть не в этих предчувствиях и пророчествах. Художник-историк убедительно показал, что предпосылки основных бед и пороков советской эпохи заложены были уже тогда, в первые дни Февральской революции. Она сама по себе, как таковая, несла во чреве своем эмбрионы, которые со временем должны были погубить Россию.

Солженицын опровергает миф о русской революции — „самой короткой и бескровной в истории“ (XVI, 700). Десятки сцен, одна другой страшнее, рисуют злодеяния, совершаемые разъяренной толпой.

Вспомним еще раз сцену ликования Веры Воротынцевой и ее окружения. Уже здесь в мелодию радости врывается грозная тема рока

„Было Вере необыкновенно тепло, светло, но немного и грызло: а что же убивают офицеров? ...Она робко пыталась выразить это в двух группах, ее как бы не услышали, даже не возразили серьезно. Это не ложилось в общий поток восторга, выбрасывалось на сушу как инородное. Ну, случайно, ну, какая революция без крайностей? К светлому будущему невозможно вырваться без каких-то хоть малых жертв“ (XVI, 395).

И затем видит Вера мимолетную сценку, которая для нас звучит как некое мemento mori: в Михайловский манеж „вводили группу арестованных, по одежде обывателей. Кого-то, за что-то... И за некоторыми тащились женщины с детьми, их отгоняли“ (395).

„Зримые черты коммунизма“ проступают в событиях, в поведении людей, в том, как меняется их психология. И среди этих „зримых черт“ едва ли не главная — оправдание кровавой расправы как явления закономерного, инфляция человеческой жизни, которая не имеет никакой цены в сравнении с „сияющими высотами“ будущего. Главное — то, о чем не раз говорил Достоевский: заблуждение, будто храм всеобщего счастья можно построить на крови.

„Не надо истерики, без эксцессов не бывает революций“, — успокаивает адмирал Непенин тех, кто потрясены зверским убийством шестидесяти офицеров в Кронштадте (XVI, 564). И с точки зрения социалиста Гиммера, то, что „где-то офицеров бьют,

терзают", всего лишь — „историческая неизбежность" (XVI, 340).

Стихийно начавшаяся под лозунгом „Довольно крови!" (XV, 340), революция разворачивается под лозунгом противоположным: „Бей, кто не с нами!" (XV, 360—361). И — стоило только „крови отпробовать", как проснулся в человеке зверь. Именно тут таятся корни рокового процесса дегуманизации общества.

Слова о любви и братстве дико звучат, когда читаешь: „Саперный поручик руку поднял: 'Не стреляйте в своих братьев!' Кто? в кого? — и застрелили его наповал" (XV, 361).

Характерен стык двух глав — 185-й и 186-й. Вторая из них начинается восторженными мыслями Шингарева: „Вот чудо — произошло!! ...Такая бескровность победы! — невероятный праздник!" (XVI, 68). А вот концовка предыдущей главы: „...полковник упал мертвый. И еще кинулись его дотыкать штыками, ножами. А толпа ринулась мимо — в ворота, особенно убивать офицеров, кого увидят. И избивая солдат... Самokatчики выходили сдаваться с поднятыми руками. Их били" (XVI, 68).

Писатель не раз подчеркивает, что подобные эпизоды — не случайное явление. Это понял Игорь Кривошеин:

„...короткий арест как будто дал ему новое зрение: на множестве лиц он видел эту новорожденную обнаженную жестокость — и не мог перестать видеть ее. Что-то явилось новое в наш мир" (XVI, 100).

Так волчий закон Большого Террора рождался во чреве „бескровной" революции. Рождалась нравственная почва, на которой (и только на ней!) мог быть воздвигнут Архипелаг ГУЛаг. Если б не проснулся зверь, если б убийство не стало нормой, не могли бы Партия и Правительство загнать миллионы в лагеря. Солженицын прослеживает, как психология будущих доносчиков, следовательно, вертухаев, палачей, равнодушных трусливых обывателей формировалась в недрах Февральской революции, как уже тогда складывались основные принципы советской власти: если враг не сдается — его уничтожают; кто не с нами — тот против нас; революцию в белых перчатках не делают; лес рубят — щепки летят.

Не случайно именно в феврале распространилось выражение, столь характерное для

всей последующей эпохи: „враг народа". И уже тогда вспыхнула „эпидемия арестов" (XVI, 203), „повальных обысков" (XVI, 306).

Писатель неоднократно возвращается к картине пылающего Окружного суда. Это — некий символ: революция началась с поджога правосудия! Она ведь знает лишь один закон — террор. И он вступает в силу с первых же дней.

Символическим кажется и то, что центр нового правительства — Таврический дворец — превращается и в центральную тюрьму. Сюда тащат арестованных со всех сторон, здесь возникает некое подобие застенков будущего. Сразу же появляются и тюремщики-добровольцы. Так, никогда не служивший в тюрьмах и не сидевший в них преображенный унтер Круглов „по наклонности быстро усвоил" и „толково применял тюремные правила" (XVI, 235). Нашелся и помощник — прапорщик Знаменский: „хватка у него оказалась тоже тюремная и сильный голос для окриков... весь установленный жестокий режим при нем не ослабевал" (XVI, 238—239). Да и на посты охранников „добровольцы все время находились". Солдаты и рабочие, участь „тюремному ремеслу", обыскивают арестантов ретиво, старательно (XVI, 112).

Бывшим царским министрам или видным деятелям, попавшим под арест „иногда по случайному капризу обстоятельств или мстительности своих врагов" (236), было запрещено говорить, вставать с места, смотреть в окно. „Выход в уборную разрешался по одному, с выводным..." (238). Знакомая нам, а в ту пору — дикая картина! И далее — словно бы сцена из „Архипелага ГУЛага". Арестованных отправляют из Таврического дворца в Петропавловскую крепость. И, сажая их в автомобили, „Знаменский, смакуя, предупреждал: не шевелиться, по сторонам не смотреть, всякая попытка к бегству вызовет применение оружия" (XVI, 736).

Отдельные эпизоды рисуют разгул беззакония. „Одного прохожего арестовали за то, что у него толстая рожа (городовой?). Другого — что слишком быстро шел по улице (хочет скрыться?)" (XVI, 142). Какой-то ретивый поручик-инвалид привел в Таврический арестованных и отпартовал: „Имею честь доложить, что мною схвачены, обезврежены и приведены тридцать в р а г о в о д а! Головы их — отдаю в ваше распоря-

жение, господин депутат!“. Понимая всю абсурдность ситуации, Керенский тем не менее, поблагодарив поручика, скомандовал „тоном революционного омерзения“: „Увердите их“. И толпа при участии конвоя стала избивать несчастных „врагов“ (XV, 545).

Характерно для последующей эпохи массовых репрессий то, что проявилось в этой сцене, как и в следующей: комиссар Петроградской стороны Пешехонов, подобно Керенскому, вынужден соглашаться с обвинениями против арестованных, чтобы не уронить своего революционного авторитета и самому не быть схваченным. И он благодарит конвоиров и хвалит за то, что „они трудятся для закрепления революции“. В душе же ужасается: „Грянула... эпидемия или вакханалия арестов! Показалось, что революция катится к гибели: она кончится тем, что все граждане переарестуют друг друга!“ (XVI, 310). И далее: „Со всех сторон донимали добровольные горячие доносчики, кто по мнительности, а кто и по злобе, счета сводя... Чуть не на каждого человека готовы были наброситься как на шпиона“ (311—312).

Солженицын убеждает нас в том, что рабство последующих десятилетий корнями своими восходит к Февральской революции. Сами революционные толпы не понимали, в чем суть демократического строя. Показателен эпизод, также поразивший комиссара Пешехонова: „Третий же арестованный обвинялся толпой, что он высказал осуждение революции. Ему приписывали какую-то фразу; сам он, бледный, отрицал, что говорил ее. Пешехонов внутренне затрепетал и вознегодовал: отрицать революцию — право каждого, иначе какая ж это будет свобода?“ (XVI, 309—310). Так с самого начала рождалась рабская уверенность, что все обязаны думать одинаково, шагать в ногу и не рассуждать.

Честные смелые офицеры братья Некрасовы, среди прочих арестованных попавшие в Таврический дворец, слушая ораторов, недоумевают: „Шарило в массе такое нетерпимое единодушие мнений, которого даже в армии не бывает... И откуда так быстро создалось такое внушительное единство?“ — Ответ вытекает из горького опыта самих братьев: „От первых убитых. Вероятно же и здесь не все так думали, но боялись возражать“ (XVI, 221).

В офицерском собрании представители Временного Комитета Государственной Думы требуют, чтобы присутствующие едино-

гласно („почему-то настаивали, чтобы только единогласно“) постановили: признать власть думского Комитета. И откровенно звали к чувству самосохранения: „какие угодно имейте убеждения“, но чтобы избежать расправы — „присоединяйтесь, и е д и н о г л а с н о!“ Возмущается вслух лишь один полковник: „Какая низость! Какое раболепство перед новыми правителями! Что же случилось с нами, господа офицеры? Неужели это не мы водили полки всю войну?.. что с нами сделали, а?“ (XVI, 324—325). Так несколько кровавых дней отравили страхом людские души.

Писатель показывает, что неразлучная спутница страха — ложь — также рождалась в эти первые дни. Демагогия, фарисейство, обман, которые вот уже семьдесят лет пропитывают все поры советского общества, и от которых при существующем строе не спасет никакая гласность, наполняли речи первых революционных ораторов, первые манифесты и декреты, страницы первых газет.

Все и вся твердили о народе, ставшем у власти, о великом народе и его великом будущем. Но один из главных идеологов революции Гиммер выражает истинную точку зрения своих собратьев: „...все эти многочисленные собрания никакой политики не решают, политика делается несколькими человеками, в задних комнатах“ (XVI, 649). А народ — всего лишь „неподготовленная толпа“, одержимая „стадными инстинктами“, „сборище“, способное только „топать, и хлопать, и гаркать 'ура'“ (XVI, 650—651). Какие решения в состоянии принимать эта „безголовая толпа“, „орда диких штыков“, с которой разве возможно „что-нибудь серьезное обсуждать?“ (XVI, 403).

Установление народного правления — чистая фикция. Никто никуда никого не выбирает: и Думский Комитет, и Совет рабочих депутатов — никем не выбранные органы. В них захватывают места наиболее ретивые властолюбцы, и лишь официальная версия гласит: „...Для успешного завершения борьбы в интересах демократии ...в столице образовался Совет рабочих депутатов из выборных представителей заводов и фабрик...“ (XVI, 655). Под такой вывеской кипит межпартийная война, рьяные политиканы рвутся к власти и каждый стремится стать диктатором.

„Ленинская выучка всегда была: захватывать руководящие места“ (XVI, 603), — раз-

мышляет Шляпников и приводит в Исполнительный Комитет Совета „никим не избранных большевиков“. Нахамкис ставит на голосование в Совете уже принятые постановления ИК, и темные люди, случайно оказавшиеся под рукой и названные „депутатами“, „согласно проголосовали за все решения“ (XVI, 102—103).

Характерна сцена составления Шляпниковым и его товарищами листовки, провозглашающей лозунг: „Вся власть — в руки Совета Рабочих и Солдатских Депутатов как единственного революционного правительства!“ Шляпников использует обычный прием большевиков. В листовке пишут: „Митинги солдат и рабочих, собирающиеся в Петрограде, принимают следующие резолюции...“ Таких резолюций ни на каких митингах еще не принимали, мы их только сейчас сочиним, напечатаем, разошлем — и вот тогда будут и митинги, будут и резолюции“ (XVI, 610). До чего же все это знакомо!

Демократические свободы сразу пресекаются. „По постановлению Совета рабочих депутатов разрешен выход в свет только тех газет, которые не будут противодействовать революционному движению“ (XVI, 415). Члены ИК негодуют: „...как же смеет редакция печатать актуальнейшую статью, не спрося позиции Исполнительного Комитета? Каждый член редакции пишет, что хочет?“ (XVI, 565—566).

Солженицын приводит выдержки из газет того времени, которые наглядно показывают, что такое „свободная“ печать первых дней революции: „Драгоценная кровь народная льется за дело свободы... Петроград — в руках свободного народа... Народ разделяется в настоящее время с наиболее ненавидимыми представителями строя. Они гибнут на улицах и площадях, плетясь за свою былую жестокость... светлый праздник свободы...“ (XVI, 319—320). А вот — в другом месте: „...замыслы слуг тьмы и позора разбиваются о чистую совесть просветленного народа... Свобода слова, неизменно составляющая руководящий принцип общества... новая власть является истинной выразительницей народа и только она может способствовать расцвету страны...“ (XVI, 584—585).

Впечатлительные картины, созданные художником на основе подлинных исторических материалов, свидетельствуют, как лжива эта политическая трескотня, какая в ней содержится дезинформация. Именем народа кля-

нутся и божатся те, кто рвется к личной власти, кто претендует на роль вершителей народных судеб.

Уже в дни Февральской революции в сознании политических авантюристов, как и в сознании толпы, зреют психологические и нравственные предпосылки „культы личности“. Кто только не мнит себя спасителем России, кто не убежден, что именно он „знает, как надо“! Председатель Государственной Думы Родзянко не сомневается, что, став во главе нового кабинета министров, он один способен „энергично спасти Россию“ (XV, 299); Милюков уверен, что „истинной главой новой России достоин стать только Милюков“ (XV, 609); Гучков считает, что „естественно ему стать на рулевое место“ (XV, 114); инженер-путеец Бубликов стремится „открыть себе голос на всю Россию!“ (XVI, 87), так как и он полон честолюбивых стремлений.

„В смутные эпохи выдвигаются люди по тщеславию, по зависти, по злобе. По неумению быть справедливым, — размышляет В. Маклаков. — Настоящие великие люди, то есть кто видит Россию дальше других, — они мало участвуют в таких событиях“ (XV, 689). На страницах эпопеи мы не встретим подобных людей.

Среди рвущихся к власти мнимых спасителей России крупным планом рисует писатель Керенского. Сатирический образ его — один из самых блистательных в портретной галерее, созданной художником-историком. В облике этого деятеля видятся черты „народного вождя“, черты, которым суждено было развиться до чудовищных размеров в другом, куда более страшном человеке. Как личность, Керенский, конечно, мало похож на Сталина, но как явление — он предтеча „гения всех времен и народов“.

Керенский у Солженицына порой даже карикатурен. Но он был бы всего лишь смешон, если б мы не знали, какую роль ему предстоит сыграть за пределами „Марта“ и если б другой роковой образ не вставал в нашей памяти рядом с образом этого лицедея.

Вот как звучит внутренний монолог Керенского в минуту взлета, когда безвестный адвокат становится министром юстиции, „вознесенным над всей Россией“: „Александр Керенский — министр!!! Ждала ли этого, могла ли думать истстрадавшая Россия?... О, какую свободу он сейчас разо-

лжет по лику России! О, как распахнет ее горизонты! И — о, трепещите враги!!” (XVI, 677—678).

Представ перед восторженной толпой, Керенский спешит обрадовать ее: он — новый министр юстиции! И толпа ликует. Она уже сотворила себе кумира: „О, какая взметнулась буря аплодисментов! О, как раскатывалось 'ура' под лепным сводом старого зала! О, этим восторгам не было конца! — и пусть не будет, и пусть не будет...” (XVI, 678). Как не вспомнить тут „бурные аплодисменты, переходящие в овацию”! И как не вспомнить пережитое нами, когда мы слышим речь Керенского: „Товарищи! Свободная Россия не будет прибегать к тем позорным средствам борьбы, к которым прибегала старая власть. Без суда — никто не будет подвергнут наказанию. Всех будет судить гласный народный суд” (679).

Но первые же действия нового министра свидетельствуют о лживости его посулов. Керенский начинает с того, что отправляет в Петропавловскую крепость арестованных, среди коих есть его личный враг, лично им схваченный и потому „излюбленный”.

Поздно вечером распахнулись двери министерской тюрьмы в Таврическом дворце, появился усиленный конвой и „струнно-грозный Керенский с бумагой в руке, — сердца арестантов заколонули... понимая величие минуты еще больше, чем все эти старики”, „Керенский объявил пронизывающе: 'Все, кого я сейчас назову! — он держал список, но тоже для театральности, он в нем и не нуждался, — будут немедленно отправлены!’ И догадался же остановиться, не сказав — к у д а. Это было наиболее страшно. О т п р а в л е н ы могли быть и на тот свет!” (XVI, 734). Пока не появились во мраке крепостные стены, несчастные так и не знали, куда их везут.

Смятение людей, целиком находившихся в его власти, сознание собственного всемогущества, радость удовлетворенной мести — все это доставляло Керенскому неизяснимое наслаждение... Сколько же раз, сколько десятилетий большие и маленькие керенские будут испытывать такие же чувства, уничтожая тысячи своих несчастных сограждан!

...Под руководством других режиссеров, в другой постановке, с участием других актеров — разыгрывается долгие годы много-

актная трагедия, завязку которой с таким мастерством изобразил автор „Марта семнадцатого”.

Г Р А Н И

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА, НАУКИ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

№ 146

Главный редактор

Е. А. Брейтбарт-Самсонова

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Проза и поэзия

Борис ФАЛЬКОВ. Во сне земного бытия или
Моцарт из Карелии. *Главы из романа*
Ю. КУБЛАНОВСКИЙ. Где-то на рубежах синевы... *Стихи*
Александр ГРАНТ. Заговор муз. *Мини-повесть*
Вера МУРАТОВА. Дым Дымыч. *Рассказ*

Литературная критика

Мария ШНЕЕРСОН. Голос Шухова в произведениях Солженицына

Дневники. Воспоминания. Документы

Проф. Н. В. ПЕРВУШИН. Кто был Александр
Бланк?
Д-р В. ФЛЕРОВ. Болезнь и смерть Ленина

Публицистика

Михаил ХЕЙФЕЦ. Новая «аристократия»?

История

Ударные части в русской армии (весна-лето 1917).
Окончание. *Публ. Н. Росса*

Книжное обозрение

Михаил НАЗАРОВ. О романе В. Белова «Все
вперед»
Иосиф КОСИНСКИЙ. Крупный жемчуг

Специальное приложение

Октябрь — Ноябрь — Декабрь 1917 года
Русская революция глазами петроградского чиновника. *Публ. Е. П. Нильсена и Б. Вайля*
И. ЯШУНСКИЙ. Выборы в Учредительное Собрание

«Великая Октябрьская...»

И. БЕРЕЗИН

„Историю надо видеть такой, как она есть, /.../ забытых имен, белых пятен ни в истории, ни в литературе не должно быть /.../” — такое руководящее указание дал Горбачев деятелям общественных наук. И со свойственной советскому обществоведению медлительностью начинается „перестройка”. Сами историки, правда, перестраиваются как бы нехотя: они, конечно, полностью одобряют и поддерживают слова генерального секретаря и других вышестоящих товарищей, но перестройка, как знает каждый гражданин СССР, — процесс сложный, многогранный, длительный, и спешка здесь ни к чему. Многие, очень многие предстоит „переосмыслить”, окинуть „проницательным взглядом” партийного историка, — необъятное количество макулатуры, созданное за про-

шлые десятилетия „интенсивного” и „много-стороннего” изучения истории страны совет- тов. Нетрудно понять, к примеру, академика И. И. Минца: карьера его началась с „Кратко- го курса”, теперь же ему приходится воз- главлять очередную перестройку в историче- ской науке. Сочувствуем.

Общее состояние исторической науки в СССР на данный период можно назвать со- стоянием полной растерянности. Почти не- возможно определить, выявить сторонников и противников перестройки: существуют разногласия, но это — нюансы, не более. Да- же самые „прогрессивные” ученые не отлича- ются существенно от „реакционных” — типа докторов исторических наук А. Пономарева и Ф. Ваганова, коих, однако, без труда мож- но причислить к разряду „дармоедов от нау-

«Гибель Царской семьи»

**Материалы следствия по делу
об убийстве Царской семьи
(Август 1918 – февраль 1920)**

Составитель Николай Росс

Впервые отдельной книгой опубликованы материалы следствия по делу об убийстве Царской семьи. 277 важных и интересных документов, отобран- ные составителем, — протоколы допросов, осмотры вещественных доказа- тельств, дознания... — вовлекают читателя в ход расследования, дают ему возможность оценить проделанную в трудных условиях работу следователя.

Но новая книга достойна внимания читателя не только с точки зрения следственной, юридической. Она интересна и тем, что в протоколах говорят л ю д и; они свидетельствуют, живым, присущим им языком, о виденном, слышанном и пережитом, кто желая помочь следствию, а кто стараясь запу- тать... Перед читателем возникает быт, нравы и чаяния самых разных жите- лей Урала и Западной Сибири в эпоху гражданской войны. В бытовых подро- бностях встают и последние месяцы жизни Царской семьи перед расправой над нею — величайшим преступлением в нашей истории.

Книга издана на высококачественной бумаге, в твердом переплете с золотым тиснением. Формат — 17 x 24 см.

1987

650 с.

200 км

ки", страдающих к тому же полным маразмом. Как же иначе объяснить их статью в „Советской культуре“?!

„Спрашивается, — пишут они, — что же случилось, что надо этот период (ленинский. — И. Б.) история партии 'заново перечитывать', заново переосмысливать“.

— ведь о нем же все сказано в соответствующих решениях партийных съездов и пленумов. И как вывод:

„Пора всем общественным наукам к времени оставить свои рабочие кабинеты и выехать в колхозы, совхозы, промышленные предприятия, в Советы народных депутатов, школы, больницы, учреждения культуры и там, в трудовых коллективах, изучать происходящие процессы революционного преобразования, претворения в жизнь решений XXVII съезда КПСС“.

Копание в навозе поднимет историческую науку на новый, недостижимый уровень.

Сей глубокомысленный вывод пришел в голову этим „Ученым“ после ознакомления с выступлением Ю. Н. Афанасьева, ректора Историко-архивного института, в той же газете „Советская культура“,² в котором он призвал преодолеть „сталинскую схему победы Октября“, все еще остающуюся господствовать. Эта схема уже настолько вошла в плоть и кровь советских историков, что число желающих заниматься историей Октября неуклонно уменьшается*. „Лучше меньше, да лучше“, — говорил Владимир Ильич, однако здесь этот справедливый лозунг не срабатывает. Количество работ идет по нисходящей, качество приближается к нулю. Нового нет, дублирование остается основным методом „научной работы“, историки ждут более конкретных указаний.

Вот только некоторые публицисты и писатели поражают своей „смелостью“, время от

* „Скоро 70 лет, как историческая наука концентрирует внимание на проблеме истории Великого Октября. /.../. В этом обширном хозяйстве мы должны образом еще не разобрались“. „По истории Октября в 1976—1980 гг. было опубликовано 255 книг и 285 статей, в 1981—1985 гг. соответственно 145 книг и 75 статей“ („Вопросы истории“ № 6, 1987, сс. 51-52).

„Окиньте взором центральные литературные журналы в год 70-летия Великого Октября — впечатление такое, что этого события в большинстве своем они просто не заметили“ („Лит. газета“, 20.9.87, „Минувшее: полная правда“).

времени мазком серой краски касаясь „белого пятна“. „Гласность — не вседозволенность“, понимай, как хочешь. В такой ситуации и приходится ограничиваться широкоизвестными шаблонами, „пристрастиям к декларациям“, как говорит Афанасьев, — чтобы через некоторое время призвать историков „воссоздать великую героическую и драматическую историю этого события“ (т. е. Октября). Не удивляют и письма читателей, часто студентов и преподавателей, предельно точно отражающих уровень исторических исследований октябрьского периода:

„Октябрьская революция... Это понятие знакомо каждому. Солдаты, матросы, рабочие распахивают ворота и берут штурмом Зимний дворец. Красные флаги... Ленин произносит речь... Но ведь это еще далеко не все. А кто рядом с ним? Кто практически руководил восстанием? Штурмом? А как дальше было?“³

Трудно историкам ответить на эти вопросы: во-первых, документы и пресса того времени под замком, в спецхране; во-вторых, эти документы вряд ли позволят „воссоздать великую героическую и драматическую историю этого события“. Факты, как говорится, упрямая вещь.

Героики было маловато, но вот драматичности — особенно, что касается подготовки большевиков к восстанию, — достаточно.

*

„Коммунистическая партия выступила в революции как мудрый, испытанный вожь трудящихся. /.../ Работа Центрального Комитета партии в этот период является образцом коллективного руководства“ („История КПСС“).

1 сентября 1917 года большевики в первый раз за всю историю Петроградского совета получают там большинство голосов. Троцкий вносит резолюцию, выражающую недоверие президиуму Совета и, к всеобщему удивлению, она проходит. 5 сентября большевистским становится и Московский совет.

С середины сентября Ленин из своего финляндского убежища шлет в ЦК свои знаменитые письма „Большевики должны взять власть“ и „Марксизм и восстание“, в которых ставит перед партией вопрос о немедленном захвате власти:

„Получив большинство в обоих столичных Советах, большевики могут и должны взять государственную власть в свои руки [...] на очередь дня поставить вооруженное восстание в Питере и Москве, завоевание власти, свержение правительства”⁴.

До того времени этот вопрос никем не ставился в такой категорической форме, и ЦК — растерялся. 15 сентября на заседании ЦК в отсутствие Ленина обсуждалось отношение к этим письмам, и протоколы ЦК дают картину полной растерянности. Сталин предлагает разослать письма в наиболее проверенные партийные организации для обсуждения; другие предлагают принять все меры к тому, чтобы письма не распространялись; Каменев требует отклонить предложения Ленина и принять резолюцию, запрещающую какие-либо выступления.

ЦК отклоняет резолюцию Каменева, однако после дискуссий принимает решение, почти дословно повторяющее текст ее:

„Членам ЦК [...] поручается принять меры к тому, чтобы не возникло каких-либо выступлений в казармах и заводах”⁵.

Шестью голосами против четырех, при шести воздержавшихся, решено уничтожить все экземпляры писем, кроме одного. Результат голосования оказался неудовлетворительным, и дальнейшее обсуждение было перенесено на ближайшее заседание ЦК. Однако на дальнейших заседаниях никто не вспомнил об этом решении, настолько эти письма оказались неудобоваримыми.

*

Представление большинства членов руководящих органов партии о восстании до сих пор оставалось каким-то неопределенным, туманным. Каждый вспоминал июльские события, принесшие большевикам поражение и заставившие их на время уйти с политической сцены. Повторная авантюра грозила еще более отрицательными последствиями и вызывала у них чувство страха. К тому же, после реабилитации большевиков во время Корниловского выступления положение изменилось коренным образом: авторитет партии возрос довольно значительно; политическая программа находила большой отклик среди рабочих и солдат, разуверившихся в способности Временного правительства и революционной демократии дать мир и землю; на коммунальных выборах в Петрограде

меньшевики терпят поражение и большевики контролируют большую часть Петрограда; в большинстве Советов крупных промышленных центров большевики становятся сильнейшей фракцией. Динамика этого процесса позволяла надеяться на мирный переход власти в руки Советов, к коалиции, в которой большевики играли бы решающую роль. По сравнению с требованиями Ленина этот путь был наиболее приемлемым для многих, если не для большинства в партии.

*

„ЦК партии выполнил основное указание марксизма — отнестись к восстанию как к искусству” („История КПСС”).

Эти настроения подтверждаются дискуссией о входе в Демократическое совещание, созданное эсерами и меньшевиками 14 сентября в Петрограде, представлявшее все политические и неполитические организации страны. Принципиальное участие в Совещании было принято ЦК уже 3 сентября, правда, без участия Ленина, который был категорически против, но вынужден был отступить перед свершившимся фактом. Ленин предлагает огласить большевистскую резолюцию и двинуть всю фракцию

„на заводы и казармы; там мы должны разъяснить нашу программу и ставить вопрос так: либо полное принятие ее Совещанием, либо восстание. Середины нет. Ждать нельзя”⁶.

Снова Ленин ставит вопрос ребром и снова терпит поражение. На заседании ЦК 21 сентября принимается решение — не уходить с Совещания. По вопросу о вхождении в Предпарламент 9 членов ЦК проголосовало „за”, 8 — „против”. Так как такое соотношение голосов не давало устойчивого большинства, решение передается самой фракции большевиков на Совещании. 77-ю голосами против 50-ти фракция решает принять участие в работе Предпарламента.

Ленин начинает атаковать письмами ЦК, Петроградский комитет и другие партийные организации. Агрессивность тона его посланий идет по восходящей: „законченный идиотизм”, „полное предательство” — вот далеко не полный перечень эпитетов, которыми он снабжал своих противников по ЦК. Он не устает повторять: „Невозможны никакие сомнения насчет того, что в „верхах” нашей

партии заметны колебания, которые могут стать гибельными".⁷

Но никакие выпады вождя не имеют должного воздействия на „верхи“, и он опять обращается с письмом в ЦК от 29 сентября, дающим полное описание разброда и характеристику „партии, целеустремленно ведущей массы к восстанию“:

„Видя, что ЦК оставил даже без ответа мои настояния в этом духе (о восстании. — И. Б.) с начала Демократического совещания, что Центральный орган вычеркивает из моих статей указания на такие вопиющие ошибки большевиков, как позорное решение участвовать в Предпарламенте, как предоставление места меньшевикам в Президиуме Совета и т. д. и т. п., видя это, я должен усмотреть тут „тонкий“ намек на нежелание ЦК даже обсудить этот вопрос, тонкий намек на зажимание рта и на предложение мне удалиться. Мне приходится подать прошение о выходе из ЦК, что я и делаю, и оставить за собой свободу агитации в низах партии“.⁸

ЦК единогласно решает сжечь это письмо.

При помощи Троцкого Ленину удается одержать победу над ЦК, и на заседании 5 октября против одного Каменева принимается решение о выходе из Предпарламента. 7 октября, огласив свою резолюцию „Мы обращаемся к народу. Вся власть Советам!“, фракция большевиков демонстративно покидает Предпарламент, что было равносильно призыву к восстанию. В этот же день в Петроград приезжает Ленин. Происходит новое заседание ЦК, на котором постановляется создать „Бюро для информации по борьбе с контрреволюцией“. Как и многие другие „бюро“, „центры“ — это бюро никогда не собиралось. „ЦК создает редакции, комиссии, тройки, пятерки, семерки, которые не успевают еще собраться, как вторгаются новые события, и все забывают о вчерашнем решении“.⁹ Информация поставляется большевистскими агитаторами с мест. Агитаторы утверждают, что боевого настроения нигде нет, массы в состоянии апатии. „Верхи“ партии все еще в оппозиции к Ленину.

*

В то время как Ленин и ЦК ведут борьбу между собой, в Петроградском совете происходит нечто, что в конечном итоге предопределило исход событий.

9 октября правительство постановило вывести гарнизон из Петрограда на фронт, мотивируя это решение угрозой взятия столи-

цы германскими войсками. Троцкий, председатель Совета с 9 сентября, потребовал пресечь мероприятия Временного правительства, и ЦИК, уже взявший на себя ответственность за оборону города, был вынужден создать Военно-Революционный Комитет, в обязанности которого входила поддержка контактов с флотом, Северным фронтом, финляндскими частями и контроль над подготовкой к обороне столицы.

Большинство ЦИКа, состоявшее из эсеров и меньшевиков, пыталось протестовать против создания ВРК, в котором оно не без оснований усматривало большевистский центр по подготовке восстания. После указания на то, что подобный комитет существовал уже во время Корниловского выступления, эсеры и меньшевики вынуждены были уступить, но в состав Бюро ВРК не вошли.*

Благодаря созданию ВРК большевики получили в свое распоряжение органы печати Совета, а также его контакты со всеми частями гарнизона, с советами городских районов, с фабрично-заводскими комитетами, милицией и красной гвардией; то есть полную свободу агитации... от имени Совета. Все происходило легально, и никто не мог обвинить их в заговоре. Власть Временного правительства была существенно ограничена.

Через 3 дня после возвращения Ленина, 10 октября, состоялось „историческое“ заседание ЦК, постановившее начать восстание.

Ленин заявляет: „Политически дело совершенно созрело для перехода власти /.../ Надо говорить о технической стороне“; „Вопрос стоит очень остро, и решительный момент близок“.¹⁰ После коротких сообщений с мест он ставит свою резолюцию на голосование, и она принимается 10-ю голосами против двух: Зиновьева и Каменева. Кажется, что Ленин наконец одержал полную победу — но только на первый взгляд. Резолюция показывает, что большевистские вожди уклонились от конкретного плана восстания:

„Признавая таким образом, что вооруженное восстание неизбежно и вполне созрело, ЦК предлагает всем организациям партии руководствоваться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы“.¹¹

* Состав Бюро ВРК: Лазимир (эсер), остальные большевики — Подвойский, Антонов-Овсенко, Невский, Юрнев, Мехоношин.

Ни о технике, ни о стратегии восстания речи нет, даже день восстания не был внесен в протокол. По словам Троцкого: „Никакого практического плана восстания, даже приблизительного, в заседании 10-го намечено не было”.¹² На устном обсуждении было решено выступить не позже 15 октября. Странно, что революционный штаб за пять дней до восстания ограничивается общими указаниями — „предложить”, „обсуждать”. По предложению Дзержинского было создано Политическое бюро для руководства подготовкой восстания, но и оно не собиралось. Ленин и Зиновьев скрылись в Финляндии, Троцкий был занят в Совете и метался с одного выступления на другое.

*

Достигнутое на заседании единство не было устойчивым. Через два дня Каменев и Зиновьев обращаются к партийным организациям с развернутой критикой ленинских положений. Восстание, писали они, приведет к поражению и оттолкнет мелкобуржуазный элемент к кадетам; пролетарское правительство не сможет вести революционную войну против Германии, основная масса солдат отвернется от большевиков. „Говорят, 1) за нас уже большинство народа в России и 2) за нас большинство международного пролетариата. Увы! — ни то, ни другое неверно, и в этом все дело”.¹³ Шансы партии не в восстании, а в обороне, в использовании предстоящего Съезда Советов и в подготовке к выборам в Учредительное собрание. Лозунг „Вся власть Советам” имеет только тогда смысл, если на Съезде удастся объединить все пролетарские и непролетарские организации. „Сами сторонники выступления заявляют, что настроения трудящихся и солдатских масс не напоминают хотя бы настроений перед 3 июля”.¹⁴

Проходит шесть дней, и встревоженный Ленин собирает новое заседание. На этот раз присутствуют представители большевистских организаций и фракций Петроградского комитета, Петроградского совета, профсоюзов, железнодорожников, военная организация. Заседание происходит так, как будто и не было „исторического”. Ленин опять призывает к немедленному началу восстания, ставит перед ЦК альтернативу — либо восстание, либо новая корниловщина. После его короткого выступления говорят пред-

ставители организаций. Любопытна их оценка положения:

Бокий, руководитель Петроградского комитета партии: только в двух районах столицы настроение боевое, в остальных 9-ти либо плохое, либо неопределенное.

Крыленко от Военной организации: бюро организации не пришло к определенному решению, существуют разногласия.

Антонов-Овсенко: Балтийский флот выступит, но вряд ли сможет подоспеть к 20-му октября.

Подвойский: в петроградском гарнизоне готовности к выступлению нет, надо подготовиться.

Володарский от Совета: на улице никто не рвется, но по призыву Совета выйдут все.

Скрипник от фабзавкомов: готовы, рвутся выступить.

Шляпников от металлистов: выступление не является популярным, слухи об этом вызвали даже панику.

Милютин от Москвы: настроение неопределенное.

Каменев подвел итог: „Назначение восстание есть авантюризм”. Милютин полагает, что „мы не готовы для нанесения первого удара [...] Встает другая перспектива: вооруженное столкновение [...] И к этому столкновению мы должны быть готовы”.¹⁵

Ленин долго атаковал пессимистически настроенных за их нерешительность, но вынужден был пойти на уступки. Резолюция гласила:

„...ЦК и Совет своевременно укажут благоприятный момент и целесообразные способы наступления”.¹⁶

За резолюцию проголосовало 19, против 2, воздержалось 3. Такая резолюция устраивала наиболее умеренных членов партии, так как восстание намечалось не на определенный день, а лишь как перспектива. Партия отошла, как казалось, от плана активного нападения и перешла к оборонительной тактике, рассчитывая на объективные условия, которые вызовут выступление.

Сторонники Троцкого, отсутствовавшего на заседании, могли быть тоже довольными: партия не выступит без согласи Совета. Так и на этом совещании большевики ограничились обменом информацией и довольно туманным решением выступить около 20 октября, в преддверии Съезда Советов. Был,

правда, создан еще один Военно-революционный центр, прикрепленный к ВРК, но и его постигла участь других многочисленных центров и бюро. До переписывания истории Октября Сталиным, выдвигавшим себя на роль вдохновителя и организатора восстания, этот центр нигде не был упомянут.

*

Ленин, несмотря на компромисс и уступки, оказанные им в ЦК, считал себя победителем. Какова была его ярость, когда 18 октября, за два дня до установленного им выступления, в газете М. Горького „Новая жизнь” он прочел письмо Зиновьева и Каменева, видно из двух писем, направленных ЦК. „Подлость”, „наглость”, „штрейкбрехеры революции” — других слов он не нашел. Зиновьев и Каменев только повторили свои предупреждения:

„/.../ взять на себя инициативу вооруженного восстания в настоящий момент, при данном соотношении сил, независимо и за несколько дней до съезда Советов, было бы недопустимым, гибельным для пролетариата и революции шагом /.../”.¹⁷

Ленин рвал и метал, требовал исключения „штрейкбрехеров” из партии за выдачу планов восстания. И зря: петроградские газеты в эти дни пестрили слухами и догадками о готовящемся восстании большевиков, а большевистская пресса только и говорила о нем.

20 октября (в день назначенного восстания!) собирается ЦК, чтобы обсудить инцидент. 5-ю голосами против 3-х Каменев был выведен из ЦК, об исключении из партии не было и речи. В этот же день центральный орган большевиков публикует письмо редакции, в котором инцидент объявляется исчерпанным, так как и Зиновьев, и Каменев уже заявили о том, что принципиальных разногласий с Лениным у них нет. „Вдохновители и организаторы революции — Ленин и ЦК” по основному вопросу, вопросу о восстании, в течение месяца не достигают единства; более того — два члена ЦК, в прошлом ближайшие сотрудники Ленина, накануне восстания публично отмежевываются от своего учителя, а ЦК не находит в этом ничего особенного.

*

„Организацией восстания руководил Ленин. В. И. Ленин давал указания по выработке детального пла-

на восстания, укреплению и вооружению Красной гвардии” („История КПСС”).

Между тем ВРК под руководством Троцкого медленно, но верно идет к восстанию. Под прикрытием Совета, совершенно легально, ведется подготовка захвата власти. Троцкий не устает повторять: „И никаких вооруженных выступлений нами не было назначено. Но если бы по ходу вещей Совет был вынужден назначить выступление, — рабочие и солдаты, как один человек, выступили бы по его зову”. Все мероприятия ВРК, даже вооружение рабочей милиции, носили чисто оборонительный характер; резолюции и заявления говорили только о защите предстоящего съезда Советов от провокации со стороны „буржуазии” и „контрреволюции”, которые если не сегодня, то завтра могут нанести удар по съезду.

Большевистская агитация этого времени ухватилась за лозунг защиты Всероссийского съезда советов, как не требующий активных действий и одновременно не расходящийся с требованиями последней резолюции о восстании.

Тактика Троцкого требовала величайшей осторожности, так как уверенности в успехе не было, слишком неопределенно было настроение в Петрограде, и гарнизон, важнейший фактор, не был достаточно обработан.

Осторожность Троцкого ввела даже Ленина в заблуждение, который не распознал тех преимуществ, которые имел план ВРК. Уже тот факт, что восстание будет проводиться руками Совета, вызывал у него отвращение. В течение двух десятилетий он боролся за создание „партии нового типа”, партии, которая должна была при подходящих условиях взять власть в свои руки. Именно в свои, так как все другие партии были, по его убеждению, только „прихвостнями буржуазии”. Восстание должно было произойти от имени партии, съезд должен был лишь санкционировать действия большевиков. Еще до 24-го октября он бомбардировал ЦК и партийные организации письмами, требовавшими немедленного выступления: все висит на волоске, вопросы захвата власти решаются не съездами и конференциями, а массами на улице. Ждать съезда Советов — полный идиотизм.

Между тем 21-го октября власть была уже практически в руках большевиков. Собра-

ние полковых и ротных комитетов петроградского гарнизона, на котором Троцкий сделал доклад о текущем моменте, приняло резолюцию, в которой гарнизон признал единственную власть Совет, а 22-го Совет разослал во все части приказ: „Никакие распоряжения по гарнизону, не подписанные Военно-революционным комитетом, не действительны“.

Одни резолюции, однако, дела не делают. Реальный подсчет большевистских сил не давал повода для оптимизма: даже Смольный, штаб восстания, оставался незащищенным вплоть до 24-го октября. Полной уверенности в том, что Временному правительству не удастся вызвать с фронта войска, не было; гарнизон, в целом, был нейтрален и не рвался выступать.

Слова Троцкого: „.../ рабочие и солдаты, как один человек“ выступают по зову Совета, мягко говоря, не соответствовали действительности — как иначе объяснить двухдневные переговоры со Штабом Округа по поводу приказа Совета от 22-го? Или доклад Подвойского 23-го в Совете, в котором он опять подчеркнул, что задача ВРК является защита Петрограда? Директивы ВРК все еще имеют оборонительный характер. ВРК выжидает.

О ЦК большевиков в эти дни практически ничего не известно. После заседания 20-го октября Ленин скрывается и до вечера 24-го в непосредственной работе по подготовке восстания участия не принимает. Даже на заседании ЦК 24-го утром Ленин отсутствует. Протокол заседания никак не напоминает заседание „штаба революции“ во время уже начавшегося восстания. Вся деятельность ЦК сводится к обсуждению распределения присутствующих по местам ведения боевых действий. В свете этих фактов позднейшие утверждения о руководящей роли ЦК кажутся по меньшей мере странными.

*

„По плану были заняты все правительственные учреждения и окружен Зимний дворец /.../. Поддержка восстания народными массами была настолько обеспечена, план восстания настолько тщательно продуман, что оно свершилось на редкость быстро и успешно“ (*История КПСС*).

Выжидательная позиция ВРК оправдала себя. 23-го октября Керенский приказывает закрыть типографию большевистской газе-

ты „Рабочий путь“. Троцкий мгновенно угадывает, какой козырь у него в руках, и незамедлительно пользуется им. В типографию посылается отряд пехоты, который, не встретив какого-либо сопротивления, распечатывает ее. Легкость этой первой победы окрыляет и удивляет восставших, но даже безнаказанность этого шага не может раскаты основную массу солдат и рабочих.

Разработанный план захвата важнейших учреждений, окружения Зимнего дворца и ареста Временного правительства, учитывающий все до деталей, вплоть до плана передвижения частей восставших и их задач, срывается. По словам Подвойского, одного из непосредственных руководителей восстания, — в силу недостатков, неизбежных „во всяких крупных операциях, в которых /.../ отводится большая роль подъему и энтузиазму“. То есть вооруженных „масс“ на улицах Петрограда не было. По приблизительным подсчетам, на стороне большевиков было около 6000 активных бойцов, ядро которых составляли примерно 2000 кронштадтцев. Рабочая Красная гвардия подвела своих „вождей“: из обещанных 10.000 гвардейцев на улицу вышло только 1500.

Гарнизон предпочел нейтралитет и, можно сказать, подчинился приказу Полковника* от 24-го, запрещавшему выходить на улицы Петрограда.

*

В течение 24-го ВРК рассылает своих комиссаров и малочисленные отряды для захвата правительственных учреждений.

„Начиная с двух часов ночи, небольшими силами, выведенными из казарм, были постепенно заняты вокзалы, мосты, осветительные учреждения, телеграф, телефонное агентство. Группки юнкеров не могли и не думали сопротивляться. В общем, военные операции были похожи скорее на смены караулов в политически важных центрах города /.../

Город был совершенно спокоен. И центр, и окраины спали глубоким сном, не подозревая, что происходит в тиши холодной осенней ночи. Не знаю, как выступали солдаты /.../ По всем данным, без энтузиазма и подъема /.../ Ждать боевого настроения и готовности к жертвам от нашего гарнизона не приходилось /.../ Операции, развиваясь постепенно, шли настолько гладко, что больших сил и не требовалось /.../ Штаб повстанцев действовал осторожно и ощу-

* Начальник Штаба Петроградского Округа.

пью — можно сказать, слишком осторожно и слабо нащупывая почву¹⁸.

*

Воспоминания Суханова подтверждаются почти всеми мемуаристами, не исключая Троцкого — руководителя восстания.

Заявив в ночь с 24-го на 25-е почти все важные учреждения и имея силы, намного превосходящие силы защитников Временного правительства; заявив в 10.00 утра о том, что „Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета Р. и С. Д. — ВРК“, большевики проявляют странную нерешительность во время операции по захвату Зимнего дворца. „Судьба Зимнего дворца, — говорит Троцкий, — должна решиться в течение ближайших минут“. ВРК дает приказ занять Зимний в 3 часа дня — ничего не происходит. В 6 часов вечера ВРК предъявляет Штабу ультиматум: дается 20 минут на сдачу правительства; по истечении этого срока ультиматум продлевается еще на 10 минут. Происходит мелкая перестрелка, но дворец не взят. Ленин, появившийся в Смольном к открытию Съезда Советов, шлет записки Чудновскому и Антонову-Овсенко с требованием немедленного захвата дворца, нервничает и ругается.

Около 11-ти часов вечера начался обстрел дворца* и беспорядочная перестрелка. Малочисленные и разрозненные отряды восставших не решаются идти на штурм. Чудновский проникает во дворец и предъявляет новый ультиматум. Начальник обороны дворца, потерявший значительную часть защитников (просто ушедших с Дворцовой площади), решает сдать дворец. Остальное — проза. Никакой „героики“. Разрозненные отряды проникают во дворец с черного входа, с главного входа, берут в плен конюхеров, не оказавших сопротивление. В 2 часа ночи Антонов-Овсенко арестовывает Временное правительство.

* Легенда о стрельбе с крейсера „Автора“ и с Петропавловской крепости заслуживает отдельного разговора. По всем данным, „Аврора“ не могла стрелять по Зимнему дворцу в силу своего расположения и ограничилась холостым выстрелом в воздух. Матросы крейсера на следующий день говорили, что пушки „Авроры“ бездействовали.

Орудия Петропавловки не были „подготовлены“ — солдаты отказывались стрелять. Только после призыва матросов пушки застреляли. Из 30-ти выстрелов было 3 попадания, не причинивших дворцу почти никакого ущерба.

Итак, где же „героика“ этих событий? Полнейший разброд в ЦК накануне захвата власти, дилетантски составленные планы, какая-то неуклюжая осада Зимнего дворца, при почти полном отсутствии какого-либо организованного сопротивления со стороны защитников Временного правительства, — это и есть „Великая Октябрьская Социалистическая Революция“?

Видимо, исторические факты настолько неудобны, настолько не вписываются в схему, предлагаемую руководящими товарищами, настолько не соответствуют пафосу, распространяемому в преддверии 70-летнего юбилея, что историки боятся этой темы, как огня. На совещании историков, посвященном истории Октября,¹⁹ „полемики по этому вопросу не было“. В сборниках и энциклопедиях по истории Октября, вышедших в свет в этом году в СССР, какой-либо „гласности“ и „уничтожения белых пятен“ не видно. Да кто же решится и кому позволят переписывать историю партии? Кто осмелится, например, повторить вслед за Сталиным: „Вся работа по практической организации восстания проходила под непосредственным руководством Троцкого“?²⁰ Кто посмеет заявить, что Ленин в течение 4 месяцев до восстания не принимал непосредственного участия в его подготовке? Кто укажет на несоответствие плана Ленина с действительным ходом восстания? Что ЦК не играл большой роли в событиях тех дней? Куда приведет полная реабилитация всех участников переворота, значительная часть которых после захвата власти находилась почти в постоянной оппозиции к Ленину, а потом к Сталину, и была уничтожена в 20-е и 30-е годы?

Думается, что не найдется таких смельчаков. Да и задача, поставленная перед советскими историками, заключается в том, чтобы „история работала на сегодняшний день“, а не на разрушение мифов, на которых держится „сегодняшний день“ первой в мире страны социализма.

„История — это политика, опрокинутая в прошлое“ — эти слова одного из первых большевистских историков М. Покровского действительно по сей день и, вероятно, останутся в силе в дальнейшем. Историческая наука остается служанкой партии.

В заключение приведем слова профессора Бурганова, цинично, но честно передающие отношение власть имущих к „уничтожению белых пятен”:

„Да, у нас разворачивается гласность. Но, знаете ли, господа, она отнюдь не для порнографии вообще, и политической в особенности”.²¹

Комментарии излишни.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. „Советская Культура”, 4.7.87.
2. Там же, 21.3.87.
3. Там же, 4.7.87.

4. Ленин, ПСС, т. 34, сс. 239—240.
5. Протоколы ЦК РСДРП (б), Москва, 1968, с. 55.
6. Ленин, ПСС, т. 34, с. 247.
7. Там же, с. 263.
8. Там же, сс. 282—283.
9. Л. Троцкий, „Сталин”, т. 1, с. 305.
10. „Протоколы...”, сс. 84—85.
11. Там же, сс. 85—86.
12. Л. Троцкий, „История русской революции”, с. 171.
13. „Протоколы...”, с. 88.
14. Там же, с. 90.
15. Л. Троцкий, „История...”, с. 174.
16. „Протоколы...”, сс. 97—104.
17. Там же, с. 116.
18. Суханов, „Записки о революции”, кн. 7, с. 160.
19. „Вопросы истории” № 6, 1987, с. 50.
20. „Правда”, 6.11.1917.
21. „Советская Культура”, 7.9.87.

Ноябрь 1917 года в Москве

Н. РУТЫЧ

„Триумфальное шествие советской власти”, прочно вошедшее по сталинскому рецепту в советскую историографию, было в действительности таким же медленным, „ползучим” процессом, каким был и сам Октябрьский переворот.

Изверившийся в трескучих революционных фразах Петроградского совета, от которого всегда зависело Временное правительство, народ не видел в падении Керенского катастрофы. Все надежды возлагались теперь на выборы в Учредительное собрание. Выборы должны были начаться в ноябре. Подавляющее большинство населения не верило, что большевики — тогда лишь одна из партий революционной демократии — посмеют пойти против воли законно избранного Учредительного собрания. Ведь за прямое, равное, тайное и всеобщее голосование большевики на словах боролись так же, как и другие партии левой интеллигенции, и теперь, когда в истории России эти права впервые осуществились, никто не представлял себе, что у демократии могут оказаться враги слева. Другие партии революционной демократии, прежде всего меньшевики и эсеры, сами все еще не могли расстаться с иллюзией о „едином социалистическом правительстве”

с обязательным участием большевиков, но с исключением всех остальных, несоциалистических партий. И после Октябрьского переворота меньшевики и эсеры продолжали занимать эту в сущности антидемократическую позицию, погубившую в конечном итоге и их самих.

В свете этой политической обстановки, необходимо остановиться хотя бы на некоторых примерах „победы Октября” в провинции. В Нижнем Новгороде (Горький) советская власть была провозглашена 21 ноября.* Крестьянский съезд в Воронеже (489 депутатов, в том числе 24 большевика) держался до 28 декабря, когда прибыл отряд матросов, разогнавший съезд. В соседней с Московской маленькой Калуге сразу после Октябрьского переворота был создан Временный исполнительный комитет, и правительственный комиссар Елкин передал от его имени готовность Калуги принять свергнутое Временное правительство. Еще 14 ноября в Калуге был разогнан Военно-революционный комитет, созданный прибывшими из Москвы большевиками.

Эти немногие примеры говорят о том, что хотя в стране и царил безвластие, но чаша весов отнюдь не склонялась на сторону большевиков, и именно это обстоятельство —

Глава из книги: Н. Рутыч, „КПСС у власти”. Изд. „Посев”, 1960.

*Здесь и дальше даты даются по старому стилю.

положение в русской провинции — не позволило большевикам тогда сразу сорвать выборы в Учредительное собрание.

Вот почему исход борьбы в Москве был крайне важен для страны. Он мог повернуть события и создать реальные силы для поддержки Учредительного собрания. Это понимала московская молодежь (юнкера, студенты, гимназисты, часть интеллигенции), взявшаяся за оружие.

Ленин был информирован московскими большевиками о том, что они готовы к захвату власти и отсюда в предоктябрьские дни вырос даже один из его планов — „начать в Москве, а в Петрограде поддержать”. Однако в действительности московские большевики оказались в хвосте событий. Только после известия о захвате Зимнего дворца они решили начать восстание.

По петроградскому рецепту восстание должно было быть начато от имени Совета рабочих и солдатских депутатов. 25 октября в здании Политехнического музея собралось расширенное заседание Московского совета и, как ни странно, на нем никто всерьез не возражал против создания временного органа для борьбы с „контрреволюцией”. Так был создан Московский Военно-революционный комитет. В него вошли от большевиков Ломов, Смирнов, Усиевич и Муралов. Последний — будущий командующий Московским военным округом, член Реввоенсовета и, еще позднее, известный троцкист — был фактически главным деятелем большевистского восстания. От меньшевиков в ВРК вошли Николаев и Тетельбаум. Позже большевики кооптировали в ВРК руководителей Красной гвардии — Розенгольца, Ведерникова и др. На следующий день меньшевик Югов огласил декларацию о том, что меньшевики вошли в ВРК лишь для того, чтобы продолжать борьбу против „безумной авантюры”, как они называли Октябрьский переворот, и смягчить удары, которые, мол, неизбежно падут на головы демократии после поражения восстания. Июльские события в Петрограде еще не были забыты в Москве.

Первым решением Военно-революционного комитета было поручить Розенгольцу привести к Московскому совету на бывшей Скобелевской площади, где разместился ВРК, „минимум тысячу солдат с пулеметами”. Вся большевистская организация была брошена на агитацию в казармы. Многочисленные большевистские мемуаристы рас-

сказывают, как они ночью вели войска к ВРК. Так, например, Ангарский и Мостовенко называют разное время, когда каждый из них привел из Хамовнических казарм тот же самый 193-й запасный полк. Полк действительно собирался всю ночь, но к совету пришли только три роты, которые, по свидетельству большевика Будзинского, оказались небоеспособными. Тот же Будзинский пытался вывести 55-й запасный полк, но после инцидента с разорвавшейся ночью винтовкой полк ограничился лишь „посылкой разведки” к совету. Не будем перечислять других попыток. В результате всех усилий, на следующее утро в распоряжении ВРК находилась лишь одна рота, а днем позже, 27 октября, Ломов мрачно констатировал: „нет солдатских частей, мало рабочих-красногвардейцев”. Единственной опорой ВРК оказались разрозненные группы „двинцев”, — несколько сот солдат разных частей, привезенных в Москву после бунта на фронте и посаженных в Бутырскую тюрьму.

Важнейшей частью плана и главной надеждой ВРК был захват Кремля с находившимся там складом оружия. Рано утром 26 октября в Кремль явился назначенный ВРК комиссар Е. Ярославский и объявил комендантом прапорщика Берзина — молодого большевика из 56-го запасного полка, игравшего впоследствии крупную роль в гражданской войне и позже в троцкистской оппозиции. Со стороны штаба округа никто не препятствовал действиям Ярославского и Берзина; находившиеся в Кремле три роты 56-го запасного полка открыли склады и началась погрузка оружия. Но на этом и кончились первые успехи ВРК.

На Красной площади неожиданно появились вышедшие по собственной инициативе патрули юнкеров Александровского училища, поддержанные на первых порах двумя казачьими сотнями. Кремлевские ворота пришлось закрыть и приехавшие за оружием красногвардейцы оказались вместе с солдатами 56-го запасного полка в осаде.

Правительственным комиссаром в Москве был энергичный доктор Кишкин, но он оказался 25 октября в Зимнем дворце в Петрограде и попал вместе с другими членами Временного правительства в Петропавловскую крепость. Другие представители правительства в Москве занимали позицию, которую правый эсер Авксентьев позже охарактеризовал как „преступное бездействие”.

Действительно, никаких следов деятельности замещавшего Кишкина правительственного комиссара Григорьева в дни московского восстания отыскать невозможно.

Командующий округом полковник Рябцев сделал свою карьеру на шумихе, поднятой против генерала Корнилова в августе 1917 года. Он был связан с одной из социалистических партий, сотрудничал во „Власти народа“, издаваемой Кусковой, а в 1919 году в одном из социал-демократических журналов левого направления в Харькове, где и был расстрелян при занятии города Добровольческой армией генерала Деникина. Рябцев бездействовал, не отдавая никаких приказов московскому гарнизону и вел долги, оставшиеся до сих пор неизвестными, переговоры с ВРК. До вечера 27 октября Рябцев лишь попробовал уговорить солдат 56-го запасного полка в Кремле допустить к охране и юнкеров. Этот представитель Временного правительства, которое уже находилось в Петропавловской крепости, упорно заявлял, что он до конца будет стремиться избежать гражданской войны.* В то же время Московская городская дума, являвшаяся более широким, чем Совет, общественным органом, образовала под давлением эсера Руднева Комитет общественной безопасности (КОБ), который, однако, не выставил никакой политической платформы, а объявил, что преследует лишь задачи „охраны и безопасности населения в период кризиса государственной

* Только пассивностью Рябцева и его сознательным нежеланием связываться с войсками, посланными Ставкой на подавление большевистских выступлений во Ржеве и Калуге, можно объяснить, например, неприбытие в Москву 26 октября стойкой бригады Кавказской кавалерийской дивизии, разгромившей с боем большевистские гарнизоны Калуги еще 18 октября.

До сих пор мало изучен вопрос о верных правительству войсках, так и не прибывших в Москву вопреки ожиданию юнкеров.

В ожидании приказа из Москвы 25 октября вечером в Калуге, как пишет в любезно предоставленных нам дневниках штаб-ротмистр Нижегородского драгунского полка А. А. Столыпин, „состоялось пленарное заседание полкового комитета и офицеров полка. Была вынесена резолюция — во всем поддерживать Временное правительство... Во время заседания пришли представители Второго Кубанского казачьего полка и „выразили готовность головы сложить за правительство“».

Оба полка с приданными им броневидами, не получая никаких распоряжений из Москвы, оставались в бездействии в Калуге до 31 октября, после чего были возвращены на фронт.

власти”. Однако и в этот комитет не были допущены не только кадеты, но даже и народные социалисты, которые, по свидетельству С. П. Мельгунова, были нежелательны, так как не подходили для предполагаемого объединения на единой платформе с большевиками.

Как ни странно, прибывший 27 октября из Петрограда член Временного правительства Прокопович, получивший на совещании товарищей министров полномочия организовать сопротивление в Москве, в КОБ не вошел и никакой борьбы не возглавил. Единственное, что он сделал, — обосновался в Александровском военном училище и оттуда старался смягчить напряженные отношения между КОБ и вооруженными силами, — спонтанно выступившими на защиту правительства юнкерами и студентами.

Военная молодежь и студенчество (по свидетельству большевиков на 85% бывшие против ВРК) самостоятельно организовали патрулирование центра города. С 26 октября в Александровском военном училище и в Манеже шли многочисленные собрания и митинги, на которых выставлялось требование отставки Рябцева за бездействие. Учащаяся молодежь предложила принять командование находившемуся тогда в Москве генералу Брусилову, но он отказался. Только 27 октября вечером, под давлением непрерывных митингов юнкеров и студентов, полковник Рябцев был вынужден объявить военное положение в Москве и предъявить засевшим в Кремле большевикам ультиматум о сдаче.

Берзин отверг ультиматум и поздно вечером начался обстрел Кремля из пулеметов и винтовок. После почти непрерывного ночного митинга большинство солдат 56-го запасного полка решило сдать на следующее утро. Вынужденный к тому солдатами, Берзин открыл ворота.

Без достаточного охранения юнкера вступили в Кремль. Тогда часть солдат и красногвардейцев уже из казарм вдруг открыла огонь. Юнкера бросились было назад к воротам, но там развернулись и с помощью подошедшего броневида принудили сопротивлявшихся к сдаче. Было около ста убитых и раненых с обеих сторон. Этот эпизод многие советские историки превратили в сцену массового расстрела солдат в Кремле юнкерами. Большинство сдавшихся солдат

и красногвардейцев через несколько дней были освобождены большевиками.

Теперь Рябцев мог легко окружить и занять помещение ВРК. По свидетельству Ломова, „это ничего не стоило сделать”. Но Рябцев предъявил ультиматум о сдаче и вновь погрузился в бездействие. Между ним и Ногиним снова начались переговоры об условиях разоружения и сдачи ВРК. Затягивая время, Ломов и Ногин соглашались по всем пунктам, кроме одного — суда над членами ВРК.

Штаб Рябцева не пытался также произвести хотя бы минимальную мобилизацию сил. В Лефортове, не получая никаких распоряжений, оставалось изолированным Алексеевское военное училище. В таком же положении находилась в Замоскворечье школа прапорщиков. В Москве, как показала большевистская регистрация несколько недель спустя, находилось в это время около 30 тысяч офицеров, но никто не подумал о призыве этих сил, так же как и ряда частей совсем небольшевистских настроений.

Генерал Алексеев, писавший 8 ноября в ставку о московских событиях, готов был обвинить полковника Рябцева в предательстве и объяснял причины поражения в Москве только тем, что юнкера и студенты „не имели совершенно предвзятительной организации и не были никем управляемы”.

День 28 октября прошел в бездействии. Известный большевик Олимпийский позже вспоминал, что „бывали моменты, когда казалось, что центру только и оставалось, что бежать”. Кроме „двинцев” и случайных солдат, ВРК не имел никакой охраны. Группа в 20-30 юнкеров и 40 вооруженных студентов заняла находившийся поблизости дом градоначальства на Тверском бульваре и вызвала панику в большевистском штабе.

Только после многих усилий и под влиянием сведений о победе в Петрограде ВРК удалось к вечеру 28 октября подвести несколько орудий из первой артиллерийской бригады, расположенной на Ходыньском поле, к своему штабу на Скобелевской площади.

Найденные в ночь на 29-ое октября двадцать вагонов с винтовками помогли вооружить „двинцев” и несколько сот с трудом собранных красногвардейцев. На противоположной стороне силы тем временем таяли. Положение может быть охарактеризовано примером занятия пятнадцатую ударни-

ками, стоявшими на стороне правительства, Брянского вокзала: шесть из них успешно прикрывали занятие огнем, а девять заняли временно сам вокзал. Небольшого количества юнкеров и студентов не хватало, однако, для занятия всех многочисленных эшелонов, которые надо было охранять, и едва хватало для обороны центра. Эта оборонительная тактика и погубила дело.

Начиная с 26 и по 29 октября штаб большевиков мог легко быть захвачен, и Москва имела все предпосылки стать опорой в установлении твердой власти, необходимой для обеспечения работы Учредительного собрания, но полковник Рябцев и руководители из Комитета общественной безопасности, казалось, делали все, чтобы помешать успеху большевистского восстания.

29 октября КОБ повторил известную историю переговоров „Викселя” и заключил перемирие с ВРК. Этим временем большевики сумели воспользоваться: они вооружили несколько отрядов в Замоскворечье, а из Иваново-Вознесенска прибыл отряд Фрунзе — это позволило ВРК прервать перемирие и возобновить наступление.

Бои начались, главным образом, у бульварного кольца. 31 октября в районе Никитских и Арбатских ворот силы ВРК* — около 500 человек с артиллерией — начали наступление, но были отбиты юнкерами и студентами, которых на этом участке было всего около 90 человек. Еще раньше артиллерийским обстрелом большевики вынудили юнкеров покинуть здание градоначальства. Из Замоскворечья начался артиллерийский обстрел Кремля. Несмотря на это, небольшой отряд юнкеров в тот же день, 31 октября, когда ВРК располагал уже значительными силами, почти пробился на Скобелевскую площадь и броневик юнкеров заставил разбежаться артиллерийскую прислугу. Но эта единичная попытка, предпринятая по инициативе одного из отрядов молодежи, окончилась ничем, так как у юнкеров не хватило патронов. Вообще не получая никакого снабжения уже с 31 октября, юнкера имели по 10 патронов на сутки и фактически именно эта причина заставила их прекратить бой.

1 ноября все еще немногочисленные силы

* ВРК командовал левый эсер Саблин, через 8 месяцев посаженный в тюрьму большевиками за участие в лево-эсерском восстании.

Военно-революционного комитета вливаются в центр города и начинают артиллерийский обстрел гостиницы „Метрополь” и Кремля. Юнкера постепенно уходят, оставаясь лишь в отдельных зданиях. После сильного артиллерийского обстрела утром 2 ноября силы ВРК занимают Кремль. Большинство юнкеров ушло в течение ночи. Лишь немногие оставались у Николаевского дворца, где под начальством командира 56-го запасного полка Пекарского продолжали охранять золотой запас. Еще до прихода сил ВРК старый генерал Кайгородов — начальник арсенала — выпустил сидевших под арестом солдат 56-го запасного полка и их начальни-

ка Берзина. Пекарский и часть юнкеров были расстреляны.

Так кончились бои в Москве, где небольшая группа молодежи пыталась самостоятельно, без руководства, без оружия и снабжения оказать сопротивление захватчикам власти и выступить на защиту законного правительства. Большинство этой молодежи, глубоко разочарованное поведением партийных вождей из Комитета общественной безопасности, вскоре потянулось поодиночке на юг, чтобы вступить добровольцами в армию генералов Алексеева и Корнилова, начавших под лозунгом Учредительного собрания борьбу за свободу в России.

«Юманите» в дни переворота

Аркадий СТОЛЫПИН

Передо мною книжонка в своем роде весьма уникальная. Это сборник статей, опубликованных в 1919 году. Заголовок — „На пути к русской катастрофе”, подзаголовок: „Письма из Петрограда — октябрь 1917 г. — февраль 1918 г.”.* Автор — теперь всеми забытый Борис Кричевский. Француз, очевидно, польского происхождения, знакомый с русским языком.

Был он журналистом и ревностным социалистом, членом редакции газеты „Юманите”. Основанная Жоресом газета была в те времена органом социалистической партии Франции. Коммунистические элементы еще только начинали в нее просачиваться.

10 октября 1917 г. дирекция „Юманите” извещает читателей об отбытии Кричевского в Петроград, рекомендуя его как журналиста, „писавшего за последние годы талантливые статьи на международные темы”.

Как все социалисты того времени (да и сейчас), наш автор, пускаясь в путь, считает, что свергнутый царский строй был воплощением самой ужасной кровавой тирании. „Молодая русская революция” открывает в его глазах новую, светлую страницу для всего человечества. Но судя по всему, Кричевский

не фанатик, а достаточно прямой и мужественный человек. Столкнувшись в Петрограде с русской действительностью, он пишет правду. Хотя и будучи социалистом, он клеймит „керенщину” — Временное Правительство последнего состава, и этой теме посвящена значительная часть его статей. Клеймит Ленина, в котором он справедливо усматривает основной корень зла.

Измучаясь, читая вышедшие из-под пера корреспондента „Юманите” репортажи, далеко превосходящие по своей правдивости все, что писала в те времена „буржуазная” пресса.

О Временном правительстве

В политическом положении, сложившемся в Петрограде, Кричевский разбирается быстро. С недоумением... с возмущением. В статье от 15/28 октября он пишет:

„Ветеран революционной борьбы, прошедший несколько лет на царской каторге, сказал мне, что если бы „доблестный” генерал (Корнилов. — А. С.) сумел победить, то он был бы встречен бурными овациями огромным большинством петроградского населения... Что касается правительства Керенского, то оно подорвано изнутри. Военный министр Савинков — бывший член террористической дружины социалистов-революционеров — скомпрометирован в деле Корнилова. Четыре министра социалиста подали заявление об отставке”.

* Bibliothèque d'histoire contemporaine — B. Krichewsky. „Vers la catastrophe russe”. Lettres de Petrograd au journal „L'Humanité” octobre 1917 — février 1918. Librairie Felix Alcan.

Ввергая страну в „разруху” (слово, которое Кричевский часто употребляет, пользуясь латинским шрифтом), Керенский — по мнению корреспондента „Юманите” — подготавливает приход к власти Ленина. Он пишет:

„Словом, к середине октября (по русскому стилю) правительство, партии, социалисты погрузились здесь в пассивное ожидание большевистского восстания. Случится ли это сегодня? Намечено ли это на завтра? — спрашивали друг друга люди по мере того, как приготовления заговорщиков приближались к концу.

Все интересовались лишь вопросом о сроках — подобно барану, знающему, что его поведут на убой, или смертнику, закованному в своей темнице”.

7 ноября / 25 октября наш автор посвящает „керенщине” заупокойную статью:

„Лишенное какой-либо вооруженной силы и какого-либо морального авторитета, преданное и подорванное изнутри — таково было правительство этой страны за несколько часов до переворота”.

О перевороте

На эту тему Кричевский пишет пространно. Много общеизвестного. Приведу, однако, несколько характерных черт.

В статье от 11 ноября / 29 октября он дает следующую характеристику переворота:

„Ленин и Троцкий захватили власть не путем рабочего восстания. Восстания не было вообще. Рабочий люд Петрограда крепко спал в ночь на 7 ноября, как и остальные жители”.

И далее:

„Дабы придать своей аванюре пролетарскую окраску, Ленин и Троцкий могут лишь чваниться названием „красной гвардии”. Это частично парни, искренне поверившие большевистским посулам. Но частично это тоже и элементы, называемые в Париже „аппашским отребьем”, а здесь — хулиганами, стремящимися использовать в личных целях большевистскую демагогию”.

Из еще не запрещенной свободной прессы Кричевский берет ряд цитат:

„Нет, рабочие Петрограда не заслуживают кровавого оскорбления, представляющего их зачинщиками переворота” („Рабочая газета” — орган меньшевиков от 8 ноября / 26 октября).

„Организованный русский социализм воздвигнет вокруг этой банды пустое пространство, как вокруг здания, зараженного чумой” („Дело народа” — ор-

ган центрального комитета социалистов-революционеров).

От себя корреспондент „Юманите” добавляет:

„Еще в субботу — через три дня после победы над женским батальоном — мне говорили, что оргии пьянства и разрушения продолжались в Зимнем дворце...”

Но довольно, довольно упоминать об этом позоре, нанесенном России, революции, социализму”.

О первых репрессиях

Касательно созыва Учредительного Собрания наш автор питает мало иллюзий. „В передовой статье „Известий” от 7 декабря / 24 ноября, — пишет он, — заявлено открыто „о необходимости отстранить кадетскую партию от Учредительного Собрания”. И далее: „Накануне дня, назначенного для открытия Учредительного Собрания — 11 декабря / 28 ноября — поспешно издан декрет. Вот его содержание: „Руководящие члены кадетской партии, являющиеся врагами народа, должны быть арестованы и предстать перед революционными судами”.

К этим строкам корреспондент добавляет предостережение:

„Насторожитесь, мои друзья-социалисты Франции и других стран! Поймите, что русские социалистические организации обречены диктаторами на ту же участь, что и руководители кадетской партии. Видные представители социалистических партий оказались в большевистских тюрьмах даже ранее кадетских лидеров.

Я только отмечу еще, что аресты активных социалистов участились по мере приближения даты открытия Учредительного Собрания”.

Корреспондент „Юманите” ярко отражает атмосферу слухов, которые распространялись в тогдашнем Петрограде. Слухов — ни на чем не основанных и ложно утешительных. В статье от 30/17 ноября он пишет:

„Остатки независимой печати, еще не запрещенные диктаторами, сообщают, что кайзер отказывается вести переговоры с большевистским правительством. Он желает иметь дело лишь с законным монархом, либо с представительством Учредительного Собрания. Этот слух, соответствующий здравому смыслу, держался в течение восьми дней и даже дольше. А диктаторы не решились его опровергнуть”.

Далее Кричевский пишет:

„Здесь много говорят о переговорах некоторых социалистических лидеров, нашедших якобы убежище в Могилевской ставке. По слухам, целью этих переговоров является сформирование нового Временного правительства. Независимые газеты уже опубликовали состав этого правительства, якобы возглавляемого гражданином Черновым”.

Мало общего с тем, что происходило на самом деле, как не без иронии отмечает Кричевский.

Переоценка прошлого

Насколько это возможно на страницах „Юманите”, Кричевский переосмысливает прежнюю российскую государственность.

„Насилия, совершаемые красновардейцами, — пишет он, — побуждают сожалеть об отсутствии полицейских и жандармов старого режима.

Так, в своем жилище в Царском Селе наш друг Плеханов, ветеран русского марксизма, подвергся со стороны большевистских юнцов оскорблению, на которые никогда не решились бы жандармы царя... Плеханов сказал им гордо: 'Я посвятил сорок лет моей жизни революционной борьбе'. Это заявление показало невероятным представителям 'сознательного пролетариата' ”.

В статье от 2 декабря / 20 ноября касательно участия Учредительного Собрания Кричевский пишет:

„В свое время Столыпин угрожал заранее и открыто, что он весной 1907 года распустит Вторую Думу (неверно. — А. С.). Только, увы, приходится признать, что большевистские подражатели Столыпина пошли куда далее своего предшественника”.

В следующей статье он подчеркивает:

„Повторяю еще раз, что царские министры, в том числе сам Столыпин, обращались с 'бунтующими' Думами более корректно”.

О Ленине

В глазах корреспондента „керенщина” проложила Ленину путь к власти. К этой теме он возвращается не раз. В статье от 28/15 октября он пишет:

„Так например, Троцкий, будучи лишь председателем Петроградского совета, преспокойно направлял приказы о реквизиции оружия на государствен-

ные заводы и они выполнялись быстрее, чем заказы военного министра”.

В статье от 8 декабря / 25 ноября он напоминает:

„Уже при Керенском начались, продолжающиеся при Ленине, 'сельскохозяйственные погромы'. Пустошали и подвергались грабежу большие усадьбы, уничтожались редкие высококультурные оазисы [...]/ уничтожались сельскохозяйственный инвентарь и породистый скот, прекрасные библиотеки и картины знаменитых мастеров. Все это заканчивалось и заканчивается кровавыми схватками во время дележа добычи”.

А вот характеристика Ленина:

„Кошмар, зародившийся в помыслах маньяка и осуществляемый демагогами и низкопробными авантюристами [...]/ кровавый кошмар, называемый 'социалистической революцией’ ”.

Или еще, вскоре после переворота:

„Ленин пренебрегает возмущением общественно-го мнения, превосходя в этом худших министров Николая Второго... До самого конца большевизм останется верен своей сущности: ничего для России, все для так называемой 'власти советов'. В этом вопросе Ленин будет непреклонен, несмотря на мощное наступление противника”.

Любопытны строки из статьи Кричевского от 14/1 января 1918 г.:

„Орган Горького „Новая жизнь” от 29/16 декабря поместил большую статью Базарова — известного марксистского теоретика. Он пишет о Ленине: 'Это — неизлечимый маньяк, подписывающий декреты в качестве главы русского правительства. На самом деле он должен был бы быть подвержен гидротерапевтическому лечению под надзором опытного психиатра’ ”.

Это писалось в органе Максима Горького и воспроизводилось в „Юманите”, ставшей впоследствии (и остающейся поныне) провоздником тоталитарной идеологии!

Роль Германии

О том, что Ленин получал значительные субсидии от Германии, воевавшей против России, Кричевский не пишет. Правда, в те времена не были известны изобличающие Ленина документы, найденные в Берлине после Второй мировой войны. Однако он не обо-

претенциозно определял ее значение: „Я состоял председателем военной комиссии, в которой, с арестом членов царского правительства, сосредоточивалась вся власть в стране... Я настаивал на скорейшем принятии от меня всех функций образовавшимся Временным правительством“. Это оригинальное самодовлеющее учреждение, находившееся в оживленной связи с Советом раб. и солд. деп., „являясь посредником между совдепом, комитетом и правительством“, существовало, однако, до 17 мая, когда на запрос Родзянко военный министр Керенский уведомил его, что „военная комиссия блестяще исполнила все поручения и задачи в первые два месяца после переворота“, но что „в продолжении деятельности комиссии надобности нет“.

С передачей власти *Временному правительству* Госуд. Дума и Комитет ушли в сторону, но не прекращали своего существования, пытались давать моральное обоснование и поддержку трем составам правительства. Но если 2 мая во время первого правительства кризиса комитет боролся еще за право *назначать* членов правительства, то позднее он ограничивался уже только требованием *участия* в составлении правительства. Так 7 июля комитет Гос. Думы протестовал против устранения своего от участия в образовании Керенским нового состава Временного правительства, считая это явление „юридически недопустимым и политически пагубным“. Между тем, Гос. Дума имела неотъемлемое право на участие в руководстве жизни страны, ибо даже в лагере ее противников признавалась огромная услуга, оказанная революции Думой, „покорившей ей сразу весь фронт и все офицерство“ /.../

Сами члены Гос. Думы, тяготясь своим вначале добровольным, потом вынужденным бездействием, начали проявлять некоторый абсентизм, с которым пришлось бороться председателю. Тем не менее, и Дума и Комитет горячо отзывались на все выдающиеся события русской жизни, выносили постановления, осуждающие, предостерегающие, вызывающие к разуму, сердцу и патриотизму народа, армии и правительства. Но Дума была отмечена уже революционной стихией. Ее обращения, полные ясного сознания грядущей опасности и несомненно государственные, не пользовались уже никаким влиянием в стране и игнорировались правительством. Впрочем, и такая мирная, не борющаяся за власть Дума вызвала опасения в среде революционной демократии, и советы вели яростный поход за упразднение Гос. Думы и Гос. Совета. В августе декларативная деятельность Гос. Думы стала замирать, и когда 6 октября Керенский, по требованию Совета, распустил Гос. Думу,* это известие не произвело уже в стране сколько-нибудь заметного впечатления.

Потом долго еще идею 4-ой Гос. Думы или собрания Дум всех созывов, как опоры власти, гальвани-

* Законный 5-летний срок оканчивался 25 октября.

А. И. Деникин

зировал М. В. Родзянко, пронеся ее через Кубанские походы и „Екатеринодарский добровольческий“ период антибольшевистской борьбы...

Но Дума умерла.

Трудно сказать, был ли неизбежным отказ от власти Гос. Думы в мартовские дни, вызывался ли он реальным соотношением сил, боровшихся за власть, могла ли „цензовая“ Дума удержать социалистические элементы, в нее входившие, и сохранить то влияние в стране, которое она приобрела в результате борьбы с самодержавием?.. Одно несомненно, что в годы русского безвременья, когда невозможно было нормальное народное представительство, во все периоды все правительство чувствовало потребность в каком-либо суррогате его, хотя бы для создания себе трибуны, для выхода накопившимся настроениям, для опоры и разделения нравственной ответственности. Таковы „Временный совет Российской республики“ — в Петрограде (октябрь 1917), инициатива которого исходила, впрочем, от революционной демократии, видевшей в нем противовес предположенному большевиками второму съезду советов; осколок Учредительного собрания 1917 г. — на Волге (лето 1918); подготовлявшийся съезд Высшего совета и Земского собора — на юге России и в Сибири (1919 г.). Даже наивысшее проявление коллективной диктатуры, каким является „совет народных комиссаров“, дойдя до небывалого еще в истории деспотизма и подавления общественности и всех живых сил страны, обратив ее в кладбище, все же считает необходимым создать театральный декорум такого представительства, периодически собирая „Всероссийский съезд советов“.

Власть Временного правительства в самой себе носила признаки бессилия. Эта власть, как говорил Миллюков, не имела привычного для масс „симво-

дит этот вопрос полным молчанием. Так в статье от 24/11 января 1918 г. он пишет:

„В „Правде“ напечатано официальное заявление о том, что в квартире некого учителя Громова найдены летучки, извещающие население, что офицеры германского Генерального штаба присутствуют на всех совещаниях большевистского военного командования”.

В своей следующей корреспонденции он сообщает:

„Орган Максима Горького „Новая жизнь“ публикует в своем номере от 24/11 января статью одного из лидеров немецкой социал-демократической партии, доставленную из Берлина в Петроград секретным путем. В этой статье сказано: „В немецких военных кругах говорят открыто, что успех переговоров о мире вызван тем, что все те, от кого это зависело, были „подмазаны“ (это выражение Кричевский дает по-русски латинским шрифтом, т. е. получили взятки. — А. С.). Однако мы, немецкие социалисты, давно знакомы с Лениным и Троцким. Мы уверены в их личной честности и находимся таким образом перед необъяснимой загадкой. Некоторые полагают, что в прошлом большевики, по обще-

политическим причинам, воспользовались немецкими деньгами для революционного дела и что теперь они связаны своим необдуманным поступком”.

Февраль 1918 года... Незадолго перед тем, как быть отозванным из Петрограда в Париж, Кричевский пишет в одной из своих последних корреспонденций:

„Правительство Ленина—Троцкого доказывает, что оно неспособно быть национальной властью. Оно усугубляет меры, нацеленные на то, чтобы задушить малейшую попытку инакомыслия, малейшую социалистическую критику.

Теперь все социалистические газеты, в том числе сугубо интернационалистическая „Новая жизнь“, запрещены. Это, дескать, необходимо в виду осадного положения”.

В той же статье корреспондент „Юманите“ делает пророческое замечание:

„Прочтите Достоевского, особенно „Бесы” и „Братья Карамазовы”. Тогда вы поймете всю глубину большевистского кошмара и его трагическую сущность, которая надолго переживет текущие события и грядущие поколения”.

Очерки русской смуты

Генерал А. И. ДЕНИКИН

Публикуя отрывки из книги генерала А. Деникина — военачальника армий царской и Временного правительства, главнокомандующего Добровольческой армией, — мы идем навстречу пожеланиям современного молодого поколения: иметь доступ ко всем источникам о революционном времени, чтобы самим узнать в сию правду и разобраться в ней своим умом. К этому стоит добавить, что все вышеизложенные в эмиграции книги представителей так называемой „контрреволюции”, как и ценнейший архив русской революции, захваченный в 1945 году в Праге, находятся в советских спецхранах и архивах и читателю в стране недоступны. Лишь иногда, в отдельных статьях, появляются вырванные из контекста цитаты. Отметим, что и само понятие „контрреволюция” полностью искажено большевистской историографией. Не большевиками придуманное, оно стало ярлыком, который назойливо используется в советских исторических и политических статьях вплоть до 1987 года и обязательно в сопряжении со словом „крах”. Сознательно скрываются подлинные (и разные) позиции тех, которых причтут за этим понятием.

Власть

То исключительное положение, в котором оказалась русская держава — мировой войны и революции — повелительно требовало установления в ней сильной власти.

Государственная Дума, которая, как я уже говорил, пользовалась несомненным авторитетом в стране, после долгих и горячих обсуждений, от возлагания *собой* революционной власти отказалась. Временно распущенная Высочайшим указом 27 февраля, она сохранила лояльность и „не пыталась открыть формальное заседание”, исходя из взгляда

на себя как на „законодательное учреждение старого порядка, координированное основными законами с остатками самодержавной власти, явно обремененной теперь на слом”. Последующие акты исходили уже от „частного совещания членов Государственной Думы”. Это же частное заседание избрало *Временный Комитет Государственной Думы*, осуществлявший первые дни верховную власть. При комитете существовала еще *военная комиссия комитета Государственной Думы*, возглавляемая генералом Потаповым*. Она пыталась оказать влияние на управление армией, но встретила решительный отпор со стороны Ставки. Сам генерал Потапов так

Генерал А. И. Деникин „Очерки русской смуты”, т. I, вып. 1, „Крушение власти и армии. Февраль — сентябрь 1917”. Изд. И. Поволоцкий, Париж, 1922. Отрывки взяты из глав XI, XII, XIII, XIV. Заголовки и распределение материала наши. — Ред.

* Вспославский жил в Японии, противодействовал адмиралу Колчаку. В 1921 г. поступил на службу ко советскому правительству.

ла". Власть подчинилась давлению Совета, систематически искажавшего и подчинявшего все государственные начинания классовым и партийным интересам.

В составе ее находился и „заложник демократии“ — Керенский, который так определял свою роль: „Я являюсь представителем демократии, и Временное правительство должно смотреть на меня как на выразителя требований демократии и должно особенно считаться с теми мнениями, которые я буду отстаивать“...^{*} Наконец, что едва ли не самое главное, в состав правительства входили элементы русской передовой интеллигенции, разделявшие всецело ее хорошие и дурные свойства и в том числе полное отсутствие волевых импульсов — той безграничной в своем дерзости, жестокой в устранении противодействий и настойчивой в достижении силы, которая дает победу в борьбе за самосохранение — классу, сословию, нации. Все четыре года смуты для русской интеллигенции и буржуазии прошли под знаком бессилия, непротивления и потери всех позиций, мало того, — физического истребления и вымирания. /.../

Русская революция, в своем зарождении и начале, была явлением без сомнения национальным, как результат всеобщего протеста против старого строя. Но когда пришло время нового строительства, столкнулись две силы, вступившие в борьбу, две силы, возглавлявшие различные течения общественной мысли, различное мировоззрение. По установившейся терминологии — это была борьба буржуазии с демократией, хотя правильнее было бы назвать борьбой буржуазной демократии и социалистической. Обе стороны черпали свои руководящие силы из одного источника — немногочисленной русской интеллигенции, различаясь между собою не столько классовыми, корпоративными, имущественными особенностями, сколько политической идеологией и приемами борьбы. Обе стороны не отражали в надлежащей мере настроений народной массы, от имени которой говорили, и которая, изображая первоначально зрительный зал, рукоплескала лицедеям, затрагивавшим ее наиболее жгучие, хотя и не совсем идеальные чувства. Только после такой психологической обработки инертный ранее народ, в частности армия, обратились „в стихию расправленных революцией масс... со страшной силой давления, которую испытывал весь государственный организм“...^{**} Не соглашаясь с этим взаимодействием, значит, по толстовскому учению, отрицать всякое влияние вождей на жизнь народов — теория, в корне опровергнутая большевизмом, покорившим надолго чуждую ему и враждебную народную стихию /.../

С течением времени приоритет Петроградского совета, приписывавшего выдвинувшей его среде исключительную заслугу свержения старой власти,

стал заметно падать. Огромная сеть комитетов, советов, наводнивших страну и армию, требовала участия в правительственной работе. В результате в апреле состоялся съезд делегатов советов рабочих и солдатских депутатов. Петроградский совет реорганизован на началах более равномерного представительства, а в июне открылся Всероссийский съезд представителей советов рабочих и солдатских депутатов. Интересен состав этого уже более полного демократического представительства.

Соц.-революционеров	285
Соц.-дем. меньшевиков	248
Соц.-дем. большевиков	105
Интернационалистов	32
Вне фракц. социалистов	73
Объединен. соц.-демократов	10
Бундовцев	10
Группы „Единства“	3
Народн. социалистов	3
Трудовиков	5
Анархо-коммунистов	1

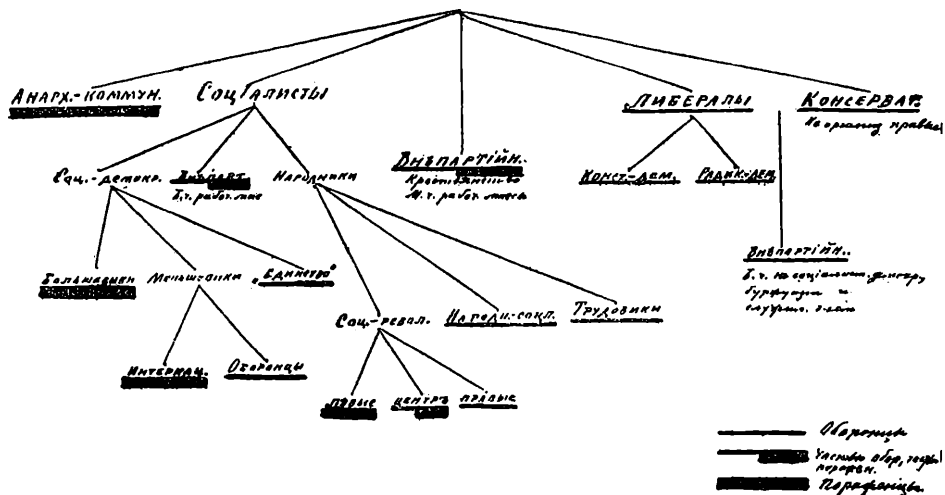
Таким образом, подавляющие массы *не социалистической* России не были представлены ни одним человеком. Даже те, чуждые политике или принадлежавшие к более правым группировкам элементы, которые прошли от советов и армейских комитетов под рубрикой „внепартийных“, по побуждениям далеко не государственным, поспешили нацепить на себя социалистический ярлык и растворились в партийном составе. Чисто социалистическими были и все составы исполнительного комитета совета. При этих условиях невозможно было рассчитывать на самоограничение революционной демократии и надеяться на удержание народного движения в рамках буржуазной революции. Фактически у полусгнившего кормила власти стал блок из социал-революционеров и социал-демократов меньшевиков с явным преобладанием вначале первых, потом последних. В сущности, этот узкопартийный блок, тяготеющий над волей правительства, и несет на себе главную тяжесть ответственности за последующий ход русской революции.

Состав Совета был крайне разнороден: интеллигенты, мелкая буржуазия, рабочие, солдаты, много дезертиров... По существу, Совет и съезды, в особенности первый, представляли из себя довольно аморфную массу, совершенно невоспитанную в политическом отношении: центр тяжести всей работы руководства и влияния перешел поэтому в исполнительные комитеты, представлявшие почти исключительно социалистическим интеллигентским элементом. Самую уничтожающую критику Исполнительного комитета совета вынес из недр самого учреждения член его В. Б. Станкевич: хаотичность заседаний, политическая дезорганизованность, неопределенность, торопливость и случайность в решении вопросов, полное отсутствие административного опыта и, наконец, демагогия членов комитета: один призывает в „Известиях“ к анархии, другой рассылает разре-

^{*} Речь в Совете.

^{**} Слова Керенского.

Российская политическая жизнь (1917 г.)

Политический спектр России 1917 года. Схема сделана рукой генерала А. Деникина

шительные грамоты на экспроприацию помещичьих земель, третий разъясняет пришедшей военной делегации, пожаловавшейся на военное начальство, что необходимо его сместить, арестовать и т. д. /.../

Правительство с первых же шагов своих попало в плен к Совету, которого значение, влияние и силу оно переоценивало и которому само не могло противопоставить ни силы, ни твердой воли к сопротивлению и борьбе. Правительство не надеялось на успех этой борьбы, так как, охраняя русскую государственность, оно не могло провозглашать такие пленительные для взбаламученного народного моря лозунги, какие выходили из Совета. Правительство говорило больше об обязанностях, Совет — о правах. Первое „запрещало“, второй „позволял“. Правительство было связано со старой властью преемственностью всей государственной идеологии, организации, даже внешних приемов управления, тогда как Совет, рожденный из бунта и подполья, являлся прямым отрицанием всего старого строя.

Если до сих пор еще среди небольшой части умеренной демократии сохранилось убеждение в „сдерживающей народную стихию“ роли Совета, то это результат прямого недоразумения.

Совет, в действительности, не прямо разрушал русскую государственность — он ее расшатывал и расшатал до крушения армии и приятия большевизма /.../

Управление страной

Временное правительство, являясь представительством далеко не всенародным, не хотело и не могло предпринять воли Учредительного собрания путем проведения реформ, в корне ломающих политический и социальный строй государства. Оно поневоле должно было ограничиваться временными законами, полумерами, в то время как возбужденная народная стихия проявляла огромное нетерпение и требовала немедленного осуществления капитальной перестройки всего государственного здания. Правда, и Совет, и отдельные представители его в коалиционных министерствах в теории зачастую признавали идею исключительного права в этом отношении Учредительного собрания. Но только в теории. Ибо на практике все они предпринимали, предвосхищали эти права путем широкой проповеди социального переворота, словесного и письменного ведомственного разъяснения и, наконец, на местах

— прямыми действиями явочного и захватного порядка.

Временное правительство „в основу государственного управления полагало не насилие и принуждение, а добровольное повиновение свободных граждан созданной ими самими власти. Ни одной капли крови не пролило по его вине, ни для одного течения общественной мысли им не создано насильственных преград“...^{*} Это непротивление в тот момент, когда шла жестокая и не сменявшаяся нравственными и патристическими побуждениями борьба за самосохранение одних групп населения и за осуществление захватным путем неограниченных домогательств других, — являлось несомненным признанием своего бессилия. В позднейших декларациях второго и третьего коалиционных министерств мы читаем уже о „самых решительных мерах“ против дезорганизующих страну сил. Слова — не превратившиеся в дело. .../

ГРАЖДАНСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

5-го марта министр-председатель отдал распоряжение о повсеместном устранении губернаторов и исправников и замене их, в качестве правительственных комиссаров, председателями губернских и уездных управ, а также о замене полиции милицией, организуемой общественными учреждениями. Эта мера, вызванная общим ненавистным отношением к агентам прежней власти, в сущности была единственным реальным волеизъявлением правительства, потому что до сентября месяца не было установлено в законодательном порядке положение комиссаров, а инструкции и распоряжения правительства имели в общем лишь академический характер, так как жизнь шла своим путем, регулируемая или вернее разрушаемая местным революционным правительством.

Должность правительственных комиссаров с первых же дней стала пустым местом. Не имея в своем распоряжении ни силы, ни авторитета, они были обезличены совершенно и попали в полную зависимость от революционных организаций. Вынесенное „неодобрение“ прекращало фактически деятельность комиссара. Организации избирали нового, и утверждение со стороны Временного правительства являлось простой формальностью. .../

Если в начале революции так называемые „общественные комитеты“ или „советы общественных организаций“ представляли из себя начало действительно общественное — представительство союза городов и земств, думы, профессиональных союзов, кооперативов, магистратуры и т. д., то обстановка значительно ухудшилась, когда эти общественные комитеты распались на организации классовые и партийные. Власть на местах перешла к советам р. и с. депутатов и местами к насильственно, до вве-

дения закона, „демократизованным“ социалистическим думам, мало чем отличавшимся от полубольшевистских советов. .../ Местные советы рабочих и солдатских депутатов усвоили себе все навыки ушедшего абсолютизма, с той только разницей, что худшие представители прежней власти все же чувствовали над собой иногда карающую десницу, тогда как советы были абсолютно безответственны. Эта коллегиальная безответственность прикрывала ошибки невежд и преступления людей злой воли. При этом советы распространяли свою компетенцию на все области управления и жизни, даже на церковную^{*}.

Страна, как и правительство, как и армия, попала под власть советов. Прав был комиссар Москвы Н. Кишин, который считал совершенно безнадежным строительство местной власти, пока власть самого Временного правительства не станет национальной, единой и независимой от каких-либо партийных и классовых организаций.

В дальнейшем предполагалось все функции активного управления передать демократизованным земским и городским управлениям, а за комиссарами сохранить только правительственный надзор за законностью действий указанных органов.

Изданное 15-го апреля постановление правительства об устройстве городского самоуправления заключало в себе следующие главные положения:

- 1) пассивным и активным правом выбора пользуются все граждане города обоего пола, достигшие 20-летнего возраста;
- 2) ценз проживания не введен;
- 3) пропорциональная система выборов;
- 4) воинские чины пользуются правом выборов по месту нахождения гарнизона.

Я не буду входить в обсуждение этих норм, едва ли не наиболее демократичных из всех, которые знает муниципальное право, ввиду отсутствия опытных данных их применения. Отмечу лишь одно явление извращенной русской действительности, сопровождавшее введение в жизнь положения осенью 1917 года. Свобода выборов во многих местах оказалась злой насмешкой. Как явление широко распространенной по России — все несоциалистические, даже политически нейтральные группы, взятые под подозрение, подвергались гонению. Агитация их не допускалась, собрания срывались; в выборном делопроизводстве практиковались вопиющие злоупотребления; нередко в отношении их представителей применялось и прямое насилие — избиение и уничтожение избирательных списков. А в то же время солдатская масса многочисленных гарнизонов, буйных и пропагандированных — случайных гостей города, быть может, только вчера появившихся в нем — повалила к урнам, заполняя их списками крайних противогосударственных партий. Были случаи, что

^{*} Из правительственной декларации 25 апреля 1917 года.

^{*} Циркуляр министра председателя в половине мая.

войсковые части, пришедшие после выборов, требовали переизбрания, подкрепляя это требование угрозами, иногда убийствами. Несомненно, среди других причин, наличие в Петрограде огромного разложившегося гарнизона не осталось без влияния на выборы в августе в столичную думу, в которой большевики получили 67 мест из 200.

Власть безмолствовала, ибо ее не было.

Мелкая буржуазия, трудовая интеллигенция, словом, городская демократия — в самом широком смысле слова — в этой революционной борьбе являлась стороной наиболее слабой и неизменно побеждаемой. Все предтечи кровавого советского правления — мятежи, восстания, „отложения республик“ — отзывались наиболее тяжело на ее жизни. „Самоопределение“ солдат вносило страх и зависимость от грубой уничтожающей силы и до крайности затрудняло или даже лишало возможности передвижения по стране, так как дороги попали во власть к дезертирам. „Самоопределение“ рабочих привело к невозможности, ввиду страшного повышения цен, удовлетворения предметами первой необходимости. „Самоопределение“ деревни остановило подвоз припасов и обрекло ее на недоедание. Я не говорю уже о моральных переживаниях класса, обреченного на поношение и унижение. Революция всем дала надежды на улучшение условий жизни, только не буржуазной демократии. Ибо даже те моральные завоевания, которые возведены были новой революционной властью — свобода слова, печати, собраний и т. д. — скоро стали достоянием одной лишь революционной демократии. И если крупная (интеллектуально, конечно) буржуазия имела известную организацию в лице органов конституционной партии (кадет), то вся мелкая буржуазия (буржуазная демократия) была лишена всякой организации и всяких организованных средств борьбы. Демократические городские самоуправления — не в результате нового муниципального закона, а в силу революционной практики — теряли свою общедемократическую форму и получали характер классовых органов пролетариата или представительства оторванных от массы чисто социалистических партий.

ДЕРЕВНЯ И ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОС

Приблизительно такой же характер имело самоуправление уезда и деревни в первый период революции. К осени оно должно было принять формы демократической системы земского управления, в основу которого были положены приблизительно те же начала, что и в городском, причем компетенции мелкой единицы — волостного земства предоставлялось все местное хозяйство, народное просвещение и охрана общественного порядка и безопасности. Фактически деревня управлялась, если только можно применить это слово к состоянию анархии, чрезвычайно пестрым сплетением револю-

ционных и бытовых организаций, в виде крестьянских съездов, продовольственных и земельных комитетов, „народных советов“, сельских сходок и т. д. А над всеми ими доминировала зачастую еще одна самобытная организация — дезертиров. По крайней мере Всероссийский крестьянский союз согласился с заявлением, шедшим слева и поэтому достаточно компетентным: „вся наша работа по созданию различных комитетов не будет иметь никакого значения, если эти общественные органы будут постоянно находиться под угрозой воздействия со стороны случайно организовавшихся вооруженных шайк“.

Главный, более того — единственный вопрос, который глубоко волновал душу крестьянства, который заслонял собою все прочие явления и события — вымученный, выстраданный веками: *вопрос о земле. ...!*

То спокойствие, с которым народ ждал некогда „освобождения“ в дни работ „Главного“ и „губернских“ комитетов, невзирая на их резко классовый, сословный характер (1857—1861), теперь оказалось не под силу. Крестьянство пожелало немедленной передачи ему всей земли, не дожидаясь ни выработки основных норм демократическим главным земельным комитетом, ни решения всенародного Учредительного Собрания.

Нет никакого сомнения, что такое нетерпение обуславливалось в значительной мере слабостью власти и сторонними влияниями, о которых говорится ниже.

В основной идее реформы не было разногласия. Вся либеральная демократия и буржуазия, революционная демократия, Временное правительство — совершенно определенно говорили о „переходе земли в руки трудящихся“.

Точно так же единодушно все эти элементы ставили вопрос о порядке законодательного разрешения земельного переустройства, предоставляя его Учредительному Собранию.

Расхождение, притом непримиримое, возникло в определении самого существа земельной реформы. Либеральные круги русской общественности отстаивали частную собственность на землю*, — идея все больше и больше захватывавшая крестьянство — и требовали *наделения* крестьян, а не *общего передела*; революционная же демократия во всех партийных, классовых и профессиональных организациях отстаивала положение, провозглашенное Всероссийским крестьянским съездом (25 мая) при участии министра Чернова о „переходе всех земель... в *общее народное достояние для уравнительного пользования*, без всякого выкупа“. Эта резолюция социал-революционного происхождения вносила смуту. Ее крестьяне не понимали или не хотели понять. По натуре — собственники, они не признавали национализации. Уравнительное же пользование, принимая во

* Партия к.-д. допускала национализацию недр и лесов.

внимание огромное число безземельных крестьян, наличие 20 миллионов крестьянских дворов и размеры не крестьянской пахотной земли, определяемые всего лишь в 45 миллионов десятин, — грозило отнятием земли у многомиллионного крестьянства, владеющего сверхтрудовой или даже сверх„потребительской“ нормой, и обращением общего земельного передела в нескончаемую междоусобную кровавую распря. Это обстоятельство впоследствии было учтено даже и социал-демократами, которые в резолюции по аграрному вопросу, относящейся к концу августа, допускали сохранение мелкоземельной собственности, ограничивая, однако, возможность перехода ее лишь к органам самоуправления и государству.*

Временное правительство, не считая себя вправе разрешать основные вопросы земельного устройства и вместе с тем испытывая стихийный напор снизу, переложило свои права отчасти на министерство земледелия, отчасти на созданный на началах широкого демократического представительства Главный земельный комитет; за него, кроме сбора сведений и подготовки земельной реформы, возложено было урегулирование существующих земельных отношений**. Фактическое заведывание всеми землями в смысле использования, отчуждения их, арендных отношений, условий найма рабочих рук — перешло в волостные земельные комитеты — органы, состоявшие зачастую из людей темных — интеллигенция обычно была устранена — слишком заинтересованных и не имевших никакого представления о существе и пределах своей компетенции. В то же время центральные представительные учреждения и министерство Чернова, наряду с воззваниями правительства о недопустимости самоуправства и о сохранении в неприкосновенности всего земельного фонда до Учредительного Собрания, явно поощряли „вре-

менное пользование землями“, как назывались тогда захваты, объясняя эти действия „государственной необходимостью“ полного использования земли под посев. Агитация — в самых широких размерах, веденная в деревне безответственными представителями социалистических и анархических кругов, дополняла работу Чернова.

Результаты такой политики не замедлили сказаться. Управлявший министерством внутренних дел Церетели в одном из циркуляров губернским комиссарам* констатировал явление полной деревенской анархии: „захваты, запашки чужих полей, снятие рабочих и предъявление непосильных для сельских хозяев экономических требований; племенная скот уничтожается, инвентарь расхищается; культурные хозяйства погибают; чужие леса вырубятся, заготовленные для отправки лесные материалы и дрова задерживаются и расхищаются. Одновременно частные хозяйства оставляют поля незасеянными, а посевы и сенокосы необработанными“. Министр обвинял местные комитеты и крестьянские съезды в организации самочинных захватов и приходил к выводу, что создавшиеся условия ведения сельского и лесного хозяйств „грозят неисчислимыми бедствиями армии, стране и существованию самого государства“. /.../

Жизнь мстила за попрание своих требований.

Вместе с захватами и раздачами росла неуверенность собственнические инстинкты крестьянства. Его идеология опрокидывала все планы революционной демократии и, обращая крестьянство в класс мелкой буржуазии, грозила надолго отдалить торжество социализма. Деревня замкнулась в узкий круг своего быта и, поглощенная „черным переделом“, совершенно не интересовалась ни войной, ни политикой, ни социальными вопросами, выходящими за пределы ее интересов. Война отнимала и калечила ее работников, и деревня тяготилась войной. Власть препятствовала земельным захватам и стесняла монополий и твердыми ценами сбыт хлеба, — и деревня не любила власть. Город перестал давать производства промышленности и товары — и деревня отгородилась от города, уменьшая и временами прекращая подвоз туда хлеба. Единственное вполне реальное „завоевание революции“ было в известной мере осуществлено, и те, кто воспользовались им, с некоторым смущением и неуверенностью ждали, как отнесется к самочинному разрешению ими земельного вопроса грядущая власть.

При таких настроениях пролетарский большевизм оказался чужим и не нужным в деревне. Предвидя необходимость в будущем борьбы с такими „мелкобуржуазными стремлениями“ крестьянской массы, Ленин и включил в свою программу „перенесение центра тяжести на советы батрацких депутатов“ и „выделение советов депутатов от беднейших крестьян“... Однако с этим лозунгом, вносящим начала раскола и борьбы в крестьянскую среду и

* В отчете о состоянии Советской России, представленном VIII Всероссийскому съезду, история землевладения представляется в следующих цифрах:

	млн. десятин
до 1861 г.	105
после 1861 г.	71
в 1877 г.	64
в 1905 г.	53
в 1917 г.	42
в 1918 г.	0

Перемещение крестьянской земельной собственности при советском режиме выражается для Валикороссии следующими сравнительными цифрами в %:

	В 1917 г.	В 1919 г.
Безземельных хозяйств	11,4	6,5
Малких	29,6	41,5
Средних	51,1	45,9
Выше средних	7,1	3,0
Крупных крестьянских	0,9	0,1

** Официально на комитет возлагалось вносить в правительство проекты временных норм земельных отношений.

* Циркуляр 17 июля.

осуществленным позднее, летом 1918 г., большевики не посмели явиться открыто в деревню в 1917 г. И деятельная работа их поэтому выпалила в поддержку деревенской анархии, оправдание захватов и подрыва авторитета Временного правительства.

Этим путем они стремились создать в лице крестьянской массы сторону, если не сочувствующую, то, по крайней мере, нейтральную в предстоящей решительной борьбе своей за власть /.../

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Еще до войны, в силу разнообразных политических и экономических условий, в том числе и недостаточного внимания власти к развитию производительных сил страны, промышленность наша находилась в состоянии неустойчивом и в большой зависимости от иностранных рынков даже в отношении таких материалов, которые, казалось бы, можно добывать дома. Так, в 1912 году в русской промышленности ощущался сильный недостаток чугуна, а в 1913 — серьезный топливный кризис; заграничный ввоз металла возрос с 1908 по 1913 гг. с 29% до 34%; хлопчатобумажной промышленности пришлось в 1913 году ввозить сырье на 48%; при общем производстве 5 миллионов пудов пряжи, требовалось 2,75 миллионов пудов иностранной шерсти * и т. д.

Война оказала несомненно глубокое влияние на состояние промышленности: прекращение нормального ввоза и потеря Домбровских копей; ослабление транспорта в силу стратегических перевозок и следовательно уменьшение подвоза топлива и сырья; переход большей части фабрик и заводов на работу по обороне, уменьшение и ослабление рабочего состава мобилизациями и т. д. В экономическом отношении эта милитаризация промышленности легла тяжким бременем на население, ибо, по исчислениям министра Покровского, армия поглощала 40—50% всех материальных ценностей, которые создавала страна. ** /.../

Но если при всех этих ненормальных условиях русская промышленность кое-как справлялась с возлагаемыми на нее задачами, то революция нанесла ей последний удар, приведший к постепенному замиранию и ликвидации. Временное правительство в своей законодательной деятельности исходило из двух положений: с одной стороны, необходимости правительственного контроля и регулирования хозяйственной жизни страны путем сурового обложения доходов и „военной“ сверхприбыли промышленников, а также правительственного распределения топлива, сырья, продовольствия; последняя мера вызвала фактическое устранение из хозяйственной жизни страны торгового класса и замену его де-

мократическими организациями; исчезли ли при этом сверхприбыли или произошло простое „классовое“ перемещение их, учесть трудно. С другой стороны, правительство всемерно заботилось об охране труда, проводя и разрабатывая законопроекты о свободе коалиций, биржах труда, примирительных камерах, социальном страховании и т. д.

К сожалению, то нетерпение и то стремление к самостоятельному „правотворчеству“, которое охватило деревню, в равной мере повторялось на фабриках и заводах. С первых же дней революции рабочие захватным порядком провели 8-часовой рабочий день, фабрично-заводские комитеты и примирительные камеры; позднее — рабочий контроль. Но комитеты не могли возвыситься до понимания общенародных интересов, а примирительные камеры приобрести должный авторитет. Агитация, находившая благодарную почву в эгоистических устремлениях и торговпромышленников, и рабочей массы, шла полным ходом, применяя те же приемы, что и в армии. Началась полнейшая разруха. Власть против нее принимала только одно средство — воззвания.

Во-первых, повторилась история с командным составом армии: организационно-технический аппарат был разрушен. Началось массовое изгнание лиц, стоящих во главе предприятий, массовое смещение технического и административного персонала. Устранение сопровождалось оскорблениями, иногда физическим насилием, как месть за прошлые фактические и мнимые вины. Часть персонала уходила добровольно, не будучи в состоянии переносить того тяжелого нравственного положения, в которое ее ставила рабочая среда. /.../

Тот технический и административный персонал, который остался или был избран, не имел уже ни возможности руководить делом, ни авторитета, будучи всецело терроризован рабочими. В результате — фактическое сокращение 8-часового рабочего дня, крайняя небрежность в работе и страшное падение производительности. Московская металлообрабатывающая промышленность уже в апреле пала на 32%, производительность петроградских фабрик и заводов — на 20—40%, добыча угля и общая производительность Донецкого бассейна к июлю — на 30% и т. д. Расстроилась также добыча нефти на бакинских и грозненских промыслах.

Но особенно разрушительное влияние на промышленность оказали чудовищные требования повышения заработной платы, несообразные ни с ценою жизни, ни с продуктивностью труда, ни с реальными платежными способностями предприятий — требования, значительно превосходившие всякие сверхприбыли. В докладе Кутлера Временному правительству приводятся такие, например, цифры: на 18 предприятиях Донецкого бассейна, с общей валовой прибылью за последний год в 75 миллионов

* Статистические данные для этой главы взяты из доклада проф. Г-ра 1920; заявления Кутлера, Шингарева, Покровского, Скобелева и др. в 1917 году.

** В частности 75% вырабатываемых тканей шло на армию.

* В уральской промышленности, например, из 20 руководителей предприятий к середине 1917 г. осталось 4.

рублей, рабочие потребовали повышения заработной платы в 240 миллионов рублей в год. Общая сумма повышенной платы на всех горнопромышленных и металлургических заводах Юга — 300 миллионов рублей при общем обороте 200 миллионов; добавочная плата одного Путиловского завода до конца 1917 года простиралась до 90 миллионов рублей. При этом ставки рабочей платы возросли на 200-300 процентов, а прядильщикам московской текстильной промышленности и на 500% в сравнении с 1914 годом. Конечно, ставки эти перекладывались в значительной мере на казну, так как большинство предприятий работало на оборону. /.../

В результате — к июню месяцу было закрыто 20% петроградских промышленных заведений. Вообще, за первые месяцы революции зарегистрированный и, конечно, не полный мартиролог промышленности выражался в следующих цифрах.

Месяцы	Число закрытых заведений	Число уволенных рабочих
Март	74	6.644
Апрель	55	2.816
Май	108	8.701
Июнь	125	38.755
Июль	206	47.754
Итого	568	104.670

Кроме того, стали 72 мельницы — за недостатком зерна.

Было бы ошибочно считать, что классовые организации, в лице советов рабочих депутатов и профессиональных союзов, наконец, членов правительства-социалистов, не боролись с разрухой. Но борьба эта была неискренняя. Неискренняя по существу — со стороны людей, видящих идеал и конечную цель в национализации или социализации промышленности; неискренняя и по форме, ибо осуждение и написание по адресу рабочих, по установившемуся демократическому ритуалу, требовало вяжущего опровержения буржуазного элемента предприятий. /.../

Большевизм рисовал рабочему классу широчайшие и заманчивые перспективы политического господства и экономического благосостояния путем сокрушения капиталистического строя и перехода в руки рабочих власти, предприятий, орудий производства и ценностей. И притом не в порядке длительного социально-экономического процесса и длительной организованной борьбы, а сейчас, немедленно. /.../ Теперь или никогда. Все или ничего. А когда жизнь развивала иллюзии, когда беспощадный экономический закон мстил дороговизной, голодом, безработицей, то большевизм с еще большей убедительностью настаивал на необходимости восстания, указывая и причины народного бедствия, и способы его устранения. Причины — политика Временного правительства, „отстаивающего восстанов-

ление буржуазной кабалы“, саботаж предпринимателей и полустычество революционной демократии, до меньшевиков включительно „продавшей буржуазию“. Средство — переход власти к пролетариату.

Все эти обстоятельства мало-помалу убивали русскую промышленность.

Что касается боевого снабжения, то, невзирая на все эти потрясения, ввиду крайнего напряжения и концентрации его за счет всех самых насущных потребностей страны, а также длившегося несколько месяцев затишья, расстройство промышленности непосредственно армией не ощущалось в таких значительных размерах, и к июню 1917 года мы обладали не богатыми, но достаточными материальными средствами для серьезного наступления. Ввоз военного материала через Архангельск, Мурманск и в незначительной степени через Владивосток, несколько оживился; но в силу трудных естественных условий морских путей и малой провозоспособности сибирской магистрали и мурманской дороги, не получил надлежащего развития, достигая всего лишь 16% общей военной потребности. Для военного управления было, однако, очевидным, что мы живем лишь старыми запасами, созданными патристическим подъемом и напряжением страны в 1916 году. Ибо уже к августу 1917 года важнейшие производства военных материалов понизились: орудийное на 60%, снарядное на 60%, авиационное на 80%. Впрочем, возможность продления войны при худших условиях в материальном отношении с наибольшей очевидностью доказало впоследствии советское правительство, в течение более чем трех лет питающее войну в большой мере запасами, оставшимися от 1917 года, частью же обломками русской промышленности; но, конечно, путем такого чудовищного сжатия потребительского рынка, которое возвращает нас к первобытным формам человеческого бытия. /.../

„КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ“

К началу мая, после вооруженного выступления на улицах Петрограда, происшедшего без ведома Совета, но при участии его членов, после ухода Гучкова и Миллюкова, полное бессилие Временного правительства стало настолько очевидным, что князь Львов, в согласии с комитетом Государственной Думы и кадетской партией, обратился к Совету, пригласив „к непосредственному участию в управлении государством... те активные творческие силы страны, которые доселе не принимали прямого и непосредственного в нем участия“. Совет после некоторой борьбы счел вынужденным согласиться на вступление в состав правительства своих членов* и тем возложить на себя прямую ответственность за судьбы революции. /.../

* Вошли: Скобелев (м. труда), Чарнов (м. землед.), Пешкович (м. продов.), Церталли (почта и телегр.).

Совет, выражая официально доверие правительству, продолжал фактически расшатывать его власть, охладив вместе с тем к министрам-социалистам, вынужденным несколько уклониться от прямолинейного выполнения партийных социалистических программ под влиянием реальных условий жизни. А народ и армия отнеслись к факту совершенно равнодушно, утрачивая постепенно сознание существования власти, не проявлявшейся сколько-нибудь заметно в области их повседневной жизни.

Кровавое восстание в Петрограде, поднятое 3—5 июля левым крылом Совета (анархо-большевистское), уход князя Львова и новое коалиционное министерство, в котором представители социалистических партий, проведенные Советом, получили окончательное преобладание,^{*} явились не более как этапами, приближающими к окончательному падению государственной власти. Поводы, вызвавшие и первый и второй правительственные кризисы (декларация прав солдата, международная политика Совета, отделение Украины, аграрные реформы Чернова и т. д.), при всей их государственной важности были все же только поводами. Коалиция, в которой демократической буржуазии представлялась пассивная роль, когда ее „временное“ участие требовалось только для разделения ответственности, а все дела решались за кулисами правительства, в кругах, близких к Совету, такая коалиция не была жизненной и не могла примирить с революционной демократией даже наиболее оппортунистически настроенную буржуазию.

В соотношении сил, независимо от политических и социальных признаков, несомненно играли большую роль факты чисто объективные: неудовлетворенность широких народных масс, в силу общего положения страны, деятельностью правительства.

Народные массы воспринимали революцию не как тяжкий переходный этап, связанный тысячами нитей с прошлым и настоящим русского и мирового государственного развития, а как самодовлеющее реальное явление сегодняшнего дня, с такими же реальными бедствиями — войны, бандитизма, бесправия, бессудности, бестовария, холода и голода. Народные массы не разбирались вовсе в чрезвычайно сложной обстановке происходящих событий, не отделяли причин непредотвратимых, космических, неизбежно сопровождавших пришествие революции, от доброй или злой воли тех или других органов власти, организаций и лиц. Они ощущали ясно и напряженно невыносимость создавшегося положения и искали выхода.

^{*} Керенский (с.-р.), Некрасов (р.-д.), Авксентьев (с.-р.), Терещенко (бесп.), Скобелев (с.-д.), Пешехонов (и.-с.), Чернов (с.-р.), Ольденбург (к.-д.), Зврудный (с.-р.), Ефремов (р.-д.), Юренев (к.-д.), Прокопович (с.-д.), Никитин (с.-д.), Кокошкин (к.-д.), Карташов (к.-д.).

В результате всеобщего признания несостоятельности установившейся власти, в общественном сознании возникла мысль о

— *Диктатура.*

Я категорически утверждаю, что в известных мне общественных и военных кругах, в которых возникло течение в пользу диктатуры, оно было вызвано высоким патриотизмом и ясным, жгучим сознанием той бездонной пропасти, в которую бешено катился русский народ. Но ни в малейшей степени не вызвало стремлением к реакции и контрреволюции. Несомненно к этому движению примыкали люди и этого направления и просто авантюристы, но они составляли приходящий, наносной элемент. Керенский так объясняет начало движения или, как он выражается, „заговорщической волны“: „военный разгром (Тарнополь) создал на почве оскорбленного национального самолюбия сочувствующую заговорам среду, а большевистское восстание (3—5 июля) вскрыло для непосвященных *глубину распада демократии, бессилие революции против анархии и силу меньшинства, действующего организованно и внезапно*“.^{*} Вряд ли можно дать лучшее оправдание начавшемуся движению. Действительно, в обстановке глубокого разочарования народных масс, всеобщего развала и надвигавшейся анархии, в силу неизбежного исторического и психологического процесса, жизнь *должна была* создать попытки диктатуры; и русская жизнь действительно создала их — как мучительное исцеление *сильной национальной, демократической власти, но не реакции.*

Вообще революционная демократия жила в атмосфере, отравленной беспокойным ожиданием контрреволюции. Начиная с разрушения армии и кончая упразднением сельского полиция, все ее заботы, мероприятия, резолюции, воззвания так или иначе клонились к борьбе с этим воображаемым врагом, грозившим, якобы, завоеваниям революции. Насколько искренне было это убеждение среди сознательных руководителей Совета и не было ли разжигание беспричинного опасения просто тактическим приемом, оправдывавшим разрушительный характер деятельности его? Я склонен остановиться на последнем выводе — до того ясно, очевидно не только для меня, но и для Совета должен был, казалось, определиться оппозиционный, а не контрреволюционный характер действий демократической буржуазии. Тем не менее, и в русской партийной литературе и в широких зарубежных кругах, именно в этом последнем освещении представляют себе дооктябрьский период революции.

Временное правительство, в первые дни своего создания объявившее широко-демократическую программу, даже в правых кругах встречало критику этой программы и неудовольствие, но не активное противодействие. В первые четыре-пять месяцев после начала революции во всей стране не было ни

^{*} Керенский. Дело Корнилова.

одной, хоть сколько-нибудь серьезной контрреволюционной организации. Оживление деятельности одних и появление других разных кружков, преимущественно офицерских, относится к июлю, в связи с предположениями о диктатуре. В состав этих кружков входило, несомненно, немало лиц и с ярко выраженными реставрационными тенденциями, но целью своею и они ставили по преимуществу борьбу с фактом существования классового неофициального правительства и с личным составом Совета и Исполнительного комитета, членам которых действительно грозило бы физическое истребление, если бы эти кружки не распались преждевременно, благодаря своей слабости, малочисленности и неорганизованности.

А наряду с постоянным противодействием такой контрреволюции справа, Совет обеспечивал полную возможность подготовки подлинной контрреволюции, исходящей из недр его, со стороны большевиков. /.../

Биография генерала А. И. Деникина

Генерал-лейтенант генштаба Антон Иванович Деникин родился в 1872 году. Отец, до 30 лет крепостной крестьянин, сдан в рекруты. После 22 лет тяжелой службы добился чина прапорщика. В отставку вышел майором.

Образование Антон Иванович получил в Ловицком реальном училище, Киевском пехотном юнкерском училище и в Академии Генерального штаба. В штабах Варшавского, Киевского, Казанского и Одесского военных округов прошла его служба на младших должностях офицера Генштаба. Участвовал в русско-японской войне. Четыре года командовал 17-м полком. В начале войны был генерал-квартирмейстером 8-й армии, затем принял 4-ю стрелковую бригаду и на этой должности проявил свои способности боевого начальника, закрепив славу „Железных стрелков“, обретенную ими в туркской войне.

Февральская революция застала его командиром 8-го корпуса. Временное правительство назначило его начальником штаба Ставки, где он пробыл до конца мая. Был назначен главнокомандующим армиями Западного фронта, затем — Юго-Западного фронта.

За поддержку генерала Корнилова был снят со своего поста, арестован и заключен в Быховскую тюрьму, откуда он с другими узниками ушел после Октябрьского переворота и направился к ген. Алексееву на Дон. После гибели ген. Корнилова и смерти ген. Алексеева в 1918 г. стал главнокомандующим Добровольческой армии, а 26 декабря того же года — главнокомандующим Вооруженными Силами Юга России. 30 мая 1919 г. ген. Деникин признал над собой власть Верховного Правительства России — адмира-

ла Колчака. Под командованием ген. Деникина Вооруженные Силы Юга России, освободив от красных Кубань (Второй Кубанский Поход), повернули на север и под лозунгом „На Москву“ дошли до Орла. Но на дальнейшее наступление сил уже не хватило, и начался отход армии. После отступления и эвакуации из Новороссийска, 22 марта 1920 г. ген. Деникин сдал командование ген. Врангелю.

Живя в эмиграции, ген. Деникин занял место в ряду авторитетных военных историков, широко известен его 5-томный труд „Очерки Русской Смуты“.

НТС

Народно-Трудовой Союз российских солидаристов (НТС) существует с 1930 г. Основная идея НТС, развивавшаяся в названии организации — построение свободного Российского государства, основанного не на насилии и классовой борьбе, а на выявлении народной воли, свободном труде граждан и солидарности всех слоев общества в служении общему благу. НТС борется за устранение существующего режима. Сегодня НТС считает необходимым проведение в нашей стране следующих перемен:

- отказ от насаждения во всем мире „братских“ режимов и от помощи им; нормализация отношений с Западом; возвращение всех наших войск из-за границы; сохранение боеспособности армии на уровне, достаточном для отражения иностранного вмешательства в наши дела;
- обращение всех средств и усилий на разрешение внутреннего, углубляющегося кризиса во всех областях жизни;
- поднятие жизненного уровня, для чего надо: освободить огромные средства, расходуемые на ненужные нашему народу, идеологически обусловленные цели; отказаться от системы тотального планирования; ввести в экономику принципы свободного рынка, поощрять частную инициативу, заинтересованность людей в результатах своего труда;
- восстановление правды о прошлом России; устранение препятствий для развития национальных культур всех народов нашей страны; обеспечения свободы религии;
- создание открытого общества и условий для политического плюрализма; введение правовых норм регулирования общественной жизни; освобождение политических заключенных; привлечение всего населения к обсуждению дальнейших мер по оздоровлению жизни в стране; подготовка и проведение выборов в органы управления на всех уровнях.

В СССР группы НТС действуют подпольно: распространяют литературу, листовки, информацию о положении в стране, фактах сопротивления; привлекают к работе надежных людей, способствуют созданию независимой атмосферы и росту веры народа в свои силы. Между собой эти группы не связаны, но имеют связь с зарубежным центром, который обеспечивает их литературой, печатной техникой и осуществляет координацию их действий. Если невозможно установить связь с зарубежным центром, допускается вступление в НТС самопримом. Письма в зарубежный центр НТС следует отправлять с выезжающим на Запад надежным человеком по адресу:

Postbus 902, NL—Rotterdam, Nederland (Голландия)

XXXIX конференция журнала «Посев»

В нынешнем году (как и в прошлом) 39-я конференция журнала „Посев” прошла с большим успехом в Нью-Йорке. 1 ноября 1987 года в зале большого отеля „Нью-Йорк Пента Отель” собралось более 220 человек. Аудитория состояла из представителей различных поколений российской эмиграции. Докладчики приехали из Германии, Англии и нескольких штатов США.

Заседание открыл председатель правления Русского исследовательского фонда, член совета НТС и член редколлегии журнала „Посев” Борис Сергеевич Пушкарев. Он приветствовал собравшихся, представил докладчиков и участников дискуссии по докладам, сообщил, что следующая — 40-я конференция „Посева” — состоится в Европе. Он призвал к посильной помощи Русскому исследовательскому фонду в его большой и жертвенной работе.

Докладчики довольно строго придерживались темы конференции: „Перестройка и общественные силы”. В связи с новыми политическими веяниями обсуждались истоки и взаимосвязь перестройки и гласности и делались прогнозы на будущее. Многие участники конференции подчеркнули значительность настоящего политического момента — вынужденный поворот в советской политике.

Вступительное слово сказала приехавшая из ФРГ главный редактор „Посева” Елизавета Романовна Миркович.

Затем выступил проф. Александр Юльевич Штрмас (Сальфордский университет, Англия), юрист, политолог, автор многих трудов по советологии. Он говорил, сочетая большую эрудицию с не менее большим даром красноречия. Штрмас снабдил свое выступление на тему „Противоречия перестройки” убедительными цитатами из различных источников. По мнению А. Ю. Штрмаса — советское руководство проводит ныне две политики: внутренняя — перестройка и внешняя — гласность, причем перестройка подчинена стратегической задаче — „ускорению”. Страна, по признанию ее лидеров, находится в „предкризисном” состоянии и, чтобы не повторились польские события 80-х

годов, партия должна была экстренно искать выход из положения. Децентрализация и свобода рынка или „стагнационный застой” несовместимы с самоохранительными задачами руководства. Посему избран путь внутренней децентрализации системы, т. е. внедрение в нее элементов раздробленности и самоуправления. Руководство хочет заставить работать людей, не привыкших работать, — от ответственных работников до простых рабочих, получающих деньги за безделье.

Объявленная в 1986 году политика гласности менее опасна для режима, нежели децентрализация. Необходимо было привлечь к этой политике интеллигенцию. Поэтому разрешили печатать ранее запрещенные произведения литературы и искусства. Однако существует целый ряд табу — например: критика системы, личности Ленина и пр. В основном, интеллигенция пока заняла выжидательную позицию. Все же нельзя игнорировать позитивные результаты гласности: создание официально непризнанных обществ, клубов, издания, открытое обсуждение острых тем и т. д. Штрмас считает, что нужно поддержать политику Горбачева, дать ей стать необратимой, иными словами работать на расширение гласности. („Куй железо — пока Горбачев”, — пошутил докладчик). А. Штрмас заключает, что власть исчерпала самое себя и советско-большевистский период в истории России близится к концу.

Следующий докладчик Фридрих Евсеевич Незнанский, член редколлегии журнала „Посев”, юрист по образованию и автор известных детективных романов, говорил о новых силах в советском обществе.

Как и предыдущий докладчик, Ф. Е. Незнанский констатировал факт кризисного состояния диктатуры КПСС. Не от хорошей жизни приняло руководство политику ГПУ: гласность, перестройка, ускорение. Незнанский считает: управляющий класс защищает только свои интересы. У гражданского общества нет политического защитника. Задача оппозиции — вернуть обществу функции, отобранные у него КПСС: защита памятников культуры, охрана окружающей среды,

занятие свободной торговлей и пр. Незнанский также говорил о появлении в стране неформальных общественных групп различного направления, стремящихся к кардинальным реформам в самых различных сферах. Эти группы выходят из-под контроля власти, на что жалуется шеф КГБ Чебриков. Но КПСС не может провести кардинальные преобразования, поскольку вся система зашла в тупик. Именно поэтому руководство занялось „перестройкой” своих рядов. Перед ним стоят нелегкие задачи: сближение с Западом, создание с помощью НТР мощного народного хозяйства, поднятие жизненного уровня страны. У перестройки много противников, например, — работники аппарата управления, хозяйственники, привыкшие ждать директивы сверху, работники, получающие незаработанные деньги, люди, живущие на нетрудовые доходы, чиновники министерств и ведомств и часть партаппарата. Сторонниками перестройки является значительная часть рабочего класса, работники сельского хозяйства, инженерно-технические работники и др. Таким образом, советское общество разделено сейчас на два лагеря: за и против перестройки. Ф. Е. Незнанский считает, что оппозиция внутри страны и вне ее должна быть защитником интересов различных социальных слоев в Советском Союзе, откуда там не будут образованы политические партии, выражающие интересы своих групп.

Доклад „Новые идейные течения” прочла Екатерина Алексеевна Самсонова, главный редактор журнала „Грани”. Е. А. Самсонова предполагает, что перестройка для Горбачева важнее гласности, у которой две цели. Первая: борьба с коррупцией, разоблачение бесчинств в экономике и в некоторых других сферах социальной жизни. Вторая — это гласность творческой интеллигенции, особенно литературной. С нею власть заигрывает, прося у нее помощи. Дает подклички: печатает Пастернака, Набокова, разрешает некоторые запрещенные темы... Конечно же, и в этой атмосфере рождаются настоящие литературные произведения. Докладчик назвала повесть А. Приставкина „Ночевала тучка золотая...” и рассказы Битова. Однако официальные писатели гласности и перестройки узурпировали право на правду. Например, расхваливаются романы Дудинцева или Гранина без упоминания множества других книг, уже написанных на ту же тему — книги

Ж. Медведева, М. Поповского, Р. Берг и др. Или: в Москве на собрании, посвященном разоблачению культа личности, доктор наук читает неопубликованный с 1956 года текст доклада Хрущева, однако не может назвать печатный источник, который является текстом, переведенным с польского и напечатанным в издательстве „Посев”. Да и имя Солженицына и слово ГУЛАГ непроизносимы даже среди московской просвещенной публики, хорошо знакомой с самиздатом. И все же ошибочно думать, что через два с половиной года от начала гласности, она полностью контролируется сверху. Нет. Гласность может приобрести свою динамику, только нужно превратить ее в политический процесс в обществе. Докладчик считает, что это и есть задача интеллигенции. Е. Самсонова заключает, что о „благих” намерениях власти нужно судить по трем параметрам: изменение внешней политики (Афганистан в первую очередь) изменение отношения к религии и к церкви и изменение отношения к оппозиции.

Приехавший из Вашингтона участник Комитета защиты гонимых православных христиан прот. Виктор Потапов говорил о нынешнем положении церкви в СССР. Прот. В. Потапов считает, что сейчас в Советском Союзе наблюдается повышенный интерес к религии. Оказывается — легко срывать кресты с куполов, но веру разрушить трудно. Так же наблюдается отрадное явление: сочувствие к пострадавшей церкви. Нет уже оголтелых антирелигиозных выпадов, реставрируются и реконструируются храмы и монастыри, — например, часовня бл. Ксении, Данилов монастырь и другие. Есть попытка пересмотра некоторых церковных законов. О. Виктор упомянул письмо верующих к Патриарху Пимену, просящих об открытии новых храмов, об увеличении тиражей Библии и Евангелия, об открытии религиозных библиотек, устранении антирелигиозного давления на детей и незаконности „милости к падшим”. Был упомянут (не один раз на конференции) Е. Евтушенко, высказывающийся в данном случае за религиозную терпимость. Однако к предстоящему юбилею Крещения Руси власти относятся весьма двойственно.

Борис Пушкарев суммировал сказанное докладчиками, затем состоялась дискуссия по докладам.

Первым выступил проф. Абдурахман Абдурахманович Авторханов, автор многих известнейших в мире работ по советологии, в их числе „Происхождение партократии“. Авторханов высказал свое мнение о переменах в советской политике. На происходящее там он смотрит без розовых очков, называя нынешние перемены тактикой троянского коня. В подтверждение своим доводам он обильно цитировал Ленина. Отметил он также популярность Горбачева на Западе, однако посоветовал Западу разговаривать с советским генсеком на равных: „даешь — даю“, т. е. пусть на деле покажет свои благие намерения. В Горбачеве докладчик видит некий психологический синтез черт Ленина и Сталина.

Затем „адвокатом дьявола“ выступил Аркадий Николаевич Шевченко, — бывший советский дипломат, заместитель генерального секретаря ООН, автор нашумевшей книги „Разрыв с Москвой“. В 1978 году он порвал с советским режимом и остался в США.

А. Н. Шевченко не согласен с авторхановским портретом Горбачева. Нынешние вожди уже не верят ни в какую идею. Ни Макиавелли (на флорентийского государственного мыслителя ссылался Авторханов), ни Ленин, ни Сталин не могли предвидеть сегодняшнего дня. Сейчас нельзя жить старыми стереотипами, нельзя опираться на прошлое. Горбачев прекрасно понимает, что страна зашла в полный тупик, посему даже четверть гласности более полезна для сохранения системы, нежели отживший сталинизм.

Дмитрий Федорович Михеев (Гуверовский институт) отметил, что человеку неестественна жизнь при социалистическом строе — ему свойственны частная собственность и политическая свобода.

Еще один калифорниец, проф. Николай Николаевич Петро из Монтерейского института международных отношений, рассматривает нынешнюю политику советского руководства на основании исторически-сравнительных примеров. Он указал на российские реформы, например, отмену крепостного права. Петро сомневается в реальности „революции сверху“. В будущем Н. Н. Петро ждет запрета гласности.

В дискуссии принял участие и приехавший из Бостона известный поэт Наум Коржавин. По мнению Коржавина, лучше Горбачев у власти, нежели кто-нибудь другой из той же

партии. После смены Черненко Н. Коржавин был уверен, что в стране уже не возродится сталинизм. Печально, что нарушена вера в человека, но поэт верит в здоровые жизненные силы русского народа. Он подтвердил слова редактора „Грани“ Е. А. Самсоновой, назвав повесть А. Приставкина „Ночевала тучка золотая...“ событием в русской литературе.

Конференция закончилась. Но по оживленному обмену мнениями, спорам и разговорам в кулуарах можно было судить, насколько интересной и своевременной была она в нынешнем году. Думается, что многие не могут не согласиться со словами А. Авторханова, произнесенными им на конференции. Он сказал, что о работе НТС нужно судить не по ошибкам, а по достижениям этой организации.

Основные выступления будут опубликованы в ближайших номерах „Посева“.

Валентина Синкевич

Совещание «Посева» в Париже

В 1987 году, кроме XXXIX конференции, было проведено также совещание „Посева“. Состоялось оно 14 ноября в Париже, традиционно сохранившем свое значение основного средоточия русской эмиграции на европейском континенте.

Вводный доклад прочел ответственный секретарь журнала „Посев“ В. М. Рыбаков. Затем началось за Круглым столом обсуждение темы совещания: „Перестройка и роль общественности“. Участниками Круглого стола были:

Ирина Алексеевна Иловайская-Альберги, Париж — главный редактор „Русской мысли“, старейшей независимой русской газеты в Европе.

Доктор Ячек Бар, Швейцария — бывший консультант польского МИДа и советник польских посольств, активный участник „Солидарности“, ныне научный сотрудник Швейцарского Восточного института в Берне.

Доктор Иян Эллиот, Великобритания, — советолог, преподаватель в Политехникуме г. Брайтон, редактор журнала „Совет аналит“, политический комментатор ряда английских газет.

Доктор Анатолий Иванович Корягин, Швейцария — врач-психиатр, мужественно от-

стаивавший в заключении честь русского врача и гражданина и продолжающий свою борьбу за рубежом.

Александр Михайлович Югов, ФРГ — член редакции журнала „Посев“, политический публицист.

Вел Круглый стол *Георгий Евгеньевич Брудерер, Швейцария* — публицист по военным вопросам, научный сотрудник Швейцарского Восточного института в Берне.

В. А. Сендеров (Москва) передал парижскому совещанию „Посева“ приветствие (текст публикуется отдельно).

Совещание посетили свящ. о. Михаил Арцимович, настоятель храма Воскресения Христова в Медоне (Франция), и прот. Анатолий Ракович, настоятель собора св. Александра Невского в Париже.

Среди присутствующих были (перечень дается в алфавитном порядке): Жак Арну, французская „Ассоциация Свободная Россия“; Ю. Б. Брюно, председатель Исполнительно Бюро НТС; А. И. Гинзбург, сотрудник „Русской мысли“; К. А. Ельчанинов, директор общества „Помощь верующим в СССР“; В. Г. Жедиягин, сотрудник АФП; М. Корнэ, председатель французского общества „Груп де Пари“; Ю. Кублановский, поэт; С. Н. Милорадович, директор издательства „Оверсиэ“ (Лондон); К. МакМилан, председатель английского общества „Ассоциация Свободная Россия“; В. В. Нечаев, писатель; художники Оскар и Александр Рабины; Н. Г. Росс, историк; Н. Н. Рутченко, историк; М. В. Синявская, главный редактор журнала „Синтаксис“; Франсуаз Тома, французский журналист и советолог; Сергей (бывший распорядитель Русского общественного фонда помощи политзаключенным в Москве) и Татьяна Ходоровичи; А. Д. Шмеман, главный начальник Н. О. Витязей; Ирина Элкоина, журналистка; Л. Юргенсон, французская писательница русского происхождения, получившая в 1987 г. литературную премию „Медичи“.

*

В зале находились корреспонденты „Литературной газеты“ (Кирилл Привалов) и газеты „Правда“ (Владимир Большаков). Оповещение о предстоящем совещании было передано представителям советской прессы предварительно. (В Нью-Йорке на тех же основаниях посетил конференцию Владимир Сухой, газета „Правда“). Открытое присутствие представителей советского пропагандного аппарата на совещаниях печатного органа политической оппозиции — тактический прием периода „перестройки“. Видна аналогия с присутствием представителей официальной прессы на встрече редакторов независимых периодических изданий 24–25 октября 1987 года в Ленинграде.

Приветствие парижскому совещанию

Дорогие друзья!

Я рад возможности приветствовать совещание журнала „Посев“ в Париже.

Я и из Чистополя приветствовал вас, мысленно, разумеется, — даже попытки передач из одиночки политической тюрьмы были бы безнадежны... Но я чувствовал, был уверен, что в каком-то высшем смысле мои дружеские приветствия все-таки дойдут...

Я знал, что и вы помните обо мне, знал, как вы мысленно братски поддерживаете друг друга изолированными в подвалах, в камерах смертников Лубянки и тюрьмы гестапо на Александерплац. И эта уверенность поддерживала меня и давала силы для дальнейшей борьбы.

Сейчас обстановка в России меняется. Сделаются ли перемены кардинальными и необратимыми, станут ли нынешние события поворотными в нашей трагической истории? Полагаю, что именно в этой обстановке выжидательная позиция принципиально неверна. „Не надеяться, а — действовать!“ — как никогда актуально прозвучал в недавней резолюции Совета НТС наш вечный лозунг.

В стране заметно растет интерес к организации. Спектра политических оппозиционных сил пока, увы, нет. И на фоне этого положения с наглядной очевидностью выступает: конструктивные предложения, глобальные и, в то же время, — детализированные, исходят в данный момент лишь от нас. Например, документы: „На пути к правовому государству“, „Основы обновления народного хозяйства“... Парадоксально, быть может, — даже позитивные предложения советских лидеров оказываются собраны воедино и синтезированы — лишь нами! Но парадоксально — только на первый взгляд; и мыслящая часть российского общества все яснее понимает это.

Обстановка в стране налагает на нас и на журнал „Посев“ особую ответственность. Поэтому мы с огромным интересом и нетерпением ждем итогов вашего совещания и подробных сообщений о нем.

Желаю вашему совещанию напряженной, деловой и максимально результативной работы.

С Богом и за Родину, дорогие мои друзья!
Да возвеличится Россия...

Валерий Сендеров

Москва, 8 ноября 1987 г.

НАИБОЛЕЕ ИЗВЕСТНЫЕ КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА „ПОСЕВ”:

АВТОРХАНОВ А. *Загадка смерти Сталина* (Заговор Берия). Анализ документов и событий, связанных со смертью Сталина. *Происхождение партюкратии* (два тома). Историческое исследование, показывающее, что сталинизм — лишь логичное завершение ленинизма. *Технология власти*. Классический труд по истории сталинизма. *Мемуары*.

БОРОДИН Л. Повести *Год чуда и печали*, *Третья провид*, роман *Расставание*. Автор, отсидевший в лагере 6 лет (1967–73) за участие в подпольной организации ВСХСОН), в 1982 г. приговорен к новому сроку — 10 лет заключения и 5 лет ссылки.

БУЛГАКОВ М. *Мастер и Маргарита*. Места, выпущенные цензурой в первом советском издании, напечатаны курсивом.

БУНИНЫ И. А. и В. Н. *Устами Буниных*. Дневники, под ред. М. Грин, в 3 томах.

ВЕХИ. Сборник статей о русской интеллигенции. Воспроизведение издания 1909 года. Статьи Н. Бердяева, С. Булгакова, С. Франка и др.

ВЛАДИМОВ Г. *Верный Руслан*. История караванной собаки. *Три минуты молчания*. Восстановлено все, выброшенное советской цензурой.

Большая руда. Зарубежное переиздание с послесловием автора. *Не обращайтесь внимания, мастер*. Сюжет — осада квартиры писателя органами КГБ — взят из жизни самого Владимова.

ВОЙНА В АФГАНИСТАНЕ. Постоянно переиздающийся и пополняемый сборник статей. Анализ боевых действий, причин войны и факторов, влияющих на ее дальнейший ход.

ВРАНГЕЛЬ П., генерал. *Воспоминания*.

ВЫШЕСЛАВЦЕВ Б. *Философская ниццета марксизма*. Классический труд по критике марксизма, автор которого, известный русский философ, был выслан из СССР в 20-е годы.

ГАЛИЧ А. *Когда я вернусь*. Полное собрание стихов и песен трагически погибшего барда, члена НТС.

ЗЕНЬКОВСКИЙ В., протонерей. *Основы христианской философии* (в 2-х томах).

КОМАРОВ Б. *Уничтожение природы*. Обострение экологического кризиса в СССР.

ЛЕВИЦКИЙ С. *Основы органического мировоззрения*. Автор книги — известный русский философ-солидарист. *Трагедия свободы*. В предисловии Н. О. Лосского к этой книге отмечена ее преемственность по отношению к философской линии В. Соловьева. *Очерки по истории русской философской и общественной мысли*.

ЛОССКИЙ Н. *Характер русского народа*. Один из известнейших русских философов XX в. анализирует положительные и отрицательные черты характера своего народа. *Общедоступное введение в философию*.

МАКСИМОВ В. Собрание сочинений: 1. *Сага о Савве*. 2. *Семь дней творения*. 3. *Карантин*. 4. *Процание из ниоткуда*. 5. *Жив человек*. Пьесы. 6. *Ковчег для незваных*.

НАДЕЖДА, Христианское чтение. Самиздатский православный сборник, выходит 2–3 раза в год.

НЕЗНАНСКИЙ Ф. *Журналист для Брежнева, Ярмарка в Сокольниках*. Детективы, основанные на реальных фактах преступлений в номенклатурных верхах.

НЕИЗВЕСТНЫЙ Э. *Говорит Неизвестный*. Знаменитый скульптор говорит о себе, о своем творчестве, о сущности сов. режима.

НЕКРАСОВ В. *Сталинград* (повесть „В окопах Сталинграда” и рассказы). Зарубежное переиздание с послесловием автора.

ОКУДЖАВА Б. *Проза и поэзия*. Повесть *Будь здоров, школяр*, рассказ „Промоксис”, стихотворения, песни.

ОСИПОВ В. *Три отношения к родине*. Сборник статей осужденного в 1975 г. на 8 лет лагерей редактора самиздатского русского национально-го журнала „Вече”.

ОРВЕЛЛ Дж. 1984. Русский перевод всемирно известного утопического романа, изображающего тоталитарную систему, доведенную до своего логического завершения. *Скотский хутор*. Сатирическая повесть о коммунистическом обществе.

ПАСТЕРНАК Б. *Доктор Живаго*.

ПУШКАРЕВ С. *Самоуправление и свобода в России*. О развитии форм народного самоуправления от древней Руси до их крушения в 1917 г. *Роль Православной Церкви в истории России*.

РАЗРУШЕННЫЕ И ОСКВЕРНЕННЫЕ ХРАМЫ. Составленный в Самиздате фотоальбом с послесловием „Пределы вандализма”.

РЕДЛИХ Р. *Сталинизм как духовный феномен*. Советские мифы и фикции, психика советского человека, нравственный облик сталинизма. *Советское общество*. Социологический анализ советского общества. *Солидарность и свобода*. Изложение идеологии НТС.

РОССИЯ В ЭПОХУ РЕФОРМ. Сборник исторических статей. Составители: В. Желягин и Н. Рутыч.

А. САХАРОВ В БОРЬБЕ ЗА МИР. Статьи, выступления, письма А. Д. Сахарова.

СОЛЖЕНИЦЫН А. *Собрание сочинений* в 6-ти томах: 1. *Один день Ивана Денисовича* и рассказы. 2. *Раковый корпус*. 3 и 4. *В круге первом*. 5. Пьесы, рассказы, статьи. 6. *«Дело Солженицына»*, *Нобелевская премия*, *О творчестве Солженицына*.

«СОЛИДАРНОСТЬ». 3-е изд. Анализ польских событий 1980-82 гг. с выводами, которые должно сделать для себя рабочее движение в России.

ГРАНИ

Ежеквартальный журнал литературы, искусства, науки и общественно-политической мысли. Проза, поэзия, очерки современности, философия, публицистика, литературная критика и пр.

Журнал считает своим долгом способствовать развитию свободной мысли, свободного слова, свободного творчества; способствовать публикации произведений, которые не могут быть изданы на родине из-за цензурных ограничений. Из широко известных авторов в „Гранях” были опубликованы произведения А. Авторханова, В. Аксенова, митрополита Анастасия (Грибановского), Н. Арсеньева, А. Ахматовой, Л. Бородина, М. Булгакова, И. Бунина, Г. Владимова, В. Войновича, Б. Вышеславцева, Ю. Галанскова, А. Галича, З. Гиппиус, В. Гроссмана, Ю. Домбровского, Н. Заболоцкого, Б. Зайцева, Е. Замятина, Л. Копелева, Н. Коржавина, В. Корнилова, З. Крахмальниковой, А. Куприна, С. Левицкого, Н. Лосского, В. Максимова, О. Мандельштама, В. Набокова, В. Некрасова, Б. Окуджавы, Б. Пастернака, К. Паустовского, А. Платонова, Г. Подъяпольского, И. Ратушинской, Р. Редлиха, А. Ремизова, Ф. Светова, А. Солженицына, Вл. Солоухина, М. Цветаевой, И. Шмелева, В. Шулгина и др.

Периодически выходят сборники — „Грани. Избранное” — книжечки карманного формата, на тонкой бумаге, содержащие избранные произведения из опубликованного в „Гранях” за два года и предназначенные для распространения внутри страны.

ОБРАЩЕНИЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ПОСЕВ» К РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Издательство «Посев» предоставляет вам возможность публиковать те произведения, которые не могут быть изданы на родине из-за политической цензуры. Если автор хочет опубликовать свою рукопись под псевдонимом, издательство примет меры к тому, чтобы исключить возможность установления личности автора.

Произведения, вышедшие в Самиздате, перестают быть исключительным достоянием автора — они становятся достоянием российской литературы. Поэтому издательство «Посев» считает своим долгом способствовать публикации таких рукописей.

Авторские гонорары выплачиваются по первому требованию автора. Пересылать рукописи можно как через своих друзей, едущих в некоммунистические страны, так и через иностранцев, посещающих СССР. За границей надо сдать пакет на почту, а если это невозможно — опустить в почтовый ящик без марок. На пакете надо указать следующий адрес:

Possev-Verlag Flurscheideweg 15 D-6230 Frankfurt/M. 80

Дорогие друзья! Наши возможности переправки в Россию литературы из зарубежья пока невелики. Коммунистический режим содержит на границах огромный аппарат цензуры и таможи, на преодоление которого требуется много усилий. Каждый экземпляр журнала, проникший в страну через эти заслоны — это труд и риск многих людей. Поэтому — берегите литературу. После прочтения передавайте другим. Пока такая литература не может свободно издаваться в нашей стране, — она не может быть личной собственностью. Фотографируйте журнал, размножайте его доступными способами и рассылайте по почте. Это будет вашим вкладом в наше общее дело.